

ХОЛЛИ БЛЭК

Волшебная

Annotation

Когда тебе шестнадцать и ты горда и независима, найти понимание у тех, кто рядом, бывает очень трудно. А если ты еще и обладаешь особым магическим даром, то тебя и вовсе считают, мягко говоря, фантазеркой.

Но и это пока не самое страшное.

Случайная встреча в лесу с молодым рыцарем-фейри открывает перед Кайей совершенно незнакомый до этого мир волшебных народов и вовлекает в паутину интриг его обитателей.

Более того, от старой ведьмы девочка с ужасом узнает, что и сама она не человек...

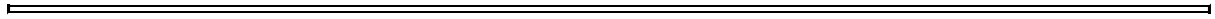
- [Холли БЛЭК](#)

- [Пролог](#)
- [Глава 1](#)
- [Глава 2](#)
- [Глава 3](#)
- [Глава 4](#)
- [Глава 5](#)
- [Глава 6](#)
- [Глава 7](#)
- [Глава 8](#)
- [Глава 9](#)
- [Глава 10](#)
- [Глава 11](#)
- [Глава 12](#)
- [Глава 13](#)
- [Глава 14](#)
- [Глава 15](#)

- [notes](#)

- [1](#)
- [2](#)
- [3](#)
- [4](#)
- [5](#)
- [6](#)

- [7](#)
- [8](#)
- [9](#)
- [10](#)
- [11](#)
- [12](#)
- [13](#)

Холли БЛЭК ЗАЧАРОВАННАЯ

Моей сестренке Хейди

*Страна Волшебная – отрада,
Но я поведаю секрет
Ужасный: каждые семь лет
Мы платим десятину Аду -
Того, кто юн и полон сил.
Боюсь, черед мой наступил.*

Янг Там Лин

Пролог

И голод Мильтона сильней

В познание Бога и страстей. [\[1\]](#)

*А. Э. Хаусмен. «Теренций, глупо холить
плешь...»*

Кайя еще раз затянулась сигаретой и бросила ее в недопитую матерью бутылку пива. Она решила, что это будет неплохая проверка того, насколько Эллен пьяна, – проглотит она бычок или нет?

Эллен, Ллойд и остальные музыканты группы «Идущие по лезвию» еще находились на сцене. Состав группы был отвратительный, и, глядя, как они разбирают оборудование, Кайя понимала, что они и сами это осознают. Впрочем, это не имело значения – колонки звучали громко и хрипло, а все посетители пили, курили и к тому же орали, так что Кайя сомневалась, заметил ли менеджер, как плохо выступала группа. Кое-кто из слушателей даже танцевал под музыку.

Бармен бросил на Кайю масляный взгляд и предложил ей выпить «на посошок».

– Молока, – хмыкнула девушка, отбросив назад растрепанные белокурые волосы, и сунула в карман пару коробков спичек, когда бармен повернулся спиной.

Затем к ней подошла мать, взяла бутылку с пивом и отпила большой глоток, а потом выплюнула прямо на барную стойку.

Кайя не смогла удержаться от озорного смешка. Мать недоверчиво покосилась на нее.

– Иди помоги загрузить машину, – произнесла Эллен хриплым от пения голосом и пригладила пятерней влажные волосы.

За вечер с ее губ стерлась почти вся помада, лишь в уголках остался размазанный контур. Вид у Эллен был усталый.

Быстрым движением Кайя соскользнула со стойки и вскочила на

сцену. Ллойд уставился на нее тусклыми глазами, когда она принялась наугад хватать вещи, выбирая из общей массы те, что принадлежали ее матери.

– Эй, детка, у тебя деньги есть?

Кайя пожала плечами и достала десятидолларовую бумажку. У нее было больше, и Ллойд, возможно, знал об этом: она пришла сюда прямо из «Жирного кусочка». Быть может, за разноску китайской пищи и платили гроши, но это, по крайней мере, позволяло заработать больше, чем выступая в группе.

Он взял деньги и вразвалочку направился к бару, наверняка собираясь выпить пива.

Кайя подхватила вещи Эллен и потащила их сквозь толпу. Люди по большей части убирались с ее пути. Снаружи девушку встретил холодный осенний воздух, и ей стало приятно, невзирая на запах железа, выхлопных газов и мазута из подземки. Большой город для Кайи всегда пах металлом.

Ей потребовалось всего несколько минут, чтобы погрузить вещи в машину. Она вернулась в клуб, намереваясь затащить мать в машину прежде, чем кто-нибудь разобьет окно и сопреет оборудование. В Филадельфии ничего нельзя оставлять в автомобиле. Последний раз, когда ограбили машину Эллен, оттуда утащили поношенный плащ и сумку с полотенцами.

Девушка, сидящая на фейс-контроле у дверей, на этот раз наградила Кайю долгим взглядом, но ничего не сказала. Было уже поздно, и клуб вскоре закрывался. Эллен все еще сидела у барной стойки, дымя сигаретой и попивая что-то покрепче пива. Ллойд беседовал с каким-то типом с длинными темными волосами. Этот человек выглядел в баре совершенно неуместно – то ли слишком хорошо одет, то ли еще что-то, но Ллойд панибратски закинул руку ему на плечо. Кайя поймала взгляд незнакомца. Его желтые глаза светились в полутьме бара, словно у кота. Кайя вздрогнула.

Но она всегда видела всякие странные вещи и уже научилась не обращать на это внимания.

– Машина загружена, – сказала Кайя матери.

Эллен кивнула, едва прислушиваясь к ее словам.

– Можно сигарету, дорогая?

Кайя выудила из сумки пачку, вытащила две сигареты, протянула одну матери, а другую раскурила сама.

Эллен склонилась к Кайе, обдав ее запахом виски, пива и пота, знакомым с детства, как другим девочкам знакомы любимые духи их матери.

– Сигаретный поцелуй, – пробормотала Эллен, и эта старая глупая шутка вызвала у Кайи одновременно раздражение и нежность.

Мать коснулась кончиком сигареты огонька на сигарете Кайи и глубоко вдохнула. Две затяжки – и в прокуренном воздухе бара повисло новое облачко дыма.

– Готовы ехать домой? – спросил Ллойд. Кайя едва не подскочила. Ее испугало не то, что Ллойд подошел незаметно, а то, как звучал его голос. Он был каким-то бархатистым и вкрадчивым. Ничего общего с обычной грубой манерой Ллойда изъясняться.

Эллен, похоже, ничего не заметила. Она проглотила то, что еще оставалось в ее бокале, и ответила:

– Конечно.

Миг спустя Ллойд поднял руку, словно намеревался ударить Эллен по спине. Кайя машинально отреагировала и с силой оттолкнула его. Он был пьян, и только поэтому она при своем невеликом весе заставила его пошатнуться. Нож она заметила только тогда, когда он звякнул об пол.

Лицо Ллойда было совершенно пустым, лишенным всяких эмоций, глаза широко раскрыты, зрачок во всю радужку.

Фрэнк, барабанщик «Идущих по лезвию», схватил Ллойда за руку. Тот успел ударить Фрэнка в лицо, прежде чем несколько посетителей скрутили буяна, и кто-то вызвал полицию.

К тому времени, как прибыли копы, Ллойд уже ничего не помнил. Но он был зол как сто чертей и орал во всю глотку, костеря Эллен на чем свет стоит. Полицейские отвезли Кайю и Эллен на квартиру Ллойда и ждали, пока Кайя не покидает свою и материну одежду и другие шмотки в пластиковые мешки для мусора. Эллен висела на телефоне, стараясь отыскать место, куда бы они могли уехать.

– Дорогая, – сказала она наконец, – мы поедем к бабушке.

– Ты ей позвонила? – спросила Кайя, складывая диски с песнями Грейс Слайк в пустой ящик из-под апельсинов.

С тех пор как шесть лет назад они с Эллен уехали из Нью-Джерси, они навещали бабушку только один раз. Даже по праздникам Эллен всего пару минут разговаривала по телефону со своей матерью, прежде чем передать трубку Кайе.

– Да, я ее только что разбудила, – устало отозвалась Эллен. – Мы там побудем немного. Ты даже сможешь навестить эту свою подружку.

– Дженет, – подсказала Кайя.

Она надеялась, что Эллен имеет в виду именно Дженет. Не хватало еще, чтобы мать снова начала ее дразнить всякой сказочной фигней. Если придется выслушивать шуточки насчет Кайи и ее славных воображаемых друзей...

– Ту, которая писала тебе по электронной почте из библиотеки. Дай мне еще одну сигаретку, а? – Эллен бросила в ящик кучу CD-дисков.

Кайя прихватила кожаную куртку Ллойда, которая ей всегда нравилась, и прикурила для матери сигарету от кухонной зажигалки. Нет смысла зря тратить спички.

Глава 1

*Неразрывно, как кома, нежно, как цветок,
Оборотное «я» власть берет над тобой,
И становится эльфом твой атом любой.*

*Мина Лой. «Забывший „Лунный
путеводитель модернизма“»*

Кайя закружилась на истертых серых досках прогулочного пирса. Воздух был тяжел от влаги и наполнен запахом высыхающих ракушек и соли, что коркой покрывала причал. Волны кидались на берег и медленно отползали в море, унося с собой струйки песка и камешки.

Солнце только что зашло, но бледная луна уже стояла высоко в небе.

«Так хорошо иметь возможность дышать», – подумала Кайя. Она любила невинную жестокость океана, любила ощущение мурашек, которые пробегали по ее телу с каждым глотком влажного соленого воздуха. Она покружилась еще, не обращая внимания на то, что юбка ее взлетает до самой резинки длинных черных чулок, обтягивающих ноги.

– Идем, – позвала Дженет.

Она переступила через наполненную водой и забитую листьями сточную канаву, которая шла вдоль улицы, тянущейся параллельно пирсу, и слегка пошатнулась в своих туфлях на высокой платформе. Блестки ее макияжа заискрились в свете фонарей. Выдохнув облачко голубого дыма, Дженет снова затянулась сигаретой.

– Не упади.

Кайя с матерью уже неделю жили у бабушки, а Эллен все еще продолжала твердить, что скоро они уедут. Но Кайя знала, что на самом деле им некуда ехать. Кайя была счастлива. Ей нравился большой старый дом, пропахший пылью и нафталином. Ей нравилось, что море так близко и что в воздухе нет запахов, от

которых першит в горле.

Дешевые отели, мимо которых они проходили, были уже закрыты и заколочены на зиму. Бассейны в их внутренних дворах высохли, дно их потрескалось. Даже игровые павильоны не работали, и через пыльные стекла можно было разглядеть игрушки-призы, лежащие в автоматах-хваташках. Ржавые отметины пятнали вывеску над заброшенным магазином «Соленая морская ириска».

Дженет порылась в своей крошечной сумке и извлекла тюбик земляничного блеска для губ. Кайя повернулась к ней, полы плаща из искусственного меха под леопарда разлетелись в стороны. По чулку уже потянулась «стрелка», на ботинки налип песок.

– Пойдем поплаваем, – предложила Кайя.

Она была пьяна ночным воздухом, сияющей белой луной. Пахло влагой и диким ветром, как бывает перед грозой, и девушке хотелось мчаться, быстро и неукротимо, за край видимого ей мира.

– Вода ледяная, – со вздохом отозвалась Дженет, – а у тебя не прическа, а копна сена. Кайя, когда мы придем туда, води себя хорошо. Не будь такой странной. Парни не любят странных девушек.

Кайя помолчала, словно внимательно к чему-то прислушиваясь, ее раскосые, подведенные черным глаза пристально смотрели на Дженет. Так иногда смотрят на людей кошки – загадочно и настороженно.

– А какой я должна быть?

– Да нет, я не хочу, чтобы ты была какой-то такой... разве ты не хочешь, чтобы у тебя был свой парень?

– А зачем этим заморачиваться? Давай найдем инкубов.

– Инкубов?

– Демонов. В единственном числе будет «инкуб». И мы наверняка сможем отыскать их, если будем плавать голыми в Атлантическом океане за неделю до Хэллоуина. По крайней мере, лучшего способа я придумать не могу.

Дженет закатила глаза.

– Ты знаешь, на что похоже солнце? – спросила Кайя.

Там, где небо встречалось с морем, осталась лишь узенькая

полоска красного света.

– Нет, а на что? – осведомилась Дженет, протягивая блеск для губ Кайе.

– На человека, который вскрыл вены, лежа в ванне, и теперь кровь расплывается в воде.

– Это дурацкая чушь, Кайя.

– А луна просто смотрит. Она просто смотрит, как оно умирает. Должно быть, это она довела его до такого.

– Кайя...

Кайя снова закружилась, смеясь.

– Почему ты всегда придумываешь такую хрень? Это именно то, что я имею в виду под «странной».

Дженет говорила громко, но Кайя едва слышала ее за шумом ветра и собственным смехом.

– Вот-вот, Кайя. Помнишь тех фейри, о которых ты когда-то рассказывала истории? Как там его звали?

– Кого именно? Шипа или Хряща?

– Вот именно. Ты их придумала! – воскликнула Дженет. – Ты всегда придумывала всякую чушь.

Кайя остановилась и склонила голову набок, сунув руки в карманы.

– Не буду говорить, что я этого не делала.

Старое здание карусели было заброшено много лет назад. В оконных панелях с выбитыми стеклами красовались остатки узорного витража – головки ангелов, окруженные лучистыми ореолами-волосами. Весь передний фасад состоял из таких панелей, и теперь сквозь них виднелись грязный пол внутри и блестящие среди мусора осколки стекла. Рассохшаяся фанерная горка для катания на скейтборде напоминала о единственной за десять лет попытке использовать это здание в коммерческих целях.

Еще издали Кайя слышала голоса, разносящиеся в стылом воздухе. Дженет бросила сигарету в сточную канаву, та зашипела и

быстро уплыла прочь, покачиваясь на воде, словнодохлый паук.

Кайя взгромоздилась на внешний выступ фасада и перебросила ноги внутрь. Стекла в окне давно не было, однако нога зацепилась за оставшийся в раме осколок, и чулок разодрался еще сильнее.

Толстый слой краски когда-то покрывал затейливо вырезанные фигурки разломанной карусели. Горка в центре помещения была вся расписана аэрозольными красками, исцарапана шариковыми ручками и обклеена выцветшими стикерами. А еще здесь их ждали парни.

– Кайя Фирш, ты ведь помнишь меня? – хихикнул Пончик.

Он был низкий и тощий, несмотря на свое прозвище.

– Кажется, это ты в шестом классе швырнул мне в голову бутылкой.

Он снова засмеялся.

– Точняк. А я уж и забыл. Ты все еще такая же чокнутая?

– Нет, – ответила Кайя, но радостное настроение покинуло ее, сменившись опустошенностью и раздражением.

Дженет влезла на верх горки, где важно, словно король, в своей серебристой летной куртке сидел Кении, наблюдая за происходящим. Он был красив – темные волосы и более темные глаза. В знак приветствия он поднял почти полную бутылку текилы, которую держал в руке.

Марк резким движением протянул Кайе бутылку, из которой перед этим пил. Немного жидкости выплеснулось на рукав его фланелевой рубашки.

– Бурбон. Дорогое пойло.

Взяв бутылку, Кайя ухитрилась изобразить улыбку. Марк продолжил потрошить сигару. Он сильно горбился, но все равно было видно, какой он здоровенный. Коричневая кожа на его голове блестела, и Кайя видела на ней порезы, оставленные бритвой.

– Я принесла тебе сладкого, – обратилась Дженет к Кении и достала пакетики со сладкой кукурузой и арахисовой тянучкой.

– «Я принесла тебе сладкого», – передразнил Пончик высоким визгливым голосом и вспрыгнул на горку. – Дай сюда.

Кайя прошла по круглому помещению. Оно было великолепным – старым, пришедшим в упадок, но прекрасным. И к нему очень подходил медленный жар бурбона у нее в горле – такие напитки пьет какой-нибудь важный тип, который всегда носит летом костюм и шляпу.

– Ты что за азиатка такая? – спросил Марк.

Он набил сигару травой и откусил один конец. Густой, сладкий запах окутал Кайю. Она сделала еще глоток из бутылки и попыталась не обращать на Марка внимания.

– Эй, Кайя, ты что, оглохла?

– Я наполовину японка.

Кайя коснулась своих волос, таких же белокурых, как у ее матери. Именно эти волосы всегда приводили людей в замешательство.

– Народ, а вы когда-нибудь видели японские мультики? Они рисуют таких маленьких-маленьких девочек с косичками или хвостиками, в коротенькой школьной форме. Ты когда-нибудь такое носила, а?

– Заткнись, придурок, – со смехом сказала Дженет. – Она ходила в среднюю школу вместе со мной и Пончиком.

Кении подцепил пальцем петлю на поясе джинсов Дженет, притянул девушку к себе и поцеловал.

– Ну ладно тогда, – хмыкнул Марк. – А может, соберешь на минутку хайры в два хвостика? Давай!

Кайя покачала головой. Она не собиралась этого делать. Марк и Пончик принялись играть в «вышибалу» пустой пивной бутылкой. Когда они пинали ее тяжелыми ботинками, она не разбивалась, но издавала гулкий звук. Кайя глотнула еще бурбона. Голова у нее уже приятно гудела, в унисон воображаемой карусельной музыке. Она прошла вглубь полутемной комнаты, где выцветшие плакаты извещали, что попкорн и орешки стоят пять центов за порцию.

В дальней стене была черная, потрескавшаяся от непогоды дверь. Когда Кайя толкнула ее, та резко отворилась. Лунный свет, заливающийся в окна основного помещения, озарил лишь старый офис с дряхлым столом и доской объявлений, к которой все еще были

пришпилены пожелтевшие листочки меню. Кайя шагнула в темный офис. Выключатель не работал, и, шаря впотьмах, она нащупала еще одну дверную ручку. Эта дверь вела на темную лестницу, освещенную лишь пробивавшимся откуда-то сверху тусклым светом.

Кайя ощупью взобралась по ступенькам. Ладонь, которой она вела по перилам, покрылась пылью. Девушка громко чихнула – раз, затем другой.

Наверху находилось маленькое окно, сквозь которое сияла луна-убийца, огромная и спелая. В углах громоздились какие-то интересные ящики. Но потом на глаза Кайе попался конь, и она забыла обо всем остальном. Великолепный конь сиял белым перламутром и крошечными кусочками зеркал. Его голова была раскрашена алой, золотой и пурпурной краской, а между двумя рядами белоснежных зубов виднелся розовый язык – можно даже было сунуть ему в рот кусочек рафинада. Кайя поняла, почему такого прекрасного коня бросили здесь: все четыре ноги и часть хвоста раскололись. Щепки свисали там, где некогда располагались стройные конские ноги.

«Хрящу это понравилось бы», – так Кайя думала много раз с тех пор, как шесть лет назад оставила побережье. «Моим выдуманным друзьям это понравилось бы», – так она решила, когда впервые увидела большой город, залитый светом будто бесконечная рождественская елка. Но пока Кайя была в Филадельфии, они не появились ни разу. А теперь ей исполнилось шестнадцать лет, и она чувствовала себя так, словно у нее вообще не осталось никакой фантазии.

Она попыталась поставить коня прямо, чтобы он опирался на расколотые копыта. Фигура пошаталась из стороны в сторону, но не упала. Кайя стянула плащ и бросила его на пыльный пол, поставив рядом бутылку с бурбоном. Затем перебросила ногу через спину коня и уселась в седло, сжимая фигуру коленями и не давая ей упасть. Провела руками по резным золоченым кольцам гривы. Коснулась нарисованных черных глаз и выщербленных ушей.

В ее воображении белый конь неуверенно поднялся на ноги. Длинные завитки золотой гривы под руками были прохладными, а массивное тело животного – настоящим и теплым. Кайя крепче ухватила за гриву, смутно осознавая слабое покалывание в руках и ногах. Конь под ней тихонько фыркнул, готовый ринуться в

холодную черную воду. Девушка вскинула голову...

– Кайя? – Негромкий голос вырвал ее из грез.

На лестничной площадке стоял Кении, озадаченно глядя на нее. На несколько мгновений Кайя пришла в ярость. Затем ощутила, как краска заливает щеки.

Сейчас, в полусвете, она рассмотрела его лучше, чем в темноте внизу. Два серебряных колечка поблескивали у него в ушах. Короткие каштановые волосы были явно сбрызнуты муссом для укладки и зачесаны изящной волной, под пару едва заметной бородке-эспаньолке. Под пилотской курткой он носил обтягивающую белую футболку, обрисовывающую легкий рельеф мышц. Такие мышцы нельзя накачать – с ними нужно родиться. Он двинулся к Кайе, протянув руку и странно глядя на нее, словно вспоминал, что хотел сделать. Затем он медленно, как будто во сне, погладил конскую гриву.

– Я тебя видел, – произнес Кении. – Я видел, что ты сделала.

– Где Дженет?

Кайя не была точно уверена, что он имеет в виду. Она подумала бы, что он дразнит ее, если бы не его серьезное лицо и замедленная речь. Кении ласкал гриву игрушечного коня. Движение его руки заворожило Кайю помимо ее воли. Он словно перебирал пряди несуществующей гривы.

– Она беспокоилась о тебе. Как ты заставила его это сделать?

– Сделать что?

Теперь Кайя была испугана и польщена одновременно. Лицо Кении не выражало насмешку. Он смотрел на Кайю так пристально, что лицо его казалось застывшим.

– Я видел, как этот конь поднялся.

Голос Кении звучал так тихо, что Кайя могла притвориться, будто вообще не слышала его. Рука парня упала на ее бедро и поползла вверх, к пройме ее хлопчатобумажных трусиков.

Хотя Кайя видела медленное продвижение ладони Кении, это прикосновение испугало ее. На миг она застыла, парализованная, а затем отскочила, отпустив лошадь, немедленно рухнувшую на пол. При падении конь сбил бутылку с бурбоном, и темная жидкость

выплеснулась на плащ Кайи и лизнула доньшки пыльных ящиков, словно подступающий ночной прилив.

Кении поймал девушку прежде, чем она успела понять, что происходит, ухватив ее за вырез рубашки. Кайя шагнула назад, оступилась и упала. Кении не успел отпустить ее, и рубашка разорвалась до самой талии, открывая лифчик.

На лестнице загрохотали шаги.

– Что за хрень? – Марк стоял на верхней ступеньке, а Пончик дышал ему в спину, стараясь рассмотреть хоть что-нибудь.

Кении покачал головой и тупо огляделся вокруг. Кайя схватила свой пропитанный бурбоном плащ.

Парни отпрянули с ее пути, и оказалось, что Дженет тоже здесь и во все глаза смотрит на них.

– Что случилось? – Дженет в замешательстве переводила взгляд с Кении на Кайю.

Кайя протолкалась мимо нее, на ходу судорожно просовывая руку в рукав плаща, наспех наброшенного на плечи.

– Кайя! – окликнула ее Дженет.

Кайя пропустила этот крик мимо ушей, перепрыгивая в темноте сразу через две ступеньки. Она ничего не могла сказать, никак не могла объяснить, что произошло.

Она слышала, как Дженет кричит:

– Что ты с ней сделал? Что ты, мать твою, с ней сделал?

Кайя пробежала через карусельный зал и перебросила ноги через подоконник. Стекланный осколок, которого она удачно избежала по дороге сюда, оставил тонкий порез на ее бедре. Девушка рухнула на песок, покрытый сухими водорослями.

Холодный ветер нежно касался ее разгоряченного лица.

Корнелий Стоун подхватил новую коробку с компьютерным хламом, отнес ее в свою комнату и свалил рядом с остальными. Каждый раз, когда его матушка притаскивала с блошиного рынка побитый монитор, липкую клавиатуру или просто мотки проводов, она смотрела с такой надеждой, что Корни хотелось ударить ее. Она

попросту не соображала, какая разница между 286-м компом и «квантумом», и не могла понять, что времена партизанской инженерии уже на исходе и что быть гребаным гением в наши дни уже недостаточно. Надо быть богатым гребаным гением.

Бросив коробку, он с силой пнул ее три раза, подхватил свою джинсовую куртку с аппликацией головы дьявола на спине и направился к двери.

Мать возилась в комнате Дженет, аккуратно складывая очередную пару джинсов, купленных в секонд-хенде. Потом она подняла блузку, на которой стразами были вышиты кошки.

– Ты сможешь использовать это добро, дорогой? Как ты думаешь, это понравится твоей сестре?

– Спасибо, ма, – выговорил Корни сквозь стиснутые зубы. – Я пойду на работу.

Он прошел мимо Супруга, который наклонился, доставая пиво из стоящей под кухонным столом картонки. Вдоль мойки вразвалку шла белая кошка с раздутым от будущего потомства брюхом и орала, выпрашивая консервированный корм, котлеты, мороженое или еще что-нибудь. Корни неласково погладил ее по голове, но прежде чем кошка успела в благодарность потереться о его руку, он открыл застекленную дверь и вышел на стоянку.

После застоявшегося сигаретного угара холодный октябрьский воздух оказался истинным наслаждением.

Корни любил свою машину. Это был неопределенного цвета «шевроле», покрытый ржавыми пятнами; внутренняя обивка салона свисала с потолка, словно увядшая старушечья кожа. Корни знал, как выглядит он сам. Носатый, костлявый и длинный, с плохими волосами и прыщавой кожей. Он жил в соответствии со своим именем. Корнелий. Корни. Корешки. Но только не в этой машине. Сидя в автомобиле, он делался безымянным.

Каждый день за последние три недели Корни выходил чуть раньше, чем нужно, чтобы успеть на работу. Он заезжал в дешевый магазин, покупал еду, а затем катался по округе, проезжая мимо всех местных веселых заведений, воображая, что у него с собой полуавтоматическая винтовка, и подсчитывая, сколько человек мог бы прикончить. «Бах, – говорил про себя Корни, глядя через поднятое стекло, как русоволосый парень с широкими плечами, в бейсболке

обжимается с хихикающими девицами в кабине красного грузовичка. – Бах. Бах».

Сегодня он купил чашку кофе и пакетик черной лакрицы. Подержав томик с серебристым драконом на бумажной обложке, Корни прочитал первые несколько предложений, надеясь, что книга заинтересует его. Игра становилась скучной. Хуже того, она заставляла его чувствовать себя более жалким, нежели прежде. Почти неделя до Хэллоуина, для настоящего маньяка самое время пойти и купить винтовку. Корни отхлебнул кофе и едва не выплюнул его. Слишком сладко.

Он отпил еще чуть-чуть, пытаясь притерпеться к вкусу. Отвратительно.

Выйдя из машины, Корни выплеснул всю чашку прямо на парковке. Напиток красиво растекся по асфальту. Войдя в магазин, парень налил себе еще чашку. Стоящая за стойкой немолодая женщина с завитыми рыжими волосами окинула его взглядом и кивнула на его куртку:

– И что это должно означать? Что ты дьявол?

– Хотел бы я им быть, – отозвался Корни, бросая на стойку доллар с четвертью. – Очень хотел бы.

Глава 2

*Над камнями острыми
Ветер в спину дул,
Вдоль шоссе гуляю,
Семена, как кот.*

Теодор Рётке. «Хвала завершению»

Ветер бросал в лицо Кайе тяжелые капли дождя. Руки у девушки уже были ледяные, а когда дождь стекал по мокрым волосам под воротник плаща, ее пробирала дрожь. Она шла, низко опустив голову и пиная мусор, разбросанный на травянистой обочине шоссе. Сплюснутая банка из-под газировки ударилась о засаженную понижими хризантемами малюсенькую клумбу в форме сердечка – ее разбили в память о погибших в автокатастрофе. На этой стороне дороги не было домов, лишь длинная полоса лесопосадок, тянущаяся до самой заправочной станции. Кайя была уже на полпути к дому.

По асфальту шуршали автомобили. Звук был успокаивающим, словно протяжный вздох.

«Я тебя видел. Я видел, что ты сделала».

Внутри у Кайи все сжималось от страха и злости. Она хотела разбить что-нибудь или кого-нибудь ударить.

Что она могла сделать? Когда она пыталась заставить страницу журнала перелистнуться или принудить монетку упасть именно так, как надо, это никогда не получалось. Как же Кении увидел, что безногий карусельный конь движется? Кроме того, ей следовало бы уже признать: Шип, Люти и Хрящ действительно были воображаемыми. Она уже вторую неделю жила дома, но не замечала ни малейшего признака их присутствия, сколько бы она ни звала их, сколько бы мисок с молоком ни ставила, сколько бы ни ходила к старой лощине.

Кайя сделала глубокий вдох, отфыркиваясь от попавшей в нос дождевой воды. Она ощущала, будто долго плакала.

Деревья были похожи на плоские витражные панели, не хватало лишь цветных стекол, вставленных в ажурное сплетение их ветвей. Кайя знала, что скажет ей бабушка, когда она явится домой так поздно, в разорванной рубашке и вся пропахшая спиртным. И ведь будет права.

Будет права и Дженет, когда станет говорить с ней завтра. Не было способа объяснить то, что случилось, если кое в чем не признаться. Ладонь Кении, лежащая на бедре Кайи, – вот о чем действительно следовало волноваться Дженет. Об этом и о том, что Кайя позволила ему вести себя так, пусть даже на секунду. Она могла вообразить, что пристыженный, злой и пьяный Кении сейчас наговорил Дженет. Но даже плохо состряпанная ложь звучит лучше правды.

«Я видел, как этот конь поднялся».

Но даже если бы он не зашел так далеко, кто бы поверил, что он лапал ее намеренно, а вот рубашку разорвал случайно? Нет, он, должно быть, рассказал совсем другую историю. Так что же должна ответить Кайя, если Дженет будет расспрашивать о случившемся? Скорее всего, Дженет и так уже считает Кайю лгуньей.

Кайя по-прежнему чувствовала жар ладони Кении, огненную полоску вдоль бедра, особенно сильно ощущавшуюся по контрасту с холодом и сыростью, окружавшими ее сейчас.

Еще один порыв ветра с дождем обжег ей щеки и донес откуда-то из лесочка негромкий крик. Крик был коротким, но полным боли. Кайя резко остановилась. Но больше она не слышала ни звука, кроме шума дождя, ударявшегося о землю с шипением, которое напоминало радиопомехи.

Затем мимо промчался грузовик, обдав ее тучей брызг, и сразу же после этого девушка снова услышала стон, оборвавшийся внезапно. Он доносился из ближайшей рощицы.

Кайя съехала с мокрого откоса, поросшего короткой травой, и углубилась в лесок. Она подныривала под ветви вязов, роняющие дождевые капли, оскальзывалась на листьях папоротника и шиповниковой поросли. О лодыжки терлась жесткая трава, оставляя мокрые полосы на чулках. Тучи бросали на лес тусклый серебристый отсвет. Сладкий запах гнили поднимался от земли, там, где ботинки Кайи разворошили слой опавшей листвы.

И здесь никого не было.

Кайя обернулась к шоссе. С того места, где она стояла, дорога еще хорошо просматривалась. И зачем ей, Кайе, это надо? Должно быть, звук донесся от домов, стоящих за ручьем, который протекал по дальней опушке рощицы. Никто другой, кроме нее, не оказался бы настолько тупым, чтобы посреди ночи шариться в сыром холодном лесу.

Кайя направилась обратно к дороге, старательно выбирая места, которые казались посуше. К чулкам прицепились репы, и она остановилась и наклонилась, чтобы обобрать их.

– Стой, где стоишь.

Услышав голос, Кайя подскочила. Незнакомец говорил с заметным странным акцентом, хотя все слова выговаривал правильно.

В нескольких шагах от нее в грязи лежал мужчина, сжимая в руке изогнутый меч. Клинок сиял в полумраке, словно лунный луч. Длинные серебристые волосы, промокшие и прилипшие к коже, обрамляли длинное лицо, состоящее будто из одних углов и резких линий. Струйки дождя стекали по черной броне, в которую был облачен незнакомец. Свободной рукой мужчина сжимал длинную тонкую ветку, торчащую из груди где-то в области сердца. И капли дождя, упавшие ему на грудь, быстро розовели от крови.

– Это была ты, девочка?

Дышал он хрипло, прерывисто.

Кайя не поняла, что он имел в виду, но тем не менее покачала головой. Он выглядел не намного старше ее. По крайней мере, не настолько, чтобы называть ее девочкой.

– Так ты пришла не для того, чтобы меня прикончить?

Кайя снова помотала головой. Руки и ноги у незнакомца были длинные. Наверное, если он встанет, то окажется выше большинства людей и любого фейри из тех, кого она видела. Кайя сразу же поняла, кто он, хотя бы потому, что сквозь его мокрые волосы проглядывали остроконечные уши. А еще он был красив, и от его красоты у Кайи перехватило дыхание.

Незнакомец облизнул окровавленные губы.

– Жаль.

Девушка шагнула к нему, и он вскочил, пытаясь принять положение, в котором сможет защищаться. Хотя он и был ранен, но двигался быстро. Волосы упали ему на лицо, но блестящие, как ртуть, глаза внимательно изучали Кайю.

– Ты ведь фейри, верно? – спросила она, держа руки так, чтобы раненый мог их видеть.

Она слышала истории о фейри-придворных – Высших – от Лютилу, но никогда ни одного из них не видела. Быть может, он как раз и был таким.

Незнакомец стоял неподвижно, и Кайя сделала еще один шаг к нему, вытянув одну руку, чтобы успокоить его, как очаровательное, но и опасное животное.

– Давай я помогу тебе.

Раненый дрожал всем телом и не сводил глаз с ее лица. Костяшки пальцев, сжимающих рукоять меча, побелели от напряжения.

Девушка не осмелилась сделать еще один шаг.

– Ты истечешь кровью и умрешь.

Несколько минут никто из них не двигался, затем незнакомец осел на одно колено прямо в грязь. Наклонившись вперед, он оперся ладонью о листья, пятная их красным. Мокрые ресницы, наполовину скрывающие его глаза, отливали серебристым цветом, словно стальные. Кайя подошла и встала рядом с ним на колени, обхватив себя за плечи трясущимися руками. Вблизи она различила, что его доспехи сделаны из жесткой кожи, выделанной так, что они напоминали оперение птицы.

– Я не могу сам вытащить стрелу, – негромко произнес фейри. – Они подождут, пока я еще немного ослабею, а затем придут, чтобы испытать силу моего меча.

Трудно было представить, что кто-то мог подстрелить его веткой дерева, но похоже, что все обстояло именно так.

– Кто подождет?

– Если хочешь мне помочь, вынь стрелу. – Глаза раненого

сузились, он помотал головой. – Если нет, то вгони ее как можно глубже и надейся, что это меня убьет.

– Кровь потечет сильнее, – заметила Кайя.

На это незнакомец горько рассмеялся.

– В том или в другом случае, несомненно.

Девушка отчетливо видела отчаяние в его лице. Он явно считал, что ее появление – часть плана, составленного, чтобы убить его. Он откинулся назад и прислонился к стволу дуба, глядя на нее и ожидая, что она будет делать.

Кайя подумала о фейри, которых она знала еще ребенком, – проказливых и шустрых созданий. Они никогда не упоминали ни о войнах, ни о волшебных стрелах, ни о каких-либо врагах и уж точно не ждали от нее ни лжи, ни хитростей. Мужчина, истекавший кровью в грязи, своим видом и словами дал ей понять, насколько неверно она представляла себе волшебный народ.

Пальцы Кайи, протянутые к стреле, отдернулись сами собой. Сердце застыло у нее в груди, когда девушка взглянула на жуткую рану.

– Я не смогу этого сделать.

Незнакомец по-прежнему негромко спросил:

– Как тебя зовут?

– Кайя, – ответила она.

Среди воцарившегося на миг молчания Кайя наблюдала, как облачко пара, сорвавшееся с ее губ вместе с этим словом, тает в воздухе.

– Я Ройбен.

От любого фейри нелегко добиться, чтобы он назвал тебе свое имя или хотя бы часть имени, хотя Кайя не знала, почему это так. Раненый пытался показать, что доверяет ей. Возможно, он уже сделал на ее счет какие-то выводы.

– Дай мне руку.

Она позволила ему взять ее руку и поднести к ветви-стреле. Его ладонь, такая же мокрая и холодная, как ее собственная, сомкнулась

поверх пальцев Кайи. У Ройбена пальцы были нечеловечески длинными, с жесткими суставами.

– Просто держись за нее и предоставь мне тянуть, – пояснил он. – Тебе даже не нужно смотреть. Если я не буду касаться стрелы, я, наверное, смогу ее вытащить.

Кайя ощутила стыд. Он страдал от боли, а она предложила свою помощь, поэтому незачем было изображать слабую девушку.

– Я это сделаю, – сказала она.

Ройбен отпустил ее руку, и Кайя резко дернула стрелу. Лицо фейри исказилось от боли, но ветвь подалась лишь чуть-чуть.

Действительно ли в лесу скрывались другие фейри, выжидая, пока он ослабеет и его удастся легко одолеть? Кайя подумала, что если это так, то сейчас для них самое время выйти из укрытия и завершить свое дело.

– Еще раз, Кайя.

Девушка постаралась проследить направление, в котором стрела вошла в грудь, и передвинулась, чтобы ветвь не цеплялась за кожу доспехов. Встав на одно колено, она ухватила покрепче, а потом вскочила, изо всех сил дернув ветку вверх.

Ройбен издал хриплый крик, когда стрела выскользнула из раны; железный наконечник странного оружия был черным от крови. Пальцы фейри коснулись раны, и он поднес их, скользкие от крови, к лицу, словно отказываясь верить, что в него стреляли.

– Ты очень храбрая, – промолвил Ройбен, касаясь мокрыми пальцами ноги Кайи.

Девушка отбросила стрелу прочь. Ее била дрожь, во рту ощущался привкус крови.

– Нужно остановить кровь. Как снимаются твои доспехи?

Казалось, Ройбен понял ее не сразу. Сначала он недоверчиво посмотрел на нее. Затем со стоном наклонился вперед и выдавил:

– Застежки.

Кайя присела рядом с ним, ощупывая гладкий панцирь в поисках пряжек.

Неожиданный порыв ветра качнул ветви деревьев, стряхивая вниз тяжелые капли, и Кайя снова задумалась о фейри, которые могли прятаться в рощице. Пальцы ее задвигались быстрее. Если эти фейри все еще боятся Ройбена, им не придется долго беспокоиться; она могла бы поклясться, что еще несколько минут – и он потеряет сознание.

Чтобы снять нагрудную пластину, Кайе понадобилось не только отстегнуть ее от спинной: она также соединялась застежками с наплечниками и поножами. Наконец Кайе удалось стянуть с Ройбена тяжелый нагрудник. Под ним не было одежды – лишь тело, покрытое кровавыми пятнами.

Фейри откинул голову и прикрыл глаза.

– Пусть дождь омоет рану.

Кайя сняла свой плащ и повесила его на ветку. Затем она стащила с себя уже изрядно порванную рубашку, разодрала ее на длинные полосы и принялась бинтовать ими грудь Ройбена. Почувствовав прикосновение ее рук, он открыл глаза, прищурился, а затем широко распахнул их в изумлении. Цвет этих глаз просто завораживал.

Выпрямившись, Ройбен произнес голосом, полным напряжения:

– Я даже не слышал, как ты рвешь полотно.

– Попытайся все же оставаться в сознании. Тебе есть куда пойти?

Щеки у Кайи горели так, что холодное прикосновение дождя было даже приятным. Фейри покачал головой. Пошарив по земле рядом с собой, он поднял опавший лист и провел им по внутренней стороне своего нагрудника. На листе заблестели алые капли.

– Брось это в ручей. Я... там живет келпи. Я не совсем уверен, что смогу справиться с ним в такую погоду, но это лучше, чем ничего.

Кайя быстро кивнула, хотя понятия не имела, что такое келпи, и протянула руку, чтобы взять лист. Ройбен не сразу выпустил его из рук.

– Я твой должник. И мне не нравится, что я не знаю, как возместить этот долг.

– У меня есть вопросы...

Он наконец-то отдал лист.

– Я отвечу на три вопроса, так полно и правдиво, как это в моей власти.

Девушка кивнула. Точь-в-точь как в волшебной сказке. Чудесно. В любом случае ей больше от него ничего не нужно.

– Когда бросишь лист в воду, скажи: «Ройбен от Зимнего Двора просит твоей помощи».

– Сказать кому?

– Просто скажи это вслух.

Кайя снова кивнула и побежала к воде. Крутой бережок ручья, поросший всякими сорняками, был завален битым стеклом. Корни деревьев, с которых осеннее половодье смыло землю, нависали над ручьем подобно перевернутым корзинам или тянулись вдоль края потока, как бледные руки наполовину погребенных трупов. Кайя запретила себе думать об этом.

Присев на корточки, она опустила лист окровавленной стороной в воду. Он поплыл, слегка вращаясь. Девушка подумала, что он плывет, наверное, слишком близко к берегу, и попробовала отпихнуть его подальше.

– Ройбен от Зимнего Двора просит твоей помощи, – произнесла она, надеясь, что все запомнила правильно.

Ничего не произошло. Она повторила еще раз, громче, чувствуя себя одновременно глупой и испуганной:

– Ройбен от Зимнего Двора нуждается в твоей помощи.

На поверхность вынырнула лягушка и поплыла к Кайе. Какое отношение это имело к келпи? И какую помощь можно получить из мелкого грязного ручья?

Но затем девушка поняла, что ошиблась. То, что она приняла за лягушачьи глаза, на самом деле было углублениями, которые расширялись и сжимались, в то время как нечто подплывало к ней все ближе. Кайе хотелось убежать, но очарование сбывшейся сказки вместе с чувством долга заставили ее замереть на месте. Углубления оказались ноздрями черного коня, который медленно поднялся из

черной воды. Мох и ил падали с его мокрых боков; существо повернуло голову и уставилось на Кайю светящимися белыми глазами.

Девушка не могла двинуться. Сколько времени прошло, пока она рассматривала мощное тело водяного коня, гладкое, словно тюленья шкура, пока она глядела в эти невозможные мерцающие глаза? Существо чуть изогнуло шею.

Кайя отступила назад и попыталась заговорить, но слова не шли с языка.

Конь, фыркнув, двинулся к ней, его копыта утопали в грязи, под ними с хрустом ломались веточки. От него пахло солоноватой водой. Кайя сделала еще один осторожный шаг назад и оступилась.

Она должна что-нибудь сказать.

– Туда, – выдавила она наконец, указывая в сторону рощицы. – Он там.

Конь двинулся в указанном направлении, переходя на рысь, и Кайя последовала за ним, дрожа от волнения. Когда она выбралась на прогалину, Ройбен уже восседал на спине водяной твари. Его нагрудник был небрежно пристегнут. Кайя облегченно выдохнула – она даже не заметила, что сдерживает дыхание.

Фейри увидел, как она появилась из-под нависших ветвей вязов, и улыбнулся. В лунном свете его глаза казались более темными, чем раньше.

– На твоём месте я бы впредь держался подальше от волшебного народа. Мы непостоянны и не очень-то считаемся со смертными.

Кайя снова окинула его взглядом и заметила на доспехах царапины, которых прежде вроде не видела. Неужели на Ройбена напали? Четверть часа назад он едва поднимал голову – невозможно поверить, что он снова способен сражаться.

– Что-нибудь случилось?

Его улыбка сделалась озорной, прогоняя с его лица изнеможение. Глаза фейри сверкнули.

– Не трать свои вопросы впустую!

Затем конь сорвался с места и поскакал среди деревьев, двигаясь

со скоростью и изяществом, недоступными ни одному живому существу. От ударов его копыт опавшая листва разлеталась в сторону. Шкура странного существа блестела под луной.

Прежде чем Кайя собралась с мыслями, она осталась в лесу одна. Одинокая, дрожащая и полная гордости. Она пошла забрать свой плащ, и отблеск света коснулся ее глаз. Стрела.

Девушка опустилась на колени и подняла ветвь с железным наконечником. Ее палец пробежал по грубой коре и коснулся неестественно теплого металла. По телу Кайи пробежала дрожь, и она уронила стрелу обратно в грязь. Лес неожиданно стал угрожающим и темным, и Кайя пошла обратно к шоссе. Ей казалось, что если она сейчас побежит, то уже не сможет остановиться.

Кайя поставила ногу на скользкий земляной бортик, отмечавший границу лужайки перед бабушкиным домом, и перелезла через него. Она проскользнула мимо переполненного мусорного контейнера, потрепанного автомобиля и ржавых жестянок из-под кофе, связанных проволокой и служащих изгородью для запущенного цветника.

В доме, похоже, горели все лампы, подсвечивая изнутри грязные шторы на окнах. В гостиной мерцал голубой свет – там работал телевизор.

Кайя открыла дверь черного хода и вошла в кухню. В мойке громоздились кастрюли и сковородки, покрытые засохшими остатками пищи. Предполагалось, видимо, что их должна мыть Кайя. Но вместо этого она залезла в шкафчик, достала миску, налила в нее молока и положила сверху черствый ломтик белого хлеба. Это нужно сделать, думала она, осторожно открывая дверь и ставя миску на ступени крыльца. Пусть даже единственными ценителями этого угощения будут соседские коты.

Затем Кайя прокралась в гостиную. По другую сторону от ведущей наверх лестницы сидела перед телевизором Эллен. Она ела один из миниатюрных сникерсов, которые бабушка купила, чтобы раздавать ряженым в Хэллоуин.

– Блин, да оставь меня в покое, – пробормотала Эллен с набитым ртом.

– Ты думаешь, я ничего не знаю. Хорошо, что ты у нас умница,

верно? – произнесла Кайина бабушка сладеньким тоном, который так бесил Кайю. – А если ты такая умница, то как вышло, что ты одна? Как вышло, что мужики тебя просто используют, а потом бросают? Как вышло, что тебе больше некуда податься, кроме как к старой глупой матери?

– Я слышала эту долбаную песню уже миллион раз.

– Ну так послушай еще раз, – не сдавалась бабушка. – Где носит твою дочь? Уже почти час ночи! Тебя вообще волнует, что она околачивается невесть где и невесть с кем, делая все возможное, чтобы стать такой же, как...

– Даже и не заговаривай о моей дочери! – с неожиданной яростью ответила Кайина мать. – С ней все в порядке. Не лезь к ней со своими гадостями.

Кайя наклонила голову пониже и попыталась как можно быстрее и тише проскользнуть наверх.

Она заметила свое отражение в зеркале. Тушь и блестящие тени стекли на скулы и щеки, образовав черные и цветные потеки, как будто она долго и горько плакала. Помада с губ почти стерлась, зато на левой щеке красовался жирный мазок – должно быть, задела рукой, когда вытирала лицо.

Повернувшись, Кайя снова украдкой покосилась на гостиную. Мать перехватила ее взгляд, закатила глаза и незаметным взмахом руки дала ей понять, что лучше сейчас не показываться на глаза бабушке.

– Пока она в этом доме, она будет жить по моим правилам, по которым когда-то жила ты. Мне плевать, что последние шесть лет она провела в крысиных гостиницах с бандитами, которых ты туда водила. Отныне эта девочка будет получать должное воспитание.

Кайя прокралась по лестнице и вошла в свою комнату, бесшумно закрыв дверь.

Крошечный белый туалетный шкафчик и короткая кровать словно принадлежали кому-то другому. Две ручные крысы, Исаак и Армагеддон, возились в старом аквариуме, водруженном поверх коробки со старыми игрушками.

Девушка содрала плащ и, не удосужившись принять душ, залезла в кровать, завернулась в одеяло и подобрала ноги, чтобы не

упираться ими в спинку кровати. Кайя знала, что такое одержимость: она видела, как страстно ее мать желала известности, как вилась она вокруг мужчин, которые обращались с ней хуже, чем с дерьмом. Кайя не хотела иметь несбыточных желаний и хотеть кого-либо, кого никогда не сможет заполучить. Но сегодня вечером она позволила себе думать о нем и его торжественных и церемонных словах; он говорил с ней так не похоже ни на кого другого! Она позволила себе думать о его мерцающих глазах и странной улыбке.

А потом Кайя погрузилась в сон, словно в темную теплую воду.

Глава 3

Папиросы – это совершеннейший вид высшего наслаждения, тонкого и острого, но оставляющего нас неудовлетворенными. Чего еще желать?.. [\[2\]](#)

Оскар Уайльд. «Портрет Дориана Грея»

Кайя стояла в ручейке, держа куклу Барби за белокурые волосы и чувствуя, как прохладная вода щекочет ступни. Солнце жарко светило в спину, вокруг пахло зеленью и нагретой землей. Кайе было девять лет.

У нее осталось чудесное ощущение сна, хотя она знала, что все происходило не совсем так. Зеленое теплое воспоминание пришло из более раннего времени. Но в этом лоскутном сне Шип сидел на моховом ковре, устлавшем берег ручья. Люти обнимала за талию куклу Кена; ее радужные, как у бабочки, крылья слегка подрагивали, когда она пела непристойную песенку, заставлявшую девятилетнюю Кайю одновременно хихикать и краснеть.

– Могу я притвориться, будто он
Мой друг сердечный и в меня влюблен.
Но видя без одежды его, я
Готова просто плакать в три ручья.
На гладкую пластмассовую грудь
Нельзя со вздохом ласковым прильнуть.
Ах, кукла-мальчик, голубые глазки!
Скучает кукла-девочка без ласки.

Хрящ молча стоял рядом с Кайей. Засмеявшись, она повернулась к нему, и он хотел заговорить, но с языка его сорвался только белый камешек, который бултыхнулся в воду и погрузился на дно, сияя странным светом.

– Увы, не понимает мой намек
Пластмассовый и глупый паренек!

Не знает, что у каждой у девчонки
Хорошенькая штучка под юбчонкой.

Хриплый вскрик заставил Кайю взглянуть вверх. На дереве сидел ворон, его черные перья переливались радугой, как бензиновая пленка на воде. Когда ворон склонил голову, уставившись на девочку, глаза его оказались такими же белыми, как утонувший камешек.

– Но не горюй, что не находишь штучку,
– Он сам свою найти не может ручку!

Ворон, царапая ветку когтями, передвинулся чуть в сторону, а затем сорвался со своего насеста. Миг спустя, оставив на запястье Кайи царапины от когтей, а на тыльной стороне ладони отметину от клюва, он взмыл в воздух, унося Барби.

Кайя закричала пронзительно и горестно, как могут кричать только испуганные и обиженные дети, и пошарила вокруг, ища, чем можно запустить в птицу. Под руку ей попался камень, и она, не раздумывая, швырнула его.

Ворон штопором упал в ближайшую купу деревьев, и девочка бросилась туда. Лес вокруг расплывался, становился размытым, и неожиданно оказалось, что Кайя уже стоит и смотрит на черное тело птицы. Оно лежало недвижно, легкий ветерок ерошил перья. Кукла валялась чуть поодаль от мертвого ворона, а между ними на земле белел гладкий камешек. Тот самый, который сорвался с языка у Хряща.

И тут Кайя проснулась.

В дверях комнаты стояла мать, держа трубку радиотелефона.

– Я звала тебя снизу, но не могла дозваться. Тебе звонит Дженет.

– Что? – Кайя моргнула глазами, слипшимися от вчерашнего макияжа. Вытянув ноги, она ударилась пятками об изножье своей кровати.

Солнце вновь вернулось к жизни, пылая гневом на вчерашние

проделки госпожи Луны. Кайя поняла, что если она откроет глаза, то эти лимонно-желтые блики вызовут у нее головную боль.

– Тяжелая ночка выдалась? – Мать прислонилась к дверному косяку и затянулась сигаретой.

Кайя протерла глаза. На костяшках пальцев остался черный налет со следами блесков.

– Тебе звонит Дженет. Сказать ей, что ты перезвонишь попозже?

Эллен, похоже, одновременно раздражало и развлекало то, что ей приходится повторять все несколько раз. Кайя покачала головой и взяла трубку.

– Алло? – спросила она хриплым и невнятным спросонья голосом.

Эллен отлепилась от косяка, и Кайя услышала, как она спускается вниз по лестнице.

– Что случилось прошлой ночью?

Кайе потребовалось несколько секунд, чтобы сообразить, о чем спрашивает Дженет.

– А, ничего. Кении пытался поймать меня, а моя рубашка взяла и порвалась.

– Кайя! Ну как ты могла вот так взять и убежать? Я подумала, что он сделал с тобой что-то ужасное! Мы ругались из-за этого всю ночь.

– Я думала, ты мне не поверишь, – уныло призналась Кайя.

Должно быть, это прозвучало как истинное раскаяние хорошей подруги, потому что Дженет немедленно смягчила тон:

– Давай выкладывай, Кайя. Конечно, я тебе поверю.

Кайя подыскивала слова: она не знала, что сказать на это неожиданное предложение.

– С тобой все в порядке? – спросила Дженет.

– Вчера ночью по пути домой я кое-кого встретила.

Кайя села на постели, осознав, что она спала в лифчике, юбке и чулках. Не удивительно, что ей было так неудобно.

– Вот как? – Голос Дженет звучал удивленно и едва ли не скептически. – Парня?

– Ага, – ответила Кайя.

Она хотела произнести это вслух, чтобы ухватиться хотя бы за слова. Ее воспоминания о Ройбене уже выцветали в солнечном свете, как тускнеет сон, если не записать его.

– У него серые глаза и длинные волосы.

– Как у металлиста?

– Еще длиннее, – отозвалась Кайя и поплотнее завернулась в ядовито-розовое стеганое одеяло. Как и все в этой комнате, оно было ей мало.

– Странно. Как его зовут?

– Робин, – с легкой улыбкой произнесла Кайя.

Она была рада, что Дженет сейчас не видит ее наверняка идиотски-счастливое лицо.

– Как Робин Гуд? Ты серьезно? И как, он понравился тебе?

– Мы просто поговорили.

Дженет вздохнула.

– Ты ведь никого не встретила, правда? Ты это выдумала.

– Он настоящий, – возразила Кайя. Он был настоящим, самым реальным из всех, кого она встречала за долгое-долгое время. Сверхнастоящим.

– Вечеринка все равно не задалась, – хмыкнула Дженет. – Я едва не напинала этой девке под зад. Понч все хотел меня успокоить, но я была зла и обижена. Давай приходи, я расскажу тебе остальное.

– Ну ладно. Я только оденусь.

– Хорошо, пока.

В телефоне щелкнуло, когда Дженет повесила трубку. Кайя нажала кнопку отключения и бросила телефон на одеяло.

Затем девушка окинула взглядом комнату. Ее одежда грудями лежала на полу, по большей части все еще в черных пластиковых мешках. Вся обстановка не изменилась с тех времен, когда Кайе было

четыре года: крохотная белая мебель, розовые стены и укоризненные стеклянные взгляды целой армии кукол, сидящих на полках вдоль стен.

«Я должна найти Хряща и Шипа».

В прежние времена Кайе не требовалось даже призывать их. Они всегда оказывались поблизости, когда были ей нужны. Впрочем, тогда она была еще ребенком и верила во все, что угодно. Тогда ее ноги еще не упирались в изножье кровати и ей не приходилось нагибаться, чтобы посмотреться в миниатюрное трюмо. Кайя вздохнула. Наверное, она уже не та невинная душа, которая способна приманить единорога, как в сказке. Может быть, именно поэтому сейчас все не так, как раньше.

Содрав измятую одежду, Кайя отыскала пару потертых джинсов и голубую футболку с надписью «G-Force». В ванной, поплескав в лицо холодной водой и стерев остатки вчерашнего макияжа, она внимательно изучила свое отражение. Фиолетовая краска «на одну ночь», которую она вчера втерла в волосы, уже почти вся осыпалась. Девушка уставилась на свои раскосые глаза и впалые щеки. Впервые она задумалась о том, откуда у нее такие черты лица. В лунном свете Кайя не очень-то хорошо рассмотрела Ройбена, но у него тоже были раскосые глаза, как у азиата, и тонкий, резких очертаний нос.

Она снова вздохнула и собрала волосы в два неаккуратных хвостика. Если она снова будет выглядеть как десятилетняя девочка, может быть, друзья фейри явятся, чтобы поговорить с ней.

Леопардовый плащ оказался сырым, и Кайя влезла в кожаную куртку Ллойда. Машинально она проверила содержимое карманов. Пара смятых входных билетов, медиатор для гитары, сделанный из пластика «под черепаху», немного мелочи. Кайя отдернула руку, уколовшись обо что-то.

В подушечку ее пальца впиалась тонкая бурая колючка. Подумать только, Ллойд носил в кармане такую дрянь! Вытащив колючку, Кайя зализала крошечную ранку на пальце. Потом, бросив колючку на туалетный столик, она спустилась вниз.

Эллен сидела за кухонным столом, листая журнал. На столе стояла открытая бутылка джина, а на тарелке рядом валялась почти до конца дотлевшая сигарета.

– Идешь к Дженет? – спросила мать.

– Угу.

– Может, выпьешь перед уходом кофе? Похоже, ты еще не совсем проснулась.

– Я в полном порядке. Бабуся просто взбесится, когда увидит эту тарелку. – Кайя решила не упоминать про джин.

Эллен откинулась на деревянную спинку стула.

– Не пытайся разыгрывать из себя мамочку для собственной матери, – фыркнула она.

– Слышно что-нибудь об этой заднице Ллойде?

Мать покачала головой.

– Не-а. Я звонила паре старых подруг из «Милой кошечки», но они все стали такие важные.

Кайя засмеялась. Она вспомнила, как Лиз скакала по сцене в потрясающем пурпурном костюме кошки, подражая рок-звезде Джулии Ньюмар. Трудно представить себе, что она могла стать важной персоной.

– Хотите собраться вместе?

– Может быть, – отмахнулась Эллен. – Сью и Лиз сейчас держат какой-то дохлый магазинчик сидюков в Ред-Бэнк.

– Это здорово.

Эллен вздохнула.

– Ну да. Интересно, когда кто-нибудь из них в последний раз брал в руки какой-нибудь гребаный инструмент.

Кайя покачала головой. Глупо думать, что мать откажется от идеи вернуться в большой город. Но надежда еще оставалась.

– Скажи бабушке, что я постараюсь вернуться домой пораньше.

– Возвращайся домой, когда хочешь. В конце концов, я твоя мать.

– Спасибо, мам, – отозвалась Кайя и вышла на улицу.

Ветер разносил по лужайке целую тучу ярких, как губная помада, листьев. Кайя глубоко вдохнула прохладный воздух.

– Лютилу, – прошептала она ветру. – Шип, Хрящ... вернитесь, пожалуйста. Вы мне нужны.

«Я просто пойду к Дженет. Я просто пойду к Дженет, как и сказала, а потом придумаю что-нибудь».

Дженет жила в автотрейлерном парке, располагавшемся позади заправочной станции, где работал брат Дженет. Он трудился там еще с тех пор, как Кайя уехала в Филадельфию. Срезая дорогу через площадку станции, она помахала ему рукой.

Корни рассеянно улыбнулся в ответ. Его русые волосы были слишком коротко подстрижены спереди и чересчур отросли сзади. Кожа была покрыта неровными красными пятнами. Он носил грязные джинсы и куртку из джинсовки и ничуть не изменился с ее отъезда, разве что стал выше.

Кайя зашла за маленькое здание, где располагались контора заправочной станции и туалеты для сотрудников и посетителей, и напрямик через разросшийся кустарник продралась в трейлерный парк. Эти трейлеры только назывались транспортными средствами – ни у одного из них не было колес. Ко многим трейлерам пристроили оградки и веранды и намертво соединили цементом и сталью с твердым основанием, на котором они стояли. Кайя направилась по усыпанной гравием дорожке к нужному ей трейлеру.

Русоволосая девушка примерно того же возраста, что и Кайя, развешивала выстиранное белье. Позади нее в гамаке валялся необычайно толстый мужик, в его жирное тело врезалась сетка гамака. Три таксы с неистовым лаем гонялись друг за другом по площадке, окруженной проволочной изгородью. Подойдя к двери, затаенной сеткой от комаров, Кайя постучала.

– Входи, – крикнула Дженет.

Через сетку Кайя видела ее ноги, свисающие с продавленной синей кушетки. Между пальцами торчали валики из туалетной бумаги, чтобы пальцы не соприкасались один с другим. Ногти на ногах были выкрашены темным лаком.

Дверь истерически взвизгнула, когда Кайя открывала ее. Ржавчина покрывала петли там, где облупилась белая эмаль. В главном помещении трейлера было сумеречно, темноту рассеивал свет из трех источников: он сочился через сетчатую дверь, лампа из кухни давала желтоватые отблески, а телевизор мерцал голубым. На

экране две женщины самозабвенно кричали друг на друга перед участниками ток-шоу. У одной из них брови были выщипаны и выложены стразами.

– Хочешь покрасить ногти? – спросила Дженет. – У меня есть классный синий лак.

Кайя покачала головой, хотя Дженет не смотрела на нее и, наверное, не видела этого.

– Можно, я сделаю себе кофе?

– Конечно, и мне тоже. – Дженет потянулась, выгибая спину и вытягивая покрытые темно-красным лаком пальчики ног. Она была одета в майку без рукавов и коротенькие штанишки с узором из ромашек. – У меня настоящее похмелье.

– А где все?

– Ма и Супруг поехали на блошинный рынок. Корни скоро придет с работы или не скоро. Ты не поверишь, что мать мне притащила в прошлый раз, – блузку, а на ней стразами вышиты кошки! Я хочу сказать – ну кто еще мог такое откопать?

Кайя засмеялась. Мать Дженет была страстной фанаткой кошек и собирала все, на чем они были изображены; впрочем, еще большую страсть она питала ко всему, что было связано с сериалом «Звездный путь». Стены трейлера были завешаны тарелочками с изображениями кошек, рисунками в рамках и спрятанными под стекло модельками акустических лазеров и трикордеров. На кушетке, где валялась Дженет, громоздилась куча подушек с термоаппликациями на тему Спока^[3].

– Я видела Корни, когда шла сюда. Кажется, он меня не узнал.

– Он просто олух. Когда он не работает, то только сидит у себя в комнате и дурью мается. Наверное, уже глаза испортил.

Кайя взяла с полки две кружки и налила в них воды из-под крана.

– Ну может, я просто выгляжу не так, как раньше.

Она задала время на пульте микроволновки и поставила кружки внутрь. Они начали медленно вращаться на заляпанном жиром стеклянном поддоне.

– Может, и так. – Дженет переключала каналы телевизора и наконец решила остановиться на видеомагнитофоне.

– Так что случилось прошлой ночью? – Кайя знала, что Дженет будет приятно, если она об этом спросит.

Дженет немедленно приняла сидячее положение и убрала звук у телевизора.

– Ну, когда мы поехали к Фатиме, Эйми все время играла с волосами Кении, запускала в них руки и приговаривала, какие они мягкие. Она, должно быть, знала, что мы с ним поругались.

– Извини.

– Да ладно, на фиг это все. – Дженет прижала к груди одну из подушек. – Тогда я подошла к ней и стала перебирать ее волосы и говорить, какие они классные на ощупь, просто чистый кайф, и Марк начал ржать. Знаешь, этим своим странным смехом, откуда-то из живота, как из бочки. И дико громко.

– И что сделал Кении?

Кайе было интересно, неужели Кении подкатывается к каждой встречной девушке? Ей стало стыдно, что она позволила ему лапать ее. Но иногда ей казалось, что какая-то часть ее «я», вредная и испорченная, действительно желает, чтобы мальчики, по которым все сохнут, хотели только ее. А руки у Кении были на удивление нежными.

– Да ничего. Он любит, когда девчонки из-за него дерутся. – Дженет покачала головой, словно говорила о неисправимо непослушном ребенке. – А Эйми обозвала меня психованной лесбиянкой, но при этом от Кении не отлипла, делала вид, что просто хочет с ним поговорить.

Кайя кивнула.

– Ты ее не стукнула?

Микроволновка просигналила о готовности, и Кайя, достав кружки, насыпала в них растворимый кофе. На поверхности воды образовалась тонкая пленка белой пены.

Дженет хмыкнула.

– Я уже хотела на нее наброситься, но Понч перехватил меня, а

Кении перехватил ее, тут влезла Фатима и начала говорить, что мы просто не поняли друг друга и все такое, хотя она вообще даже не видела, что произошло. Ей просто не хотелось, чтобы мы устроили у нее дома разгром.

Глядя в кружку, Кайя видела темную, спокойную воду ручья. Сердце ее неожиданно забилося с утроенной скоростью, хотя для этого не было никаких причин. Ройбен – самый классный, потрясающий и опасный парень, словно сошедший со страниц книжки, – сказал, что встретится с ней снова. От радости у Кайи заныло в груди.

– Ты меня слушаешь? – спросила Дженет.

– Вот твой кофе, – сказала Кайя, насыпала в кружку Дженет сахара и сухих сливок и передала ее подруге. – Я слушаю.

– Так вот, ты когда-нибудь видела необрезанный член?

Кайя покачала головой.

– И я нет. Поэтому я сказала, что мы дадим ему доллар с носа, если он нам покажет. А он и отвечает: «Это всего десять баксов».

Кайя улыбалась и кивала в ответ на слова Дженет, но перед ее внутренним взором по-прежнему стоял образ Ройбена – окровавленного, лежащего под дождем в лесу, с грудью, пробитой стрелой почти у самого сердца.

Петли протестующе заскрипели, когда Корни отворил дверь и протопал в трейлер. Он бросил взгляд на девушек, подошел к холодильнику, извлек бутылку «Маунтин Дью» и глотнул прямо из горлышка.

– Чего так поздно притащился? – осведомилась Дженет.

Белая кошка с полным котят брюхом проскользнула в дверь вслед за Корни. Кайя протянула руку, чтобы погладить зверюшку по голове.

– Этот долбаный урод не вышел утром на работу. Я вкалывал с самой полуночи.

Кайя увидела, что на спине его куртки нашита аппликация в виде головы дьявола. В заднем кармане просматривались контуры бумажника, от которого к передней петле пояса тянулась цепочка.

– Мать терпеть не может, когда ты пьешь прямо из бутылки, – заметила Дженет.

– Ну и что? – огрызнулся Корни и демонстративно глотнул еще. – Ты что, скажешь ей об этом? А тогда я скажу, что тебе, гребаная обжора, нужен личный рыгаторий, как у римлян.

– Заткнись, дровича!

Дженет схватила телефонную трубку и, набирая на ходу номер, направилась в свою спальню.

Корни посмотрел на Кайю. Она отвела взгляд и усадила к себе на колени тяжелую мягкую кошку. Та замурлыкала, как маленький моторчик.

– Ты та девчонка, которая верит в фейри, да? – спросил Корни.

Кайя пожала плечами.

– Меня зовут Кайя.

– Хочешь газировки? Я туда слюни не пускал, правда-правда. – Корни вытер рот рукавом.

Кайя покачала головой. Что-то похожее на маленький камешек ударилось о ее колено.

Окна были закрыты. Кайя посмотрела на потолок, но с осветительных плафонов ничего не свисало. Может быть, что-то упало с полки. Посмотрев на пол у своих ног, Кайя увидела желудь. В это время года их было полно, они падали с дубов просто грудями. Девушка подняла желудь и снова посмотрела в сторону окна. Может быть, оно все-таки открыто. Желудь оказался до странного легким, и Кайя заметила тоненькую белую полоску, высовывающуюся из-под его шляпки.

Корни намочил полотенце и вытер им лицо. Кайя решила, что это не он бросил желудь – в конце концов, она беседовала с Корни в тот момент, когда почувствовала удар.

Девушка легонько потянула шляпку желудя, и она отделилась. Изнутри желудь был выдолблен, а в углублении лежала свернутая рулончиком бумажка. Кайя осторожно вынула ее, развернула и прочла послание, написанное розовато-красными чернилами: «Не говори больше с черным рыцарем, не говори никому свое имя – все опасно. Хрящ сгинул. Нам нужна твоя помощь. Встретимся завтра

ночью. Л и Ш».

Что это значит – Хрящ сгинул? Куда сгинул? А черный рыцарь? Может быть, это Ройбен? Она не говорила больше ни с кем, кто подходил бы под это описание. Что означает – все опасно?

– Кайя, – сказала Дженет, выглядывая из своей комнаты, – не хочешь прогуляться в торговый центр?

Кайя сунула желудь в один из карманов джинсов.

– Полагаю, ты ждешь, что я вас подброшу, – вмешался Корни. – Знаешь ли, большинство людей ходит по магазинам, когда у них есть деньги.

– Заткнись, урод, – фыркнула Дженет и утащила Кайю в свою комнату.

Кайя села на кровать Дженет. Комната Дженет была заставлена разномастной мебелью: деревянный комод со стеклянными ручками, белый туалетный столик из фанерованного ДСП и побитый железный шезлонг. В комнате царил такой же беспорядок, как у Кайи, одежда свисала из открытых ящиков комода и кучами громоздилась на полу, однако даже кавардак здесь выглядел роскошно.

Кайя по большей части одевалась в джинсы и футболки или какие-нибудь старомодные шмотки, откопанные на чердаке. Дженет любила красные юбки с кожаной бахромой и блузки, переливающиеся голубым и золотым, словно рыба чешуя. Туалетный столик и верх комода были заставлены коробочками с тенями для век, флакончиками с лаком для ногтей, баллончиками со спреями для тела и всякими прибабасами для волос. Стены завешаны постерами с разными музыкальными группами, а все свободные участки исписаны разноцветными фломастерами прямо по белому пластику стены. На обратной стороне двери красовалась сделанная лаком для ногтей надпись: «ДЖЕНЕТ + КЕНИИ = ЛЮБОВЬ». Кайя не могла сказать точно, но ей казалось, будто под именем Кении проступают стертые следы какого-то другого имени.

– Что мне надеть? – Дженет схватила розовый мохнатый свитерок, нижний край которого не доходил ей даже до пупка. – Я не замерзну?

– Тебе нужна каракулевая мини-юбка.

Кайя поудобнее устроилась на кровати и откинулась на

подушки. Она по-прежнему сжимала в кармане джинсов желудь, его крошечный острый кончик покалывал подушечку большого пальца.

– А в чем будешь ты?

– Вот в этом. – Кайя взмахом руки обозначила свои вылинявшие джинсы и футболку.

Дженет вздохнула и скорчила гримаску.

– Ты знаешь, сколько девушек готовы умереть за возможность быть белокурой азиаткой?

Кайя угрюмо покачала головой. У парней об азиатских девушках было какое-то странное представление. То ли девушки по вызову, то ли мастера кунг-фу, то ли все сразу.

– Не хочешь надеть вот это? – Дженет показала блестящую черную блузку без спины с завязками на шее и талии, как у бикини.

– Ни за что на свете, – отозвалась Кайя. На этот раз Дженет лишь рассмеялась.

В торговый центр они вошли через двери кинотеатра. На крыльце кучками стояли парни и девушки, дожидаясь кого-нибудь или перекуривая перед началом сеанса. Дженет прошла мимо них как богиня, ни на кого не глядя. Идеально уложенные волосы и великолепный макияж смотрелись так, будто не стоили ей ни малейших усилий. Это заставило Кайю задуматься, где подруга научилась искусству быть красивой, – в детстве Дженет носила неряшливую завивку и незашнурованные кеды.

Кайя поймала взглядом свое отражение в стекле витрины и поморщилась. Футболка уже изрядно протерлась и украсилась парой дыр из-за неправильной стирки в машине. Джинсы достались по наследству от матушки и буквально висели на бедрах, заставляя Кайю время от времени поддергивать их, когда она чувствовала, что они вот-вот упадут с нее.

– Ну ладно, – произнесла Дженет. – Не хочешь мне показать те фокусы, которыми ты так хвасталась?

Кайя ухмыльнулась. Любимой темой, которую они постоянно обсуждали по электронной почте, было то, сколько и чего им удалось спереть из магазинов. Самым большим достижением Кайи были две

крысы, которые сейчас жили у нее. Может быть, они стоили не очень дорого, но засунуть в карман сопротивляющегося зверька, а потом удерживать его там куда труднее, чем может показаться.

Она кивнула.

– Тогда соблюдаем «Кайины принципы кражи», договорились?

Дженет сложила руки на груди.

– Шутишь?

– Так вот, слушай. Никаких семейных магазинчиков. Только магазины крупных фирм и супермаркеты. Они могут себе это позволить, и людям, которые там работают, на все плевать. Ах да, и еще нельзя красть в тех местах, где персонал относится ко всем по-доброму.

– Поверить не могу, что у тебя есть какие-то правила.

Кайя мрачно кивнула.

– Этим я уменьшаю вред, наносимый моей карме.

Несколько часов спустя они сидели на тротуаре рядом с «Волшебным миром» и рассматривали улов. Строго говоря, они отошли от торгового центра не так далеко, чтобы быть в полной безопасности, однако здесь они чувствовали себя неприкосновенными. Кайя пробовала новую подводку для глаз дымчатого цвета, нанося ее на нижнее веко. Дженет пила земляничный коктейль из банки.

Порывшись в карманах своих джинсов в поисках спичек, Кайя зажгла сигарету. Глубоко затянувшись дымом, она откинулась назад и выдохнула, заставив дым закрутиться длинной спиралью, а потом лениво протянула руку, пытаясь изменить форму дымного облачка. Оно сместилось от прикосновения ее пальцев, и Кайя увидела, как в нем пляшут фигурки – нет, они не плясали, они сражались. Два мечника вели поединок в поднимающемся сигаретном дыму.

– Сколько ты собираешься пробыть в городе? – спросила Дженет.

Кайя уронила руку. Она совсем забыла, где находится.

– Думаю, по меньшей мере пару месяцев.

– Ты знаешь, это странно. Мы остались лучшими подругами даже после того, как прошло столько времени и ты уезжала так далеко и все такое. Я думала об этом прошлой ночью.

– Да? – настороженно спросила Кайя.

– Он ведь положил на тебя глаз, верно?

Кайя пожала плечами. Она никак не могла объяснить, что случилось на самом деле.

Она определенно не могла объяснить, почему позволила Кении лапать ее за бедро и не была против, пока неожиданно не осознала, кто они такие и что в действительности происходит.

– Немного, я так думаю. Но я просто упала, честно. Думаю, я выпила слишком много или что-нибудь в этом роде.

– Вообще, как вышло, что вы оказались наверху?

На этот раз улыбка Кайи была искренней.

– Я просто исследовала здание. Там стоит такой роскошный карусельный конь! Ты его видела? У него отбиты ноги, но все остальное просто великолепно, и краска даже ничуть не выцвела. – Она с сожалением вздохнула. – Даже если бы я как-нибудь сумела отволочь эту штуку домой, то я никак не смогла бы ее таскать из одной гостиницы в другую.

Дженет вздохнула. Было ясно, что в такую причину она поверила без труда.

Кайя еще раз затянулась сигаретой, гадая, что же ее так разозлило. На этот раз струи дыма напомнили ей о волосах Ройбена, похожих на нити серебристого шелка. Это воспоминание еще больше расстроило и обеспокоило ее. Она должна снова увидеть его.

– Земля – Кайе, – вырвал ее из задумчивости голос Длсенет. – О чем думаешь?

– О Робине, – ответила Кайя.

В это Дженет, по ее мнению, тоже должна была поверить сразу.

– Он настоящий? Честно? – Дженет с силой втянула ртом остатки коктейля, пытаясь высосать кусочек замороженной ягоды, забивший соломинку.

– Не будь стервой, – прошипела Кайя, разозлившись по-настоящему.

– Извини. Это просто так неправдоподобно – встретить парня в дождь, по дороге домой. Я хочу сказать – что он там делал? Я бы даже не стала с ним разговаривать.

– Думаю, он хорошо вписывается в категорию «странный», – с улыбкой согласилась Кайя.

Дженет неодобрительно нахмурилась.

– У него хоть машина есть?

– Послушай, я собираюсь пробыть в городе в лучшем случае пару месяцев. Единственное, что имеет значение, – это то, что он так красив, что просто влюбиться и помереть! – Кайя выразительно подняла брови.

Эти слова вызвали возмущенное фырканье Дженет.

– Да ты просто прошмандовка, – вполголоса пропела Дженет. – Ты хоть знаешь, нравишься ли ему?

Кайя размазала курок о грязный цемент, очертив пеплом неровный круг. Она не хотела говорить, что ей нужно, чтобы понравиться рыцарю-фейри, и пока не могла придумать ни одного пункта, который можно было бы внести в этот список.

– Понравлюсь, – сказала она, надеясь, что слова, произнесенные вслух, станут волшебными и в конце концов исполнятся.

В ту ночь Кайя позволила Исааку и Армагеддону бегать по кровати, в то время как из CD-плеера снова и снова доносился голос Грейс Слайк, поющей «Белого кролика». Выросшая и утратившая наивность Алиса – вот на кого она похожа. Затем Кайя поставила другой диск и слушала, как Кортни Лав скрипит: «Я хочу быть девочкой с большим тортом... когда-нибудь тебе будет так же больно, как мне».

Распахнув окно, Кайя зажгла сигарету, следя за тем, чтобы выдыхать весь дым наружу.

Сидящие в ряд куклы бесстрастно взирали на нее с полок, безупречная церемонность их чаепития отчего-то раздражала Кайю.

Она поймала обеих крыс и посадила их на полку к куклам – пусть познакомятся. Затем вернулась к кровати.

Отодвинув кровать к самой стене, она стащила верхний матрас на пол. Он занял почти все свободное место в комнате, но по крайней мере так ее ноги смогут удобно свешиваться за его край. А если накрыть нижний пружинный матрас одной из расписных накидок Эллен, то получится почти кушетка. Затушив сигарету и улегшись навзничь на матрас, Кайя смотрела, как крысы залезают куклам на колени, одинаково бесцеремонно ползая и по бархатному костюму для верховой езды, и по бальному платью с золотыми кружевами, чтобы обнюхать синтетические волосы и цапнуть нежные фарфоровые пальцы. Наконец глаза девушки закрылись, и она постепенно погрузилась в сон.

Глава 4

И день, и ночь желание меня

Язвит, как ядовитая змея.

Самар Сен. «Любовь»

В понедельник утром Кайя проснулась рано, оделась и притворилась, что идет в школу.

Она вела себя так уже большую часть недели, с тех пор как бабушка настояла, чтобы Кайя пошла в школу и узнала, почему ее долго не заносят в списки учащихся. Сказать бабушке о том, что документы с прежнего места учебы сюда никогда не придут, было попросту невозможно, поэтому Кайя положила в пакет апельсин и бутерброд с арахисовым маслом и медом и отправилась убивать время.

Когда они только что приехали в Филадельфию, она легко перешла в новую школу. Но потом они начали колесить по штату, шесть месяцев проводя в Университетском городке, еще четыре – в Южной Филадельфии, а следующую пару недель – в Музейном округе. Каждый раз Кайе пришлось бы либо как-то добираться до своей прежней школы, либо переводиться в новую. Примерно год назад этот беспорядок ей надоел, и она устроилась на полный рабочий день в ресторан «Жирный кусочек». Им нужны были деньги, а помимо того, подвернулась возможность поесть на халяву.

Кайя пнула сплюсненную банку из-под газировки, и она улетела вдоль по улице. Кайя сама понимала, что движется не в лучшую сторону, и не только в буквальном смысле. Бабушка была права насчет Кайи: она превращалась в копию своей матери и даже хуже, потому что Кайя не имела целей и амбиций Эллен. Единственные таланты Кайи заключались в умении таскать мелочи из магазинов и исполнять пару трюков с зажигалкой, для которых лучше всего подходит «зиппо».

Кайя задумалась, не поехать ли ей в Ред-Бэнк и не поискать ли магазинчик Сью и Лиз. У нее оставалось немного денег, но она могла

проехать пару остановок зайцем. Самая большая проблема заключалась в том, что Эллен не сказала, как называется этот магазин.

Ей пришло в голову, что, возможно, Корни знает. Наверное, остался еще час до окончания ночной смены и до прихода заправщика, работающего с утра. Если она купит Корни кофе, может быть, он не будет ругаться, что она слишком часто ошивается в округе.

В забегаловке почти не было народа, и Кайя быстро налила в два больших бумажных стакана орехового кофе. Свой кофе она сдобрила корицей и сливками, однако она не представляла себе вкусы Корни, поэтому просто сунула в карман несколько пакетиков сахара и сухих сливок. Зевающая продавщица даже не взглянула в сторону Кайи, когда та выходила из магазина.

Корни сидел на капоте своей машины, играя в шахматы на маленькой магнитной доске.

– Эй, – окликнула его Кайя.

Он поднял взгляд, и лицо его приняло недружелюбное выражение. Девушка протянула ему кофе. Теперь на лице Корни отразились смущение и замешательство.

– Разве ты не должна быть в школе? – спросил он.

– Я ее бросила, – ответила Кайя. – Я собираюсь получить разрешение на работу.

Корни поднял брови.

– Так ты будешь кофе или нет?

Тут перед одним из заправочных автоматов остановилась машина. Корни со вздохом слез с капота.

– Поставь его где-нибудь тут.

Кайя тоже уселась на капот, осторожно поставила стаканчики с кофе и извлекла из карманов пакетики с добавками. Сняв крышку со своего стаканчика, она сделала большой глоток. Горячий напиток изгонял из тела холод сырого осеннего утра.

Корни вернулся через несколько минут и снова забрался на свое место. Оценивающе взглянув на кофе, он насыпал в него сахара,

размешивая извлеченной из кармана грязной шариковой ручкой.

– И против кого ты играешь? – спросила Кайя, подтягивая колени повыше.

Корни поднял на нее взгляд и хмыкнул.

– Ты пришла только затем, чтобы трепать языком? А кофе дрянь.

– Слушай, я просто хочу поговорить. Кто выигрывает?

Корни ухмыльнулся.

– В данный момент он. Давай говори, чего тебе надо? Люди не ходят ко мне просто так, в гости. Общаться со мной – все равно что напрашиваться на Апокалипсис или что-то в этом духе.

– А что так?

Корни со стоном вновь спрыгнул с капота – к заправке подъезжал еще один автомобиль. Кайя смотрела, как Корни наполняет бак и продает водиле блок сигарет. Ей подумалось, не примет ли владелец заправки на работу шестнадцатилетнюю девушку? Последние деньги у нее на карточке уже заканчивались. А Корни устроился работать сюда, когда был младше, чем она сейчас.

– Корни, – спросила Кайя, когда он вернулся, – ты знаешь какой-нибудь магазинчик CD-дисков в Ред-Бэнк?

– Хочешь у болтать меня, чтобы я тебя туда подбросил?

Кайя вздохнула.

– Параноик. Я просто хочу узнать, как он называется.

Корни пожал плечами и сделал еще пару ходов на доске, никак их не прокомментировав.

– Рядом с лавкой, где я покупаю комиксы, есть какой-то магазинчик с дисками, но я не знаю его названия.

– А какие комиксы ты читаешь?

– Ты хочешь сказать, что читаешь комиксы? – Корни ошетинился, как будто подозревая, что Кайя готовит ему какую-то ловушку.

– Конечно. «Бэтмена», «Ленору», «Слишком много кофе». Когда-то, конечно, читала «Песочного человека».

Корни какой-то момент испытующе смотрел на нее, затем наконец смягчился.

– Раньше я читал кучу всякой Икс-фигни^[4], но теперь в основном смотрю японские штучки.

– Вроде «Акиры»?

Корни покачал головой.

– Не-а. Комиксы для девочек – те, где рисуют всяких симпатичных девчонок и парней. А ты знаешь, что такое «сёнен-ай»? – Похоже, он в этом сильно сомневался.

– Хотела бы я хоть немного знать японский, – ответила Кайя, помотав головой.

Корни ухмыльнулся.

– Я думал, ты японка.

Кайя пожала плечами.

– Так говорит моя мать. Мой отец состоял в какой-то местной модной группе, по которой мама фанатела в старших классах. Этакая новая волна. Я никогда его даже не видела. Полагаю, она залетела от него на групповухе.

– Дурацкая история.

– Ну да.

На заправку въехал автомобиль, но вместо того, чтобы остановиться у автоматов с бензином, он припарковался рядом с машиной Корни. С водительского сиденья вылез темнокожий парень.

– Как мило, что ты сегодня соизволил явиться, – проворчал Корни, швырнув ему связку ключей.

– Эй, ну я же извинился! – сердито отозвался парень.

Обернувшись к Кайе, Корни спросил:

– И куда ты теперь?

Кайя пожала плечами.

– Пошли к нам? Можешь посидеть и подождать, пока Дженет вернется домой.

– Конечно, – кивнула Кайя.

Они вместе направились к трейлеру. Оказавшись дома, Корни включил телевизор и прошел в свою комнату.

– Мне нужно проверить почту.

Кайя кивнула и села на кушетку, только сейчас ощутив некоторую неловкость. Было странно находиться дома у Дженет в отсутствие самой Дженет. Кайя пощелкала по каналам телевизора и остановилась на том, который показывал мультфильмы.

Прошло уже несколько минут, а Корни так и не выходил, поэтому Кайя зашла к нему в комнату. Обиталище Корни было абсолютно не похоже на комнату Дженет. Все стены занимали полки, заставленные книжками в бумажных обложках и комиксами. Корни сидел за столом, который, казалось, вот-вот рухнет под тяжестью всякого оборудования. Под ногами у парня валялась коробка с кучей проводов и компьютерными «потрохами».

Корни увлеченно стучал по клавиатуре. Заслышав шаги Кайи, он проворчал:

– Я уже почти закончил.

Кайя села на край его кровати, как в комнате Дженет, и ухватила ближайший комикс. Он был на японском языке. Белокурые герой и героиня – Кайе всегда казалось странным, что в аниме так много блондинов, – плохой парень с длинными черными волосами и с клевыми наушниками в ушах. Симпатичный толстенький шарик с крыльями, как у летучей мыши, – видимо, его сообщник – порхал вокруг плохого парня. Кайя пролистнула несколько страниц. Герой, обнаженный, с ошейником на горле, валялся в постели плохого парня. Кайя уставилась на картинку. Блондин откинул назад голову то ли в экстазе, то ли в ужасе, в то время как злодей лизал его сосок.

Девушка бросила взгляд на Корни и показала ему раскрытую страницу комикса:

– Дай я догадаюсь... это и есть «сёнен-ай»?

Он на миг оторвался от компьютера и бросил на нее короткий взгляд, но Кайя успела уловить замкнутое и в то же время самодовольное выражение его лица.

– Ага.

Девушка не знала, что на это сказать. Быть может, в этом все и

дело.

– Тебе нравятся мальчики?

– Для этого есть особый термин, – отозвался Корни. – Педераст. По-простому – пидор. Но среди них встречаются милейшие люди.

– А Дженет знает?

Кайя не могла понять, почему он говорит это ей, если Дженет не в курсе. Электронные послания Дженет содержали полный отчет о ее жизни, скучный и полный слухов о людях, которых Кайя даже не знала.

– Да, вся семья знает. Это не такая уж большая проблема. Как-то вечером за ужином я сказал: «Мам, ты помнишь ту запретную любовь, которую Спок питал к Кирку? Ну вот я такой же». Ей так было легче понять.

Голос Корни звучал так, словно он подначивал Кайю сказать хоть что-нибудь по этому поводу.

– Надеюсь, ты не ждешь от меня комментариев, – произнесла наконец девушка. – Потому что единственное, что я могу придумать, – что это самая странная история из всех, которые мне приходилось слышать.

Напряжение ушло с лица Корни. Затем Кайя рассмеялась, а Корни последовал ее примеру. Стоило им взглянуть на комикс, как смех вспыхивал с новой силой.

К тому времени, как Дженет вернулась из школы, Корни уже спал, а Кайя прочитала огромную кипу диковинных комиксов.

– Привет, – сказала Дженет, похоже удивленная тем, что ее диван занят.

Кайя зевнула и отхлебнула из полупустой бутылки черри-колы.

– А, привет. Я тут болтала с твоим братцем, а потом сообразила, что просто могу подождать, пока ты придешь домой.

Дженет скорчила гримасу и положила на стол пачку учебников.

– Глядя на тебя, я начинаю считать школу интересной. Если ты собираешься ее бросить, то точно так же можешь... ну, я не знаю.

– Сделать что-нибудь сомнительное?

– Вот именно. Ладно, я собираюсь пойти кое-куда... встретиться с ребятами. Ты идешь?

Кайя потянулась и встала.

– Конечно.

Закусочная «Синяя кусака» была открыта двадцать четыре часа в сутки, и здесь никого не волновало, сколько времени ты просидишь в кабинке с зеркальными стеклянными стенами и сколько при этом закажешь. Кении и Пончик сидели за столом с девушкой, которую Кайя не знала. У девушки были короткие черные волосы, красные ногти и тонкие подведенные брови. Пончик натянул футболку с эмблемой команды поверх черной водолазки, из-под стола высовывались развязавшиеся шнурки от его кроссовок. С тех пор как Кайя видела его в прошлый раз, он подстригся, вдобавок подбрав голову сзади и с боков. Кении по-прежнему носил серебристую куртку поверх черной футболки и выглядел точно так же, как тогда: небрежным, симпатичным и совершенно несдержанным.

– Извините, что устроила бучу в тот вечер, – сказала Кайя, сунув руки в карманы джинсов и надеясь, что никто не захочет поднимать эту тему.

– Что случилось? – спросила девушка. Когда она говорила, что-то клало, и Кайя сообразила, что это пирсинг в языке девушки стучит о зубы.

Пончик открыл рот, чтобы ответить, но Кении оборвал его.

– Все клво, – произнес он, вскинув голову. – Влезайте сюда, девчата.

– Кайя, – представила Дженет, садясь рядом с девушкой, – это Фатима. Я тебе писала про нее по мэйлу. А это моя подруга Кайя из Филадельфии.

– Ну да, конечно. Привет.

Именно вечеринку у Фатимы Кайя пропустила два дня назад. Она понятия не имела, что о ней наговорили после ее ухода. Кении едва бросил взгляд в ее сторону, зато Пончик глазел на нее так, словно она могла выкинуть что-нибудь странное или забавное. Кайя

пожалела, что не осталась в трейлере. Ситуация вышла неловкая.

– Ты та девушка, мать которой поет в группе? – уточнила Фатима.

– Больше нет, – поправила Кайя.

– Это правда, что она трахнула у Замполиса? Дженет сказала, что она была на подпевках у «Цепочек».

Кайя поморщилась и задумалась: «Неужели все ее письма выставлялись напоказ?»

– К несчастью.

– А тебя не напрягало это – ну, я хочу сказать, отбивала ли она у тебя парней и все такое?

Кайя подняла брови.

– Я не бегала на свиданки с парнями из групп.

Она попыталась представить, что бы Эллен подумала о Кении. Невозможно было себе вообразить, чтобы Эллен встречалась с Ройбеном.

– У меня была такая подруга, – продолжала Фатима, – и ее мать и сестра обе спали с парнем, от которого она залетела. Ну вы его знаете, да? Джерри Спрингер.

– Ты имеешь в виду Эрин? – переспросила Дженет. – Она сейчас на реабилитации.

У их столика остановилась официантка, одетая в коричневую униформу, слишком тесную и короткую для нее. На бейджике было написано «Рита».

– Вам принести чего-нибудь, ребята?

– Что-нибудь диетическое, – сказала Дженет.

– Кофе, – пискнула Кайя.

– Я хочу... можно порцию диско-фри, Рита? – осведомился Пончик.

– Ваш заказ будет через минуту, – сообщила официантка, настороженно улыбнувшись Пончику, назвавшему ее по имени.

Кении обернулся, чтобы достать сигареты и зажигалку из

кармана плаща, и Кайя увидела татуировку на его шее. Это было стилизованное изображение скарабея. Кайе стало интересно, какие татуировки он носит на участках тела, скрытых рубашкой? Дженет должна бы знать.

– Кто-нибудь хочет? – спросил Кении, протягивая пачку.

– Я, – отозвалась Кайя.

– Что захочешь, то и получишь, – бросил он и подал ей сигарету, ухмыльнувшись так, что Кайю бросило в жар.

Дженет беседовала с Фатимой о ребенке Эрин и не обратила внимания на этот мелкий эпизод. Пончик ковырялся в тарелке с картошкой фри под сырным соусом, которую поставила перед ним официантка.

– Хотите, фокус покажу? – спросила Кайя, внезапно осознав, что не хочет уклоняться от скрытого вызова, прозвучавшего в словах Кении. – Дай мне твою зажигалку.

Кении протянул Кайе серебристую зажигалку с эмалевым медальоном на лицевой стороне.

Кайя научилась этому трюку у Лиз еще в те времена, когда Эллен выступала в «Милой кошечке». Лиз показала его Кайе, утверждая, что это верный способ произвести впечатление на парней. Кайя понятия не имела, зачем Лиз привлекать кого бы то ни было, если у нее есть Сью, однако освоила фокус и производила впечатление, по крайней мере, на барменов.

Держа зажигалку между указательным и средним пальцами, Кайя начала перебирать пальцами так, что зажигалка, кувyrкаясь, оборачивалась вокруг всех пальцев поочередно, да так быстро, что металл ее сверкал, словно чешуя выпрыгивающей из воды рыбки. Движение все ускорялось и ускорялось, а затем Кайя резко остановила зажигалку, откинула крышку и щелкнула колесиком. И все это одной рукой, в то время как другая спокойно лежала на столе. Перегнувшись через стол, девушка великодушно поднесла огонек к сигарете Кении.

Поскольку трюк был проделан при зрителях, Кайе оставалось лишь признать, что Лиз оказалась права. Оба парня, похоже, получили сильное впечатление.

Кривая улыбка Кении подбивала на дальнейшие выходки.

– Клево, – признал Пончик. – Не покажешь мне, как это делать?

– Конечно, – отозвалась Кайя, раскуривая сигарету и глубоко затягиваясь горьким дымом. Она повторила трюк в замедленном темпе, чтобы Пончик мог видеть, как это делается, а потом предложила попробовать самому.

– Я выйду на минутку, – сказал Кении, и Кайя с Пончиком вылезли из кабинки, чтобы освободить ему дорогу.

Прежде чем Кайя успела вернуться на свое место, Кении дернул ее за руку и кивком указал в сторону туалета.

– Сейчас вернусь, – обратилась Кайя к Дженет, бросив сигарету в пепельницу. – Я в сортир.

Дженет, должно быть, ничего не заметила, поскольку просто кивнула.

Следом за Кенией Кайя вышла в маленький холл. Хотя она не представляла еще, чего он хочет, щеки ее уже горели, а в животе появилась странная дрожь.

Как только они оказались в холле, Кении повернулся к ней и прислонился к стене.

– Что ты сделала со мной? – спросил он, быстро затянувшись сигаретой и потирая тыльной стороной ладони отросшую щетину на щеке.

Кайя покачала головой.

– Ничего. Что ты имеешь в виду?

Он понизил голос, говоря с тихой настойчивостью:

– В ту ночь. Конь. Что ты сделала? – Он помолчал, глядя в сторону. – Я не могу перестать думать о тебе.

Кайя застыла, потрясенная.

– Я... честно... я ничего не делала.

– Так сделай, чтобы все было как раньше, – прорычал он, нахмурившись.

Девушка попыталась подыскать слова для объяснения.

– Иногда, когда я мечтаю... случаются всякие вещи. Я просто думала о том, что еду на лошади. Я даже не слышала, как ты

подошел.

Щеки ее покраснели еще яростнее: ей вспомнилось, как Сью однажды объясняла ей, почему все маленькие девочки хотят завести собственного пони.

Кении посмотрел на Кайю так же пристально, как и тогда, на чердаке здания карусели, и поднес сигарету к губам.

– Это просто впилилось мне в мозги, – произнес он с отчаянием. – Вот именно так – я не могу выкинуть тебя из головы. Ты – это все, о чем я могу думать целыми днями.

Кайя понятия не имела, что сказать на это. Кении сделал шаг к ней, словно бы сам того не замечая.

– Ты должна что-нибудь сделать.

Она отступила на шаг, но уперлась спиной в стену, чувствуя позвоночником холодные кафельные плитки. Телефон, висевший справа, загоразживал от нее конторку администратора.

– Извини.

Кении придвинулся еще ближе, буквально притиснув ее к стене.

– Я хочу тебя, – безапелляционно заявил он и попытался раздвинуть коленом ее ноги.

– Мы в закуской, – напомнила Кайя, схватив его за плечи, чтобы он смотрел ей в лицо.

Кении был бледен, лишь на скулах горели розовые пятна. Его глаза усталились на нее, словно стеклянные.

– Я хочу перестать хотеть тебя, – пробормотал он и быстро наклонился, чтобы поцеловать ее.

Кайя повернула голову, и Кении лишь ухватил губами ее волосы, но это, казалось, не обескуражило его. Он покрыл поцелуями ее шею сверху донизу, нанося жестокие укусы, а потом зализывая их языком. Одной рукой он схватил Кайю за грудь, а другой зарылся в ее волосы.

Кайя по-прежнему стискивала его плечи, колеблясь в нерешительности. Она могла оттолкнуть его. Она должна была оттолкнуть его. Но ее тело предательски подстрекало ее подождать еще немного, прижаться к Кении чуть-чуть теснее и посмотреть, что произойдет.

– Ребята, я... что за черт?

Услышав голос Дженет, Кении отпрянул от Кайи. В руке его остались несколько белокурых волосков, мерцающих как паутинки. Собравшись с мыслями, Кении проворчал:

– Только не надо мне больше ныть и говорить о неверности и прочем дерьме!

Глаза Дженет наполнились слезами.

– Ты ее целовал!

– Да уймись ты, мать твою!

Кайя бросилась в туалет, заперлась в кабинке и буквально сползла по стенке на грязный пол.

Сердце ее билось так быстро, словно вот-вот собиралось выскочить из груди. Кабинка была слишком маленькой, чтобы расхаживать по ней, но Кайе очень хотелось двигаться, делать что-нибудь, чтобы привести в порядок сумбурные мысли. Магия, если, конечно, она существует, не должна так действовать. Она, Кайя, не может наложить на почти незнакомого человека любовные чары, совершенно того не желая.

Самым ужасным в этом было удовольствие. Какая-то часть Кайи упорно игнорировала вину и находила романтическую справедливость в том, что Кении не может перестать думать о ней, чокнутой замарашке по имени Кайя Фирш. Ей подумалось, что не составит труда влюбиться в него – ведь он такой симпатичный, обаятельный и так хочет ее! И в отличие от недостижимого рыцаря-фейри Кении был реальным, и его она действительно могла заполучить.

Сделав глубокий вдох, Кайя вышла из кабинки. Подойдя к раковине, она плеснула в лицо воды из-под крана и, подняв взгляд, увидела в зеркале собственное отражение. Выцветшая красная футболка с эмблемой «Жирного кусочка» вся в мокрых пятнах от пролившихся капель воды, тени и тушь размазались, белокурые волосы свисают перепутанными прядями.

Кайя отвернулась от зеркала, и в этот момент уловила глазами что-то странное. Повернувшись обратно, она вновь, с более близкого расстояния, рассмотрела свое лицо, но ничего нового не увидела. Помотав головой, Кайя направилась к двери. На секунду ей

показалось, что лицо в зеркале стало зеленым.

За время ее отсутствия на столе прибавилось чашек с кофе, и Кайя взяла ту, которая стояла перед ее местом. Ее сигарета, лежащая в пепельнице, догорела до самого фильтра. Пончик рассказывал Кении о новой машине, которую он ремонтировал, а Дженет во все глаза смотрела на Кайю.

– Прошу прощения, Кайя, – произнес голос, одновременно знакомый и странный.

На миг Кайя неподвижно застыла. Ее разум кричал, что это просто невозможно. Это против всех правил. Они никогда так не делали. Одно дело – верить в фейри, и совершенно другое – когда у тебя не остается выбора, верить или нет. Если они могут в любую минуту войти в твою повседневную жизнь, значит, они являются частью обычной жизни и отделить одно от другого даже мысленно уже не получится.

Но Ройбен действительно стоял рядом с их столом. При свете ламп его волосы, стянутые на затылке в конский хвост, казались белыми, как соль. Одет он был в длинный черный шерстяной плащ, ниспадавший до невероятно модных кожаных ботинок. Лицо Ройбена было настолько лишено красок, что он выглядел как черно-белый снимок, кадр из нецветного кинофильма.

– А это кто? – услышала Кайя вопрос Пончика.

– Думаю, его зовут Робин, – угрюмо ответила Дженет.

При этих словах Ройбен приподнял бровь, но тем не менее обратился к Кайе:

– Могу я минутку поговорить с тобой?

Кайя почувствовала, что в состоянии только кивнуть головой. Выбравшись из-за стола, она вместе с Ройбеном подошла к пустующему месту в углу. Там тоже стояли стулья, но ни он, ни она не сели.

– Я пришел отдать тебе вот это. – Ройбен извлек из какого-то потайного кармана плаща сверток черной ткани и улыбнулся той самой улыбкой, которую Кайя запомнила в лесу, – улыбкой, которая была адресована ей. – Это твоя рубашка, теперь она как новенькая.

– Как и ты, – заметила Кайя.

Ройбен слегка кивнул:

– Воистину.

– Мои друзья сказали, чтобы я не разговаривала с тобой.

Кайя не знала, что собирается сказать, до тех пор пока эти слова не слетели у нее с языка. Казалось, они язвили ее, словно крошечные колючки.

Рыцарь опустил взгляд и вздохнул.

– Твои друзья? Полагаю, не эти. – Он указал глазами в сторону кабинки, и Кайя покачала головой.

– Люти и Шип, – пояснила она. Когда он вновь поднял на нее глаза, они потемнели, и на губах его больше не играла улыбка.

– Я убил их друга. Быть может, это был и твой друг.

Люди вокруг них ели, смеялись и разговаривали, но эти звуки словно доносились до Кайи издалека и казались неуместными, как записанный на пленку смех во время показа какого-нибудь шоу.

– Ты убил Хряща.

Ройбен кивнул.

Она уставилась на него, как будто надеясь, что все сейчас изменится и обретет смысл.

– Как? Почему? Зачем ты мне это рассказываешь?

Ройбен ответил, стараясь не встречаться с ней взглядом:

– Есть ли какое-то извинение, которое я мог бы принести, а ты принять? Какое-либо объяснение, которое ты сочла бы приемлемым?

– Это и есть твой ответ? Тебе что, вообще на это наплевать?

– Ты получила обратно свою рубашку. Я выполнил все, за чем пришел сюда.

Кайя схватила его за руку и развернула лицом к себе.

– Ты должен мне три вопроса.

Ройбен застыл в напряжении, но лицо его оставалось бесстрастным.

– Превосходно.

В груди Кайи вскипел гнев, горькое ощущение беспомощности.

– Почему ты убил Хряща?

– Так повелела мне моя госпожа. У меня нет выбора – только повиновение. – Ройбен сунул руки в карманы плаща и говорил обиденным тоном, как будто собственные ответы навевали на него скуку.

– Вот как? – хмыкнула Кайя. – А если она прикажет тебе прыгнуть с моста?..

– Вот именно. – В тоне Ройбена не было иронии. – Должен ли я считать это вторым твоим вопросом?

Кайя замерла и перевела дыхание, лицо ее пылало от ярости.

– Почему ты не... – начала она и оборвала себя на полуслове.

Ей нужно подумать. Гнев подтолкнул ее на глупость и опрометчивость. У нее осталась только один вопрос, и она намеревалась использовать его, чтобы прогнать этого задаваку прочь. Кайя вспомнила о послании, лежавшем в желуде, и о полученном ею предупреждении.

– Каково твоё полное имя?

Рыцарь словно подавился воздухом.

– Что?

– Мой третий вопрос: каково твоё полное имя?

Кайя до конца не понимала, что делает. Она знала лишь, что заставляет его сделать то, чего он не желал, и это полностью ее устраивало.

Глаза Ройбена потемнели от гнева.

– Рат Ройбен Рай, и пусть это знание доставит тебе удовольствие.

Кайя прищурилась:

– Красивое имя.

– Ты слишком умна. Слишком умна, чтобы это пошло тебе на пользу, как мне кажется.

– Знаешь что, Рат Ройбен Рай, поцелуй меня в задницу!

Он схватил ее за плечо – Кайя даже не успела заметить его

движение. Она вскинула руку, чтобы защититься от удара, но Ройбен лишь швырнул ее вперед и вниз. Девушка завизжала, упав на четвереньки на каменный пол. Вскинув глаза, она почти ожидала увидеть над собой занесенный меч, но вместо этого фейри с силой рванул вниз пояс ее джинсов и на миг прижался губами к обнажившейся верхней части ее ягодицы.

Время как будто замедлило ход. Кайя рухнула на скользкий пол, а Ройбен легко поднялся на ноги. Все посетители закусочной уставились в их сторону, Кении неуклюже попытался выкарабкаться из-за стола.

Ройбен стоял над Кайей. Без всякого выражения в голосе он произнес:

– Такова природа служения, Кайя. Все приказы выполняются буквально и не все из них умны. Будь осторожна в выражениях.

– Да кто ты тут вообще такой, гроб твою мать? – заорал Кении, наконец-то добравшийся до них, и наклонился, чтобы помочь Кайе встать.

– Спроси ее, – ответил Ройбен, кивком указывая на Кайю. – Теперь она точно знает, кто я такой.

Повернувшись, он вышел из заведения. На глаза Кайи навернулись слезы.

– Пойдем, – твердила Фатима, хотя Кайя почти не слышала ее. – Давайте выведем ее на воздух. Да нет, это между нами, девочками.

Фатима и Дженет вывели Кайю наружу и усадили на капот одной из припаркованных машин. Кайя надеялась, что эта машина принадлежит кому-то из их компании. Она вытерла мокрые щеки. Плакать она уже перестала – слезы были вызваны потрясением.

Фатима зажгла сигарету и протянула ее Кайе. Та затаилась, но в горле скребло, и дым сигареты заставил ее закашляться.

– У меня когда-то был такой дружок. Он все время, как сам говорил, выколачивал из меня глупость. – Фатима присела рядом с Кайей и погладила ее по спине.

– Может быть, он увидел тебя с Кении, – предположила Дженет, не глядя на Кайю.

Прислонившись к фонарному столбу, она смотрела на ворота

военной части, расположенной через дорогу от закусочной.

– Извини, – жалобно сказала Кайя.

– Отстань от нее, – бросила Фатима, обращаясь к Дженет. – Как будто ты не поступила точно так же со мной!

Тогда Дженет повернулась к Кайе.

– Ты же понимаешь, что все равно его не получишь. Может, он и хочет тебя трахнуть, но он никогда не будет с тобой гулять.

Кайя просто кивнула, поднеся сигарету ко рту трясущимися руками. Лучше всего будет, решила она, вообще держаться подальше от парней.

– Этот твой Робин еще явится за тобой? – спросила Фатима.

Кайя едва не рассмеялась над этим предположением. Если Ройбен захочет это сделать, никто не сможет остановить его. Он двигался быстрее, чем Кайя вообще могла уловить. Она была очень глупа, когда не боялась его.

– Я так не думаю, – ответила она наконец.

Кении и Пончик вышли из закусочной и вразвалочку направились к девушкам.

– Все в порядке? – спросил Кении.

– Просто пара синяков, – отмахнулась Кайя. – Невелика беда.

– Черт, – фыркнул Пончик. – То прошлый вечер, то этот... ты скоро уже побоишься появиться в нашей компании!

Кайя попыталась улыбнуться, но не могла отделаться от мысли о том, насколько обоюдоострыми были эти слова.

– Хочешь, я подброшу тебя домой? – поинтересовался Кении.

Кайя подняла взгляд, собираясь поблагодарить его, но тут вмешалась Фатима:

– Почему бы тебе не подбросить домой Дженет, а я завезу Понча и Кайю?

Кении посмотрел вниз, на побитые носки своих ботинок, и вздохнул.

– Точно.

По дороге домой Фатима почти не разговаривала, и Кайя была ей благодарна за это. В машине орало радио, так что Кайя просто сидела на пассажирском сиденье и притворялась, что слушает. Затормозив перед домом Кайиной бабушки, Фатима выключила фары и сказала:

– Не знаю уж, что произошло между тобой и Кении...

– Я тоже не знаю, – с коротким смешком отозвалась Кайя.

Брюнетка улыбнулась и наставила на нее наманикюренный палец.

– Послушай, я не знаю насчет тебя и Робина и все такое, но если ты просто ищешь способ послать своего дружка, то не делай этого. Дженет действительно любит Кении, понимаешь? Она от него без ума.

Кайя открыла дверцу и вылезла из машины.

– Спасибо, что подвезла.

– Нет проблем. – Фатима снова врубила фары.

Захлопнув дверцу синей «хонды», Кайя поднялась на крыльцо и вошла в дом.

Оказавшись на кухне, Кайя первым делом наткнулась на мать, которая сидела у стола, держа в руке телефонную трубку. Перед ней лежал раскрытый блокнот со спиральным корешком. Увидев входящую Кайю, Эллен взмахом свободной руки указала на плиту. Там стояла кастрюля с холодными спагетти и сосисками. Кайя взяла вилку и подцепила немного спагетти.

– Так ты думаешь, что сможешь переманить Шарлотту? – говорила мать в телефон, машинально выписывая на листке блокнота названия групп. – Ну ладно, позвони мне, когда будешь знать. Абсолютно. Пока, ласточка.

Эллен повесила телефон, и Кайя выжидающе посмотрела на нее. Мать улыбнулась и отхлебнула из стоящей на столе чашки.

– Мы едем в Нью-Йорк!

– Что? – недоуменно уставилась на нее Кайя.

– Ну, это еще не до конца определилось, но Ронда хочет, чтобы я выступала с ее новой группой из одних девушек «Фабрика Мяу», и

она думает, что сможет сманить туда Шарлотту Чарли. Я сказала, что если она ее заполучит, то я в деле. В Нью-Йорке чертова куча клубов!

– Я не хочу ехать, – сказала Кайя.

– Мы можем ошиваться у Ронды, пока не подыщем другое место для жилья. Тебе понравится Нью-Йорк.

– Мне нравится здесь.

– Мы не можем вечно висеть на шее у моей матери, – возразила Эллен. – И кроме того, тебя она так же вечно пилит, как и меня.

– Сегодня я подала заявление на работу. Бабушка будет рада, если я начну приносить в дом деньги. А ты можешь присоединиться к какой-нибудь местной группе.

– Все еще вилами по воде писано, – сказала Эллен, – но я думаю, что тебе просто надо привыкнуть к мысли о переезде. Если бы я хотела остаться в Джерси, то сделала бы это много лет назад.

Сотня книжечек со спичками из сотни баров, где мать выступала с концертами, или из ресторанов, где они обедали, или от мужчин, у которых они жили. Сотня упаковок спичек, и все горят.

Кайя тоже ощущала в себе пламя, природу которого понять не могла. Адреналин обратил ее пальцы в лед, загоня жар внутрь, и огонь плясал у нее в голове, ярость и странное ощущение возможности пульсировали в ее жилах.

Кайя окинула взглядом темную комнату, освещенную только мерцающим оранжевым огнем. Стекланные глаза кукол вспыхивали и угасали вместе с пламенем. Крысы свернулись клубком в дальнем углу клетки. Кайя вдохнула острый запах серы и подожгла еще одну упаковку, глядя, как пламя бежит по рядам белых спичечных головок, как вспыхивает картонная обложка. Поворачивая упаковку в пальцах, Кайя смотрела, как пламя пожирает тонкий картон.

Глава 5

Я глотал мифологию и мечтал.

Юзеф Коммуняка. «Ежевика»

Кайя проснулась оттого, что кто-то скребся в окошко. В комнате было темно, в доме царила тишина.

Кто-то смотрел на нее. Крошечные черные глазки моргали из-под мощных нависших бровей, по бокам лысой головы торчали длинные острые уши.

– Шип? – прошептала Кайя, сползая с брошенного на пол матраса, на котором спала, и путаясь в простынях.

Он вновь постучал, ероша брови. Он был меньше, чем помнила Кайя, и одет только в лоскут тонкой коры, обернутый вокруг пояса и ниспадавший ниже колен. Торчащие локти заканчивались маленькими шипами.

Позади него Кайя заметила тонкое тельце Лютилу, сияющее на фоне темной черепицы крыши. Ее крылышки были настолько прозрачными, что были почти не видны.

Кайя ухватила за оконную ручку, но потребовалось несколько рывков, чтобы открыть старую, разбухшую оконную раму. В комнату впорхнули два белых мотылька.

– Шип! – повторила Кайя. – Люти! Где вы были? Я вернулась сюда уже давно. Я оставляла вам молока, но мне кажется, что его выпивали кошки.

Маленький человечек глянул на нее одним глазом, словно воробей.

– Ведьма Чертополоха ждет тебя, – сказал Шип. – Поспеш.

Тон его был странным – резким и каким-то недружелюбным. Никогда прежде он не разговаривал с ней так. И все же Кайя поддавалась очарованию знакомой ситуации: та же старая комната, те же маленькие друзья, приходящие в середине ночи, чтобы позвать ее

ловить светлячков или собирать недозревшую вишню. Она натянула черный свитер поверх белой ночной рубашки, которую презентовала ей бабушка, и влезла в ботинки. Потом обшарила комнату в поисках плаща, но не могла найти его в темноте среди наваленной грудой одежды, и решила, что сойдет и так. Свитер был достаточно теплым.

Кайя выбралась на крышу.

– Зачем она хочет видеть меня?

Кайя всегда считала Чертополоху ворчливой тетушкой, которая не любит играть и легко может доставить уйму неприятностей.

– Ей нужно сказать тебе кое-что.

– А что именно – вы не знаете? – спросила Кайя.

Она свесила ноги с края крыши, в то время как Шип просто соскользнул вниз, а Люти спорхнула, трепеща крылышками.

– Идем, – поторопил Шип.

Кайя оттолкнулась от края и ухнула вниз. Сухие ветки рододендроновых кустов оцарапали ей голени, когда она приземлилась, пружинисто как кошка, на обе ноги.

Они бежали по направлению к улице, и Лютилу, пританцовывая в воздухе вокруг Кайи, шептала:

– Я скучала по тебе, я скучала по тебе.

– Сюда, – без всякой необходимости указал Шип, хотя Кайя помнила дорогу.

– Я тоже по тебе скучала, – ответила девушка, обращаясь к Люти и протягивая руку, чтобы погладить крошечное тельце.

Пух, покрывающий тело Люти, был нежным, как вода, и гладким, точно дым.

Стеклянная Топь, названная так из-за обилия битых бутылок, заполнивших русло небольшого ручья, располагалась у подножия дорожной насыпи в полумиле от дома. Они сползали вниз по крутому откосу, ботинки Кайи скользили в грязи. На камнях стояли пивные бутылки, некоторые из них уже были разбиты на крупные осколки. Тоненькие струйки воды переливались разными цветами, словно церковные витражи.

– Что случилось? В чем дело? – спросила Кайя тихо, но все же не настолько, чтобы Шип не услышал ее.

Что-то определенно было не так – он быстро бежал впереди, как будто не желая смотреть ей в лицо. Но, может быть, она просто уже повзрослела и перестала интересоваться его.

Он ничего не ответил.

Люти подлетела к Кайе, волосы ее развевались по ветру, похожие на белый вымпел:

– Мы должны спешить. Не беспокойся. Это хорошие новости... хорошие новости.

– Тише, – прошипел Шип.

Из-за плотной растительности, покрывающей берега ручья, Кайе пришлось пробираться у самой кромки воды. Она осторожно ступала по грязи, в темноте трудно было разглядеть, куда ставишь ногу – на кочку, в холодную воду или на разбитую бутылку. Они шли молча, и Кайя пыталась рассмотреть дорогу при тусклом свете, испускаемом тельцем Люти.

Что-то белое привлекло взгляд Кайи: по ручейку плыли расколотые яичные скорлупки. Она остановилась, чтобы посмотреть на целую флотилию скорлупок, одни из которых были маленькими и пятнистыми, другие сияли белизной. В центре одной от края к краю сновал паучок, капитан поневоле. В центр другой, раскачивавшейся из стороны в сторону, была воткнута черная булавка.

Кайя услышала смешок.

– Много можно предсказать по яичным скорлупкам, – сказала ведьма Чертополоха.

Ее огромные черные глаза смотрели на мир из зарослей трав и колючих веточек, покрывавших ее голову подобно волосам. Она сидела на противоположной стороне ручья, ее тощее тело было закутано во множество слоев ветхой ткани.

– Нас даже ловят, – продолжала Чертополоха, варя зелье из яичной скорлупы. – Гордость делает хвастунами даже самых мудрых из нашего народа, по крайней мере так говорят.

Кайя всегда боялась ведьмы, но на этот раз не ощутила ничего, кроме облегчения. У Чертополохи были добрые глаза, а ее скрипучий

голос звучал знакомо и ласково. Она была так не похожа на Ройбена и его демона-коня.

– Привет, – произнесла Кайя, не зная, как обращаться к ведьме. – Шип передал, что ты должна мне что-то сказать.

Будучи ребенком, Кайя обращалась к ней только в тех случаях, когда нужно было вытащить занозу, залечить ободранное колено или извиниться за то, что подстроила шутку кому-то из своих друзей – Железнобоких.

Чертополоха разглядывала ее несколько долгих мгновений, как будто что-то прикидывая.

– Многое сосредоточено на яйце: это жизнь, это еда, это ответ на многие загадки, – но посмотри на скорлупу. На ее стенках начертаны тайны. Секреты находятся внутри, в том, что считается ненужным.

Ведьма проколола булавкой оба конца крошечного голубого яйца и поднесла его к губам, надувая щеки. Струйка прозрачной густой жидкости вытекла в медную миску, стоящую на коленях Чертополохи.

Кайя смотрела на скорлупки, все еще покачивающиеся в ручье. Она не понимала. Какие тайны они хранили, если не считать паучка и булавки?

Чертополоха похлопала по влажной почве рядом с собой.

– Не желаешь увидеть, Кайя, то, что вижу я? Присядь рядышком.

Поискав клочок относительно сухой земли, Кайя одним прыжком преодолела ручей.

Крошечное создание, одетое в плащ из кротовой шкуры, скользнуло на колено ведьмы и с любопытством сунуло голову в миску.

– Когда-то существовали два Двора, светлый и темный, Летний и Зимний, народ воздуха и народ земли. Они сражались друг с другом, словно змея, пожирающая собственный хвост, но мы были вне их дел, мы скрывались в своих убежищах и у подземных потоков, и они забыли о нас. Теперь они заключили перемирие и вспомнили, что у правителей должны быть подданные. У нас есть такой обычай. – Излагая все это, Чертополоха рассеянно поглаживала блестящий мех маленького фейри. – Они возродили Десятину, обряд принесения в

жертву красивых и одаренных смертных. При Летнем Дворе можно просто заманить какого-нибудь поэта, дабы он присоединился к их компании, но Зимнему Двору требуется кровь. В обмен все те, кто обитает в землях Зимнего Двора, должны связать себя служением. Служба у Зимних фейри тяжела, Кайя, а их забавы – жестоки. А ныне ты привлекла их внимание.

– Это из-за Ройбена?

– О, не произноси больше его имя, – прошептал Шип. – Что мы, настолько слабоумны, чтобы приглашать весь Зимний Двор на чашечку чаю?

– Тихо, – успокоила его Чертополоха.

Шип топнул ногой и отвернулся.

– Тебе не следует произносить вслух даже их сокращенные имена, – пояснила ведьма Кайе. – Зимний Двор ужасен и опасен. Но даже при Зимнем Дворе нет рыцаря более страшного, нежели... тот, о ком ты говоришь. Когда заключили перемирие, каждая из королев отправила ко двору другой лучшего из своих рыцарей. Его отослали от Летнего Двора к Зимнему. Зимняя королева дает ему самые опасные поручения.

– Он столь непредсказуем, что даже его королева не может ему доверять, – вмешался Шип. – Он может и убить тебя, и отпустить. Он убил Хряща.

– Я знаю, – кивнула Кайя. – Он сказал мне.

Шип изумленно уставился на Чертополоху.

– Это именно то, что я имел в виду! И что же это за извращенное представление о дружбе?

– Как... как он это сделал? – спросила Кайя, боясь ответа, но тем не менее желая знать все. – Как умер Хрящ?

Люти взлетела и зависла перед ней, на крошечном личике читалась скорбь.

– Он был со мной. Мы пошли к холму фейри. Там было вино из первоцвета, и Хрящ хотел, чтобы я помогла ему наполнить бутылку. Он собирался купить за нее у одного из своих друзей-малоросликов пару красивых башмаков. Найти дорогу внутрь было просто. Бурая полоса травы – это и есть дверь. Мы взяли бутылку, просто-просто, и

уже шли обратно, когда увидели пряники.

– Пряники? – недоуменно переспросила Кайя.

– Чудесные белые медовые пряники, целая куча на блюде, и можно брать. Съешь их и станешь умнее, понимаешь?

– Не думаю, что так можно поумнеть, – скептически отозвалась Кайя.

– Конечно можно, – нахмурилась Люти. – Как же еще это получается?

Продолжая рассказ, маленькая феяри опустилась на тоненькую веточку низкорослого кустарника.

– Он проглотил пять, прежде чем его поймали.

Кайя не стала указывать на то, что если эти пряники прибавляют мудрости, то Хрящ должен был остановиться после первого. От этого его смерть не стала менее ужасной.

– Его, наверное, отпустили бы, но ей нужна была лиса для травли. И она сказала, что, поскольку Хрящ украл пряники, он будет превосходной лисой. Ох, Кайя, это было жутко. У них и собаки, и кони, и они просто его загнали. И именно Ройбен его убил.

– Вы что, все помешались, что все время называете его по имени? – проворчал Шип.

Кайя помотала головой. Ройбен убил Хряща ради забавы? Потому что тот украл немного еды? А она еще помогла этому ублюдку! По коже у нее побежали мурашки, когда она вспомнила, как небрежно беседовала с Ройбеном и как думала о нем. Ей пришло в голову: «А что именно она могла сделать, зная его имя, какого рода месть могла совершить?»

Чертополоха протянула ей маленькое яйцо.

– Давай, Кайя, выдуй содержимое яйца, а потом расколи его. Это тайна, которая должна открыться тебе.

Кайя взяла голубенькое яичко. Оно было таким легким, что девушка боялась раздавить его в пальцах.

Встав на колени перед миской ведьмы, Кайя легонько подула в булавочное отверстие в остром конце яйца. С противоположной стороны вытекла вязкая струйка белка и желтка и плюхнулась в

миску.

– Теперь сломай скорлупу.

Кайя прижала яйцо большим пальцем, и вся его боковая сторона раздавилась, удерживаясь только на тоненькой оболочке.

Шип и Люти удивленно наблюдали, но ведьма только кивнула.

– Я сделала это неправильно, – признала Кайя и смахнула скорлупки в ручей.

В отличие от других эта скорлупа стала не маленькой лодочкой, а россыпью конфетти на воде.

– Тогда, дитя, позволь мне сказать о другой тайне, раз эта от тебя ускользнула. Если ты подумаешь, то, уверена, поймешь, что с тобой происходит что-то странное. Странность эта заключается не только в твоём поведении, но и в чем-то еще. Запах ее, след ее отпугивает Железнобоких, настораживает их и в то же время притягивает.

Кайя покачала головой, не совсем понимая, к чему клонит Чертополоха.

– Скажи ей другой секрет, – посоветовал Шип. – Этот только запутает все.

– Ты одна из нас, – сказала ведьма Кайе, сверкая черными глазами.

– Что?

Кайя хорошо расслышала слова и все поняла, но ей нужно было время, чтобы вновь заставить мозги работать. Ей казалось, что она не в силах сделать вдох. Существовали степени невозможного и какие-то уровни нереального. И всякий раз, когда Кайя думала, что уже дошла до последнего уровня, под ней словно проваливалась земля.

– Смертные девушки тупы и медлительны, – произнесла Люти. – Тебе больше не нужно притворяться такой.

Кайя потрясла головой, но даже в этот момент она уже знала, что все это правда. Это ощущалось как правда и разрушало и изменяло равновесие ее мира так... аккуратно, что она размышляла, почему ей это прежде не пришло в голову. В конце концов, почему только к ней приходили фейри? Почему только она была наделена магией, которой не могла управлять?

– Почему вы мне не сказали? – требовательно спросила Кайя.

– Слишком рискованно, – буркнул Шип.

– Тогда почему говорите мне это сейчас?

– Потому что это ты выбрана для Десятины. – Чертополоха спокойно скрестила костлявые руки на груди. – И потому, что ты имеешь право знать.

Шип фыркнул.

– Что? Но ты же говоришь, что я не...

Кайя оборвала себя. За всю ночь с ее языка не слетело ни одного разумного замечания, и она сомневалась, что сейчас будет иначе.

– Они считают тебя человеком, – пояснил Шип. – И это хорошо.

– Какие-то чокнутые фейри хотят меня убить, и ты думаешь, что это хорошо? Я-то думала, что мы друзья!

Шип не снизошел даже до того, чтобы ответить улыбкой на эту дурацкую шутку. Он уже целиком погрузился в разъяснение плана.

– При Летнем Дворе есть один рыцарь. Он может сорвать с тебя ореол. Это будет выглядеть так, словно Зимняя королева захотела принести в жертву одну из фейри – многие поверят, что она способна на такой шаг. – Шип вдохнул поглубже. – Нам нужна твоя помощь.

Кайя прикусила верхнюю губу, елозя по ней зубами в глубокой задумчивости.

– Я сейчас совсем сбита с толку – вы же понимаете, да?

– Если ты нам поможешь, мы будем сво-бо-о-о-одны! – пропела Люти. – Семь лет свободы!

– Так в чем разница между Летним Двором и Зимним Двором?

– Есть много, много Дворов, как Летних, так и Зимних, но почти всегда верно, что Зимние Дворы хуже и что Высшие любого Двора наслаждаются своей властью над простонародьем, а еще больше – над вольными фейри. Мы, не привязанные ни к какому Двору, находимся во власти тех, кто правит землями, с которыми мы связаны.

– Так почему бы вам просто не покинуть эти земли?

– Некоторые из нас не могут этого сделать, например древесный

народ. А что касается остальных – куда нам идти? Другой Двор может быть еще хуже, чем этот.

– Почему вольные фейри продают свою свободу за человеческую жертву?

– Некоторые делают это ради крови, другие ради покровительства. Человеческая жертва – это демонстрация могущества. Могущество может принудить нас повиноваться.

– Но почему тогда они просто не могут поработить вас силой?

– Не могут. Они точно так же должны подчиняться соглашению, как и мы. Для них есть свои ограничения. Если жертва не принесена, то мы свободны на семь лет. Никто не может приказывать нам.

– Послушайте, ребята, вы же знаете, что я вам помогу. Я помогу вам сделать все, что нужно.

Широкая улыбка на лице Шипа сразу же прогнала все сомнения Кайи, вызванные его грубостью. Должно быть, он просто беспокоился, что она откажется. Люти радостно порхала вокруг, подцепляя пряди волос Кайи и то ли спутывая, то ли переплетая их, – Кайя не могла сказать точно.

Кайя сделала глубокий вдох и, не обращая внимания на проделки Люти, повернулась к Чертополохе.

– Как это вышло? Если я такая же, как вы, почему я жила у моих... у Эллен?

Чертополоха смотрела в ручей, провожая взглядом покачивающиеся на воде яичные скорлупки.

– Ты знаешь, что такое подменыш? В древние времена мы обычно оставляли в колыбели деревяшку или умирающего фейри, которым чарами придавали облик похищенного младенца. Мы редко бросали так вот кого-нибудь из своих, но когда мы это делали, то постепенно истинную натуру ребенка-фейри становилось все труднее и труднее скрывать. В конце концов все они возвращались в Волшебный Мир.

– Но почему – не почему они возвращались, а почему я? Почему меня-то оставили?

Шип покачал головой.

– Мы не знаем на это ответа и точно так же не знаем, почему нам велено было присматривать за тобой.

У Кайи закружилась голова, когда она осознала, что где-то среди фейри живет другая, настоящая Кайя Фирш.

– Ты говоришь – на мне какая-то штука... ореол. Это значит, что я не выгляжу вот так, как сейчас?

– Это очень сильный ореол. Кто-то набросил его на тебя так, чтобы он держался постоянно, – глубокомысленно кивнул Шип.

– Так как же я выгляжу по-настоящему?

– Ну, если тебе это чем-то поможет, то ты – пикси. – Шип почесал в голове. – Обычно это означает зеленую кожу.

Кайя плотно зажмурилась, тряся головой.

– Как я могу себя увидеть?

– Не советую, – сказал Шип. – Если ты снимешь эту штуку, то никто из тех, кого мы знаем, не сможет набросить ее снова так же хорошо. Просто пусть она на тебе будет до Самэйна – именно тогда платится Десятина. Если будешь мудрить со своей внешностью, кто-нибудь сможет понять, кто ты на самом деле.

– Скоро это все равно закончится и тебе не надо будет притворяться смертной, если ты не хочешь, – прочиркала Люти.

– Если ореол на мне такой сильный, то откуда ты знаешь, кто я такая в действительности?

Ведьма улыбнулась.

– Ореол – это что-то вроде иллюзии, но иногда, если его правильно соткать, он может быть больше, нежели простая маска. В иллюзорных карманах действительно хранят всякие мелочи, иллюзорный зонтик защитит от дождя, а волшебное золото останется золотом, по крайней мере пока тепло рук волшебника не ушло из монеты. Чары, наложенные на тебя, Кайя, одни из самых сильных, которые я когда-либо видела. Они защищают тебя даже от прикосновений железа, которое обжигает плоть фейри. Я знаю, что ты пикси, потому что я видела тебя, когда ты была очень маленькой и мы жили в Летних землях. Сама королева попросила нас присмотреть за тобой.

– Но почему?

– Кто может сказать, каковы прихоти королевы?

– Но что, если я захочу снять ореол? – настаивала Кайя.

Чертополоха шагнула поближе к ней.

– Способов снять чары фейри много. Клевер с четырьмя листками, ягоды рябины, посмотреть на себя через камень с отверстием естественного происхождения. Это уж тебе решать.

Кайя сделала глубокий вдох. Ей нужно было подумать.

– Я отправляюсь обратно в постель.

– И еще одно, – сказала ведьма, когда Кайя поднялась на ноги и стала отряхивать одежду. – Прислушайся к предупреждению сломавшейся скорлупы. Куда бы ты ни пошла, за тобой последуют хаос и разлад.

– И что это значит?

Чертополоха улыбнулась.

– Время покажет. Оно всегда показывает.

Кайя стояла на лужайке перед бабушкиным домом. Темноту рассеивал лишь серебристый свет луны. Сегодня луна не напоминала чье-то лицо – просто холодный камень, сияющий отраженным светом. А вот нагие деревья казались живыми, их узловатые ветви торчали, словно острые стрелы, готовые вонзиться в сердце.

Кайя не могла войти в дом. Она села на росистую траву и начала вырывать пучки стеблей и подбрасывать их в воздух, ощущая смутную вину за свои действия. Какой-нибудь гном обрушит дерево ей на голову за то, что она мучает лужайку.

Пикси. Это слово звучало так... так забавно. Кайя невольно улыбалась, думая о том, что она может колдовать, что у нее, должно быть, есть крылья, как у Люти, или шустрые пальцы, как у бедняжки Хряща...

Однако все внутри сжималось, когда она думала о матери. О матери, которая вечно блевала в туалетах, переезжала из одних номеров в другие, таскалась из бара в бар в погоне за своей неясной мечтой. О матери, которая однажды разбила Кайин плеер, потому что

«устала слушать завывания этой бесталанной шлюхи». О матери, которая никогда не называла Кайю странной, заступалась за нее, учила отстаивать свои убеждения и никогда, никогда не говорила, будто Кайя лжет.

Что подумала бы Эллен, если бы узнала, что девушка, которая прожила рядом с ней шестнадцать лет, не ее дочь? Что ребенка Эллен похитили шустрые ловкие эльфы?

Думать об этом было противно.

А если она не была Кайей Фирш, чокнутой смертной девчонкой, то кем она была? Кайя знала, что ее друзья не хотят, чтобы она вмешивалась в придуманный ими план до самого Хэллоуина, но она желала сейчас посмотреть, как выглядит.

Кое-где на лужайке рос клевер.

Наклонившись над делянкой бурого, наполовину увядшего клевера, Кайя стала шарить среди растений. Клевера было много, невзирая на то, что уже наступила осень, но четырехлистного ей не попадалось.

Она долго возилась в темноте, но весь клевер, который ей попадался, был обычным, трехлистным. Кайя пришла в такое отчаяние, что даже разорвала посередине один из сердцевидных листочков, чтобы проверить, является ли вся эта магическая фигня буквальной или все же символической. Похоже, ей нужно даже не найти такой клевер, а просто коснуться его...

А, какая же это глупость! Это ни за что не подействует. А если даже подействует, все равно это глупо.

Кайя бросилась на землю, надеясь, что в этот час никто не проедет мимо и не увидит ее. Она стала кататься по участку, поросшему клевером. Земля была холодной, роса уже превратилась в иней. Девушка каталась взад-вперед, вытянув руки над головой. Ей хотелось смеяться – все это было так абсурдно. Она вся промокла и очень замерзла, но что-то в запахе земли и прикосновении травы опьяняло ее и придавало сил. Кайя засмеялась, и изо рта у нее вырвалось теплое облачко пара.

Она не ощущала себя изменившейся, однако сейчас чувствовала себя лучше, чем несколько минут назад. Она смеялась как дурочка, и глупое нетерпение куда-то ушло.

Лежа на спине, Кайя попыталась вообразить себя фейри – вся в искрах, волосы развеваются на ветру. Однако единственный образ, который появился в ее сознании, – это бледно-зеленое лицо, которое померещилось ей в зеркале, когда она выходила из туалета в забегаловке. Она помнила его в таких подробностях, какие вряд ли могла бы рассмотреть краем глаза. Наверное, это просто был кадр из какого-то кино.

Кайя перевернулась, намереваясь подняться и идти в дом, и тут заметила, что участок кожи на тыльной стороне ее ладони отстает от тела. Когда девушка осторожно коснулась его пальцем, он лопнул, словно пузырь, и под ним оказалась плотная зеленая кожа. Кайя лизнула палец и попробовала стереть пигмент. Он не сошел, зеленый участок лишь сделался больше. На губах остался привкус пыли.

Кайя замерла. Она была испугана до тошноты, но одновременно и спокойна, как никогда. «Держись, – сказала она себе, – ты сама хотела это увидеть».

Глаза у нее чесались, и она потерла их костяшками пальцев. Что-то сползло с выступающих суставов. На ощупь это напоминало контактные линзы, но когда Кайя посмотрела на свои руки, то поняла, что это кожа. Чем сильнее она терла пальцы, тем больше кожи с них снималось.

Подняв взгляд, она отметила, что мир словно стал ярче, он весь переливался светом. На траве плясали разноцветные блики. Бурый цвет листвы играл множеством оттенков, тени были глубокими, как вековые тайны, и столь же прекрасными.

Кайя распростерла руки в стороны. Она вдыхала острый запах зелени, раздавленной ее башмаками, чувствовала резкий холод воздуха, полного автомобильных выхлопов, горечи увядающей листвы, дыма от далеких костров. Кайя ощущала запах гниющего дерева и отбросов, запасенных муравьями на зиму. Она слышала копошение термитов, жужжание электричества в проводах, шорох ветра в сухих, словно бумага, листьях.

Она чувствовала в воздухе привкус химических веществ – железа, дыма, бензина и других, названия которых не знала. Кайя будто ощупывала кончиком языка гармонию этих привкусов.

Это было чрезмерно и ошеломляюще. На нее обрушилось слишком много ощущений сразу, чтобы она могла справиться с ними.

Она не смела в таком виде войти в дом, но именно это ей и хотелось сделать. Кайя стремилась зарыться под одеяло и ждать всепрощающего рассвета. Она была не готова к тому, что ее каприз и собственное любопытство приведут к такому результату.

Как же она выглядит по-настоящему?

Ей следовало немедленно вернуться назад, к ручью, сознаться во всем и попросить ведьму объяснить, что случилось. Кайя заставила себя несколько раз вдохнуть и выдохнуть воздух, не задумываясь о том, чем он пахнет. С ней было все в порядке, лучше, чем в порядке, с ней все просто сверхъестественно в порядке. Все, что ей нужно, – это идти к топи и по дороге больше не трогать свою кожу.

Но, едва сделав первый шаг, Кайя поняла, что не может идти. Она бежала. Бежала по задворкам домов, слыша, как лают псы, чувствуя, как промокают ноги в нескошенной траве. Бежать, через парковку, почти пустую, где парень, толкавший тележку, остановился, чтобы посмотреть на нее, и дальше, к сладковатой мусорной вони, где Кайя остановилась, задыхаясь и держась за бок. Вот она, реденькая полоска деревьев и пробирающийся между ними ручеек.

– Шип! Люти! – позвала Кайя, испугавшись, как хрипло и тихо звучит ее голос. – Пожалуйста...

Но лишь тишина была ей ответом.

Пошатываясь, Кайя слезла вниз по склону, ее ботинки вязли в грязи. Яичные скорлупки исчезли, остался лишь запах стоячей воды. Разбитые бутылки сверкали, словно зубастые челюсти: своим новым зрением Кайя отчетливо видела их. Она замерла, потрясенная этой красотой.

– Пожалуйста, Люти... Хоть кто-нибудь...

Ответа не было.

Кайя села в холодную грязь. Она может подождать. Она должна подождать.

Кайя потянулась и повернулась на бок. Листья, упавшие на нее сверху, зашуршали, подхваченные утренним ветерком. Капли холодной воды стучали по щеке и руке. Кайя села. Глаза у нее

болели, губы потрескались и распухли.

Повернув одну руку к свету, Кайя увидела зеленое сияние, играющее на коже. Пальцы казались слишком длинными, они гнулись непривычно плавно – на них обнаружился четвертый сустав, и, когда Кайя сжала их в кулак, они свернулись кольцом, похожим на раковину улитки. Кайя подняла вторую руку, ту, с которой ночью начала слезать кожа. Тело под нею было тускло-изумрудного цвета.

Никто не пришел. Еще одна капля ударилась о голую ногу Кайи, и девушка подскочила. Ее ночнушка была вся в грязи, и даже в свитере Кайя изрядно замерзла.

Проглотив слезы, девушка обхватила себя руками и начала ходить взад и вперед. Она не могла пойти домой сейчас, когда она совсем не та девушка, что жила там, но ей нужно спрятаться от дождя. По крайней мере, на этот раз Дженет не скажет, что она врёт.

Остановившись на парковке, Кайя развернула зеркальце машины, чтобы рассмотреть себя в профиль. Волосы сбились в сплошной колтун, мокрый от росы, в них запутались сучки и листья; кожа приобрела густой зеленый оттенок болотного мха. Не грязь покрывала кожу, а изменился ее цвет, как будто на нее набросили зеленую вуаль. Уши Кайи стали длиннее, их кончики торчали сквозь волосы. Щеки ввалились, подчеркивая острые скулы, а глаза стали раскосыми и черными – целиком блестяще-черные, с крошечной точкой белого зрачка. Как птичий глаз или бусина.

Подняв руку, Кайя коснулась своего лица. Кожа облезала легко, открывая полосы травянисто-зеленого цвета.

Неожиданно для себя Кайя с такой силой ударила по зеркалу, что оно пошло трещинами. Не обращая внимания на боль в запястье и содранных костяшках, девушка снова бросилась бежать.

Корни прищурился, всматриваясь. Девушка с зеленым макияжем на лице перебежала через улицу под навес заправочной станции. Она подняла глаза, и Корни показалось, что он узнал ее, но когда она подошла поближе, он засомневался.

– Я хотела зайти к Дженет, – произнесла она голосом Кайи, – но только что вспомнила, что она уже в школе.

Однако вблизи девушка совсем не была похожа ни на Кайю, ни

на кого-то другого. Ее черные раскосые глаза напоминали капли нефти. Она была чересчур тощей. По обе стороны головы через спутанную массу волос выглядывали острые уши. Кожа словно осыпалась хлопьями, а под ней проглядывало что-то зеленое.

– Кайя? – спросил Корни.

Девушка улыбнулась ему, но улыбка выглядела весьма свирепой. На нижней губе незнакомки лопнула кожа.

Корни застыл, глядя на нее.

Девушка проскользнула мимо него в контору, вытянув гибкие, словно веточки, пальцы. Корни подавил всхлип, стараясь смотреть на кассу, на пыльные бумаги, на освежитель воздуха в полиэтиленовом мешочке – словом, на все привычные вещи. Он чувствовал запах незнакомки, странное сочетание сосновой хвои, мха и опавших листьев. От этого запаха кружилась голова.

Девушка села на груды бумаги и упаковок из-под готовой еды, валяющихся на полу.

– Что с тобой случилось?

Кайя вытянула руку и слегка пошевелила ею на свету.

– Мне плохо, – ответила она. – Мне действительно плохо.

Корни наклонился, чтобы разглядеть ее получше. Кожа ее излучала слабое сияние, неяркое, но усиливающее лихорадочный блеск ее глаз. В самой форме тела было нечто странное – наклон плеч, легкая выпуклость на спине.

Корни взял деревянный брелок с ключом на кольце.

– Пойдем в туалет. Там свет ярче, и ты сможешь смыть с себя эту дрянь.

Кайя поднялась.

– Я могу довезти тебя до больницы, – предложил он.

Она не ответила, и Корни не стал настаивать. Он знал, что в больнице нечего делать, просто чувствовал, что должен это сказать.

Туалетная комната выглядела мрачно. За все время, пока Корни работал здесь, он не мог припомнить, чтобы кто-нибудь занимался здесь ремонтом или уборкой, максимум – вешали новый рулон

бумаги. Когда-то белые, кафельные плитки потрескались и посерели. Здесь едва хватало места на двоих, но Кайя послушно остановилась рядом с унитазом и расстегнула свитер.

– Снимай уж и все остальное. У тебя что-то на спине.

Кайя в раздумье посмотрела на Корни и решила, что или ему все равно, или же ей наплевать. Она сбросила ботинки, стянула свитер и ночную рубашку, оставшись в одних трусиках.

Сунув скомканную ночнушку под кран, Корни намочил ее, отжал и попробовал стереть шелушащуюся кожу на теле Кайи. Кожа на спине была тонкой, как папиросная бумага. Когда Корни провел мокрой тканью по выпуклости между лопаток, эта кожа лопнула.

Непонятная беловатая жидкость потекла из разрыва.

– О-о-х! – Корни отскочил назад.

Кайя оглянулась на него, и по лицу ее стало ясно, что она просто не выдержит больше странностей. Конечно, трудно было понять, правильно ли он прочел выражение ее необычных глаз.

– Все в порядке, – произнес Корни, стараясь говорить как можно увереннее.

Снаружи донесся шум автомобиля, подъехавшего к заправке, но Корни не обратил на это внимания.

– Что случилось?

Что-то двигалось под кожей на спине Кайи, скользкое и переливчатое.

– Держись, – сказал Корни и стер густую жидкость со спины.

То, что открылось, было странным – переливающимся, словно радужная пленка, с белыми прожилками. Неожиданно это «что-то» высвободилось, едва не ударив Корни по лицу, а потом словно влажный парус обвисло вдоль спины Кайи.

– О боже... – едва выдавил Корни. – У тебя крылья.

Мокрые полотнища слабо пошевелились.

От этого зрелища Корни ощутил небывалый восторг, возобладавший даже над страхом. Это не сон, это все по-настоящему!

– Идем к нам домой, – приказал он.

Глава 6

*Вниз с холма шел, и вот
Позабыл я жизнь людей
Ради запахов ночных
И мерцающих огней.*

Сара Тисдейл. «Августовская луна»

Кайя осторожно присела на край кушетки, чтобы ее крылья свешивались вниз. Она не хотела смять их, если пошевелится или откинется назад.

Она влезла в джинсы Корни, правда, пришлось подпоясать их ремнем и подвернуть штанины. Еще он дал ей черный джемпер с капюшоном, на спине которого ножницами вырезал приличных размеров дыру, чтобы в нее можно было пропустить крылья. Новая кожа Кайи оказалась такой чувствительной, что девушка подумала, будто ощущает частицы воздуха.

Корни налил себе стакан «Маунтин дью».

– Ты можешь пить газировку?

– Думаю, да, – кивнула Кайя. – Раньше же могла.

Он налил воду в кружку и протянул ей. Но Кайя не стала пить – газировка была того же цвета, что и ее кожа.

Она ощущала запах напитка, зеленого красителя и углекислого газа. Ей в нос бил запах Корни – его едкий пот и несвежее дыхание. Воздух, которым она дышала, пах сигаретным дымом, кошками, пластиком и железом; прежде Кайя этого не замечала, теперь же она едва не задыхалась.

– Кажется, я начинаю привыкать, – сказал Корни. – Я уже могу смотреть на тебя, а не биться башкой о стену.

– Я не знаю, как объяснить. Это началось очень давно. Я могу не помнить чего-то важного.

– Тогда начинай с конца.

Корни тоже сел на кушетку. Он смотрел на Кайю со странным смешанным выражением восхищения и отвращения.

– Я каталась по клеверу, – усмехнулась Кайя над абсурдностью этого высказывания.

– Зачем? – Корни даже не улыбнулся.

– Потому что ведьма Чертополоха сказала мне, что это один из способов увидеть себя такой, какая я есть на самом деле. Вот видишь, я тебе говорила, что это нелепо.

– Так значит, на самом деле ты вот такая, да?

Кайя осторожно кивнула:

– Думаю, да.

– А что это за ведьма лоха? Кто она?

– Чертополоха, – поправила Кайя. Она рассказала ему все. Рассказала о том, что знакома с фейри с тех пор, как помнит себя; как Шип сидел на спинке ее кровати, когда она была маленькой, и рассказывал истории о гоблинах и великанах, а Люти носилась по комнате, словно взбесившийся болотный огонек; как Хрящ научил ее делать свистульки из травинок; как Чертополоха гадала на яичных скорлупках.

И все это время Корни жадно слушал ее рассказ.

– Кто знал об этих твоих друзьях?

Кайя пожала плечами.

– Моя мама и бабушка. Наверное, они мне на самом деле не родственники совсем... Все, кто учился со мной в первом классе. Ты, Дженет.

Она неожиданно умолкла. Ее голос вдруг задрожал, и ей пришлось сделать глубокий вдох.

– Кто-нибудь из этих людей видел фейри? Хоть раз?

Кайя помотала головой. Корни устремил взгляд на стену, сосредоточенно нахмурившись.

– И ты не можешь их позвать?

Кайя снова сделала отрицательный жест.

– Они находили меня, когда хотели найти, – так было всегда. В данный момент это проблема. Я не могу оставаться в таком виде и не знаю, как снова сделать себе ореол.

– Ты это нигде не можешь узнать?

– Нет, – сердито отозвалась Кайя. – Я же уже сказала тебе. Единственным местом была топь, и я провела там всю ночь.

– Но ты же тоже фейри. Разве у тебя нет каких-нибудь способностей?

– Не знаю, – ответила Кайя, подумав о Кении.

Об этом сейчас она определенно не желала говорить. У нее и так хватает головной боли.

– Ты можешь накладывать какие-нибудь чары?

– Не знаю, не знаю, не знаю! Ну как ты не понимаешь, что я вообще ничего не знаю?

– Тогда пошли ко мне, заглянем в Интернет.

Они прошли в комнату Корни, и он включил компьютер. Экран мигнул голубым светом, затем загрузилась картинка фона. На ней был изображен волшебник, склонившийся над шахматной доской, на которой сражались две шахматные королевы – черная и ослепительно белая.

Кайя плюхнулась на живот на неубранную постель, чтобы крылья оказались сверху.

Корни постучал по клавишам, и модем заурчал.

– Ну, поехали. Ф-е-й-р-и. Так, посмотрим. Хм. Это про средство для мытья посуды, оно тебе не поможет.

Кайя фыркнула.

– Ага, зайдём вот сюда. Немецкие сказки о подменышах. Картинки. Поэзия Йейтса.

– Очевидно, я пикси, – вспомнила Кайя. – Давай щелкни на подменьшей.

– Интересно.

Корни просмотрел страницу, и Кайя попыталась прочитать тоже, хотя лежала довольно далеко от экрана.

– И что?

– Тут говорят, что для того, чтобы получить украденного ребенка назад, нужно бросить подменыша в огонь... или сунуть ему в глотку горячую кочергу.

– Замечательно. Дальше.

– Ага, посмотрим тут. Пикси. Могут различать добро и зло, ненавидят орков, ростом около одного или двух футов... – Он засмеялся. – Делают волшебную пыль.

– Орков? – поинтересовалась Кайя. Она сменила позу, неожиданно осознав, что очень сложно различить, какие мышцы приводят в движение крылья. Эти неожиданные конечности двигались независимо друг от друга и от желания самой Кайи, как два насекомых, прицепившихся к ее спине.

Корни смеялся и никак не мог остановиться.

– Волшебная пыль! А ангелы, значит, производят ангельскую пыль?^[5] Международные наркодельцы хватают серафимов и трясут их. Попы подметают церкви и ссыпают пыль в мешочки!

Кайя хмыкнула:

– Ты знаешь, что ты идиот?

– А то! – ответил Корни, все еще посмеиваясь.

– Ну ладно, попробуй набрать «Зимний Двор».

Сделав несколько щелчков мышкой, Корни сказал:

– Похоже, там ошиваются все плохие парни волшебной страны. А какое отношение это имеет к тебе?

– Там есть один рыцарь, который то ли хочет убить меня, то ли нет. Мои друзья сказали, чтобы я притворилась человеком, потому что есть такая штука, которая называется Десятина... это все так сложно!

Корни уселся удобнее.

– Почему ты мне не сказала?

– Я просто рассказала тебе ту часть, которая имела хоть какой-то

СМЫСЛ.

– Отлично, – кивнул Корни. – А теперь расскажи ту часть, которая не имеет смысла.

– Я не понимаю всего в точности, но, в общем, есть вольные фейри и придворные фейри. Ройбен – один из придворных фейри, и я встретила его в лесу, когда его подстрелили. Он от Зимнего Двора.

– Ага. Я тебя слушаю, давай дальше.

– Шип и Лютилу прислали мне записку в желуде, и там говорится, что он опасен. Он убил еще одного моего друга, Хряща.

– Записку в желуде?

– Шляпка снимается, а внутри он полый.

– Ну да, конечно.

– Ха-ха. Посмотри еще слово «Десятина», ладно? Насколько я знаю, это обряд жертвоприношения, который заставляет фейри, не относящихся ни к какому Двору, выполнять то, что прикажут придворные. Я должна притвориться человеком, чтобы они притворились, будто меня приносят в жертву.

Корни снова постучал по клавишам.

– Я нашел только всякую хрюстианскую чушь. Мол, отвалите мне десять процентов наличных, и я куплю собачью будку с кондиционером. Это жертвоприношение – насколько это опасно? Я имею в виду – ты хорошо знаешь этих своих приятелей?

– Я им полностью доверяю...

– Но? – продолжил Корни. Кайя горестно улыбнулась.

– Но они никогда мне не говорили. Они знали все это время, и ничего, ни одного намека.

В задумчивости Кайя рассматривала костяшки пальцев. Почему лишний сустав придает им такой жуткий вид? Но, однако, так и было: когда она сгибала пальцы, ей становилось не по себе.

Корни, хрустя суставами, размял пальцы, словно злодей из фильма.

– Расскажи мне всю историю еще раз – медленно и с самого начала.

Проснувшись, Кайя долго не могла понять, где находится. Подвинувшись в сторону, она уперлась во что-то плотное и теплое. Оно забормотало и отпихнуло ее. Корни. Кайя отодвинулась от него и протерла глаза. В комнате было темно, только из-за плотных коричневых занавесей просачивались полосы света. Она слышала голоса, раздававшиеся где-то в трейлере; фоном им служил записанный на пленку телевизионный смех.

Она повернулась на другой бок, пытаясь уснуть снова. Прикроватный столик оказался вровень с ее глазами. На нем лежала книга, стояли флакончик с ибупрофеном, будильник со светящимся циферблатом и шахматный конь из черного пластика.

– Корни, – позвала она, тряся свернувшегося в комок парня за плечо. – Просыпайся. Я знаю, что делать. Я знаю, что мы можем сделать.

Корни высунул голову из-под одеяла. Его глаза, прищуренные спросонья, казались блестящими полосками среди складок покрывала и подушки.

– Хорошо бы эта мысль оказалась удачной, – промычал он.

– Келпи. Я знаю, как призвать келпи.

Корни отпихнул одеяло и сел, разом проснувшись.

– Верно. Это правильно.

Он соскользнул с кровати, почесываясь через шорты некогда белого цвета, а потом уселся перед компьютером. Когда Корни пошевелил мышку, скринсейвер отключился.

Кайя слышала, как в другой комнате Дженет сообщала матери, что никогда не получит водительские права, если Корни не позволит ей брать свою машину.

– Сколько времени? – спросила Кайя.

Корни глянул на часы в углу экрана.

– Шестой час.

– Можно позвонить от вас?

Он кивнул.

– Звони сейчас. Ты не сможешь позвонить, когда я подключусь к Инету. У нас только одна линия.

Телефонный аппарат в комнате Корни был копией телефона для аварийного вызова – ярко-красный и размещенный на полу под пластиковым куполом. На нем даже была маленькая лампочка, которая, как решила Кайя, мигала, когда телефон звонил. Кайя уселась на пол, скрестив ноги, подняла купол и набрала свой домашний номер.

Трубку сняла бабушка.

– Алло?

– Бабушка?

Кайя запустила свободную руку в ворс синтетического коврика, на котором сидела. Ее взгляд упал на длинные зеленые пальцы ног – в заусеницах, неухоженные, с облупившимся красным лаком.

– Ты где?

– Я у Дженет, – ответила Кайя, шевеля пальцами. – Я просто хотела сказать, где нахожусь.

Сейчас ей было трудно разговаривать с бабушкой. Единственная причина, по которой бабушка приняла Кайю и Эллен, заключалась в том, что они были ее семьей.

– Где ты была сегодня утром?

– Я рано встала. Мне нужно было встретиться перед школой с друзьями.

В некотором роде это была чистая правда.

– Ну и когда ты вернешься домой? Ах да, тут для тебя два сообщения. Джо из «Амоко» звонил насчет работы – я надеюсь, ты не собираешься работать на заправочной станции? И какой-то парень по имени Кении звонил два раза.

– Два раза? – Кайя не смогла сдержать улыбку, приподнявшую уголки губ, хотя девушка твердо была намерена сохранять мрачное выражение лица.

– Да. Ты придешь домой на ужин?

– Нет, я поем здесь. Пока, баб, я тебя люблю.

– Мне кажется, твоя мать была бы рада, если бы ты пришла к ужину. Она хочет поговорить с тобой насчет Нью-Йорка.

– Я подумаю. Пока.

Кайя повесила трубку, прежде чем бабушка успела выдать еще одно предложение.

– Теперь можешь подключаться, – сказала она.

Несколько минут спустя Корни что-то пробормотал. Кайя подняла взгляд.

– В твоем плане имеется один маленький просчет.

– Разве все они... нет, скажи, в чем дело?

– Келпи в основном любят топить людей, а потом поедать большую часть их тел – все, кроме внутренностей. Не следует садиться к ним на спину и так далее, они злобные, как дьяволы, и все такое, и вдобавок умеют принимать разные обличья. Ах да, и еще ты можешь приручить келпи, если ухитришься надеть на него уздечку. Крупный шанс, я бы сказал.

– Ого!

– Тебе никогда не приходило в голову – а что, если некоторые из этих сайтов созданы фейри? Интересно, если бы я порылся подольше, может быть, нашел бы их страничку новостей, или чат, или что-нибудь в этом роде.

– Так, значит, если не садиться ему на спину, то это не опасно?

– А? Ну... я не знаю.

– Ну, есть источники, в которых говорится, что они топят людей, если те не садятся на них верхом?

– Нет, но не все они такие исчерпывающие.

– Я все-таки собираюсь попробовать. Я пойду поговорить с ним.

Корни поднял взгляд от клавиатуры.

– Без меня ты не пойдешь.

– Ну ладно, – согласилась Кайя. – Я просто думала, что это может быть опасно.

– Это настоящее, – произнес Корни, понизив голос, – и я не хочу

упускать ни одного кусочка. Даже не думай о том, чтобы сбежать.

Кайя вскинула обе руки в знак того, что сдается.

– Я хочу, чтобы ты пошел со мной. Правда.

– Только я не хочу проснуться поутру в каком-нибудь безлюдном месте, со стертой памятью, и чтобы потом мне никто не верил. Понимаешь? – Лицо Корни горело.

– Только тише, а то твоя мама или Дженет тебя услышат и войдут сюда. Я тебя не брошу.

Кайя видела, что он несколько успокоился, и решила: больше не стоит пытаться угадывать, что случится дальше. В конце концов, если уж ты попал на скользкое место, где все вверх тормашками, то неразумно ожидать, что здесь что-то происходит как полагается.

От металла, присутствовавшего повсюду в машине, Кайе стало плохо – она ощущала себя вялой, сонной, ее подташнивало. Должно быть, так воздействует на человека угарный газ, прежде чем убить его. Кайя прижалась щекой к прохладному оконному стеклу. В горле у нее было сухо, в голове стучало. Воздух в машине обжигал ее легкие каждый раз, когда она делала вдох. Ехать предстояло недалеко, и Кайя радовалась этому; едва Корни распахнул перед ней дверцу, она буквально вывалилась наружу.

В свете дня отчетливо виднелись ряды домов по ту сторону леса, и Кайя удивилась, как этот лесок мог показаться ей огромным той ночью, когда она продиралась сквозь него. Ручей, на который они в конце концов набрели, был забит мусором. Корни наклонился и поднял грязную коричневую бутылку, которая, судя по ее виду, явно не предназначалась для пива. В ней, скорее всего, содержался какой-нибудь тоник для роста волос, изготовленный из змеиного яда, или что-нибудь в том же роде.

– Вазелиновое масло, – пояснил Корни. – Тут валяется действительно старое барахло. Держу пари, кое-что из этого можно продать. – Он пнул ботинком еще одну бутылку. – Ну, и как нам вызвать эту тварь?

Кайя подняла с земли бурый лист.

– У тебя есть что-нибудь острое?

Корни залез в задний карман и достал оттуда складной нож, открыв лезвие быстрым движением большого пальца.

– Просто помни, что сказано на том сайте: не садись ему на спину ни за что и никогда.

– Я видела эту страницу. Не нужно мне все время напоминать. Келпи – это злые водные кони, которые топят людей для забавы. Я это поняла.

– Я просто хотел убедиться.

Он подал ей нож. Кайя ткнула острием в подушечку большого пальца. Показалась яркая капля крови, и Кайя размазала ее по листу.

– Теперь что? – спросил Корни, но, несмотря на все старания казаться циничным, он едва дышал, выговаривая эти слова.

Кайя уронила лист в ручей окровавленной стороной вниз, как и в прошлый раз.

– Я Кайя, – сказала она, пытаясь вспомнить слова. – Я не состою ни при каком Дворе, но я прошу твоей помощи. Пожалуйста, услышь меня.

Наступил долгий миг тишины, и Корни перевел дыхание. Кайя видела, что он уже начинает верить, что ничего не произойдет.

Она разрывалась между желанием доказать, будто она знает, что делает, и страхом перед тем, что может случиться.

Мгновение спустя все сомнения исчезли – из воды поднялся черный конь.

То ли потому, что стоял день, то ли из-за того, что зрение Кайи изменилось, но водяное создание теперь выглядело по-другому. Шкура его была не черной, а такого глубокого изумрудного цвета, что казалась черной. Глаза мерцали перламутром, подобно жемчужинам. И все же, когда оно обратило взор на Кайю, девушка заставила себя вспомнить, что нашел Корни на сайте. Мороз пробежал у нее по коже.

Келпи ступил на берег и встряхнул длинной гривой, обдав Кайю и Корни сверкающими каплями затхлой воды. Кайя закрылась рукой, но это мало помогло.

– Чего вы хотите? – спросил конь, и голос его звучал негромко,

но низко.

Кайя сделала глубокий вдох.

– Мне нужно знать, как сделать себе ореол и как контролировать мою магию. Ты можешь научить меня?

– Что ты дашь мне, дева-дитя?

– Чего ты хочешь?

– Быть может, вот этот захочет проехаться на моей спине. Я научу тебя, если ты позволишь ему прокатиться со мной.

– Чтобы ты убил его? Ни за что.

– Я интересуюсь смертью, которую никогда не изведу. Это так похоже на экстаз – то, как они открывают рот, когда тонут, то, как их пальцы впиваются в мою кожу. Их глаза широко открыты и полны ужаса, и они бьются, словно в порыве страсти.

Кайя в ужасе замотала головой.

– Ты вряд ли вправе винить меня. Такова моя природа с давних пор.

– Я не собираюсь помогать тебе убивать людей.

– Возможно, есть что-то еще, соблазнительное для меня, но я не знаю, что это. Я даю тебе возможность придумать что-нибудь.

Кайя вздохнула.

– Ты знаешь, где меня найти.

С этими словами келпи снова погрузился в воду.

Корни по-прежнему сидел на берегу в оцепенении.

– Эта тварь хотела меня убить.

Кайя кивнула.

– Ты хочешь попытаться найти что-нибудь, что придется ему по вкусу?

Она кивнула снова.

– Да.

– Я не знаю, как к этому отнестись.

– Ты же читал сайт. Ты знал, что так оно и будет.

– Я предполагал. Но видеть... и слышать – совсем другое дело.

– Если хочешь, давай уйдем.

– Нет, черт побери!

– Есть идеи насчет того, что могло бы привлечь этого зверя? Из того, что не ходит на двух ногах?

– Ну-у, – протянул Корни, поразмыслив несколько секунд, – на самом деле есть целая куча народу, которых я не против скормить этой твари.

Кайя засмеялась.

– Нет, правда, – настаивал он.

– Что ты имеешь в виду?

– То, что я знаю полно людей, которых не против утопить. На самом деле. Думаю, с этого можно начать.

Кайя подняла на него взгляд. Похоже, Корни не был особо обескуражен тем, что только что предложил.

– Ни за что, – отрезала Кайя.

Корни пожал плечами.

– Например, дружок Дженет. Этот смазливый потаскун.

– Кении? – охнула Кайя.

– Ну ладно, не обязательно он. Могу припомнить целый десяток других. Интереснее всего, что все они настолько тупы, что я уверен: их без проблем можно уговорить прийти сюда и прокатиться на лошади. Полагаю, такая глупость должна иметь последствия. Послушай, мы можем устроить небольшую прополку человеческой расы.

– Нет, – ответила Кайя. – Придумай что-нибудь еще, что мы можем дать келпи, кроме людей.

– Овес? – неуверенно предположил Корни. – Большую коробку овсяных хлопьев? Подписку на журнал «Коневодство»? Большой стог сена?

– Мы не собираемся убивать людей, просто примиришься с этим,

ладно?

Кайе уже стало тошно слушать вздохи Корни.

Она могла держать пари, что имя Ройбена было бы хорошей платой. В конце концов, водяное существо, вероятно, не принадлежало ни к какому Двору, будучи привязано к этому ручью. Да, келпи мог бы посчитать имя Ройбена приемлемой ценой. И этому не помешал бы факт, что оно было известно и Кайе.

Это была бы прекрасная месть за убийство Хряща.

Но потом она представила, что келпи будет приказывать Ройбену приводить людей, которых водяной конь сможет утопить. И рыцарь-фейри должен будет исполнять это.

Что еще можно предложить келпи?

Кайя подумала о куклах, пылящихся в ее комнате, но тут ей представилась картина: маленькая девочка бежит к ручью, увидев в воде куклу... То же самое с любым музыкальным инструментом. Нужно придумать что-то, чем келпи сможет наслаждаться в одиночку. Одежда? Еда?

И тут ей пришло в голову: это может быть спутник, товарищ. Товарищ, который никогда не утонет. Кто-то, к кому можно обращаться, кем можно любоваться. Карусельный конь.

– Ой, Корни! – воскликнула Кайя. – Кажется, я знаю, что это может быть.

Меньше всего на свете Кайе хотелось залезать обратно в машину, но выбора не было, и она скользнула на заднее сиденье, прижав ко рту рубашку, словно ткань могла задержать плавающий в воздухе запах железа.

– Ты знаешь, куда ехать? – спросила она у Корни, сомневаясь, что он разобрал слова, невнятно произнесенные сквозь тряпку.

– Угу.

Кайя уронила голову на пластиковое сиденье; одно крыло задралось вверх, отбрасывая зыбкие радужные блики на ноги Кайи всякий раз, когда в окно проникал луч света. Весь мир сузился до этих танцующих радуг. Не было ни Корни на переднем сиденье, ни

хриплой песни по радио, ни проезжающих мимо машин, ни домов, ни торговых центров, никаких реальных предметов, способных защитить Кайю от мерцающих узоров на травянисто-зеленой коже.

То, что она сейчас ощущала, невозможно было выразить словами. Не было слов и для того, чтобы объяснить, кем она являлась. Кайе казалось, что она вот-вот потеряет сознание.

– Ты не можешь открыть свое окно? – спросила она. – Дышать нечем.

– А что не так с твоим окном?

Кайя скорчилась на краешке сиденья и вытянула вперед руки ладонями вверх, словно умоляя.

– Всякий раз, как я касаюсь ручки, она жжется. Посмотри.

Она протянула ему руку, и он увидел, что часть ладони покраснела. Пальцы Кайи шевелились.

– Это от дверной ручки.

– Черт! – Корни вздохнул, но ничего больше не сказал, а просто опустил стекло в своем окне.

Соленый ветер, порывами задувавший в окно, прочищал легкие Кайи с каждым вдохом, однако этого было недостаточно для успешной борьбы с подступающей тошнотой.

– Мне нужно выйти из машины.

– Мы почти приехали. – Корни затормозил перед светофором.

Он припарковал машину рядом со зданием, которое при дневном свете выглядело еще более ободраным.

– С тобой все в порядке? – спросил Корни и повернул голову, чтобы посмотреть назад.

Кайя помотала головой. Ей казалось, что ее сейчас вырвет прямо здесь, на груду банок из-под газировки и смятых упаковок. Сунув руку в карман джемпера, она открыла дверцу.

– Кайя! Ты что делаешь?

Девушка наполовину выпала, наполовину выползла на асфальт парковки и добралась до края газона, прежде чем ее стошнило. Желудок был почти пуст, и Кайя, задыхаясь, сплевывала едкую желчь

и слюну.

– Господи! – Корни склонился над ней.

– Все в порядке, – пробормотала Кайя, неуверенно поднимаясь на ноги. – Это все металл.

Он кивнул, оглянулся на машину, а потом скептически окинул взглядом окрестности.

– Может быть, стоит плюнуть на все это?

– Нет. – Кайя сделала глубокий вдох. – Идем.

Она обошла здание сзади, идя по той дорожке, по которой они пришли сюда с Дженет.

– Дай мне твою куртку. Тут стекло.

При дневном свете все выглядело иначе.

Наверху все было в куда большем беспорядке, нежели казалось ночью, но конь, даже покрытый пылью, выглядел прекрасно. Краска на его боках кое-где слегка побурела, а золотистая окантовка по большей части стерлась. Лошадь слегка ухмылялась, и Кайя улыбнулась в ответ.

Вместе с Корни они потащили коня к лестнице. Наклонив фигуру вперед, они осторожно сволокли ее на первый этаж по узкой лестнице. Корни поддерживал карусельного коня снизу.

Внизу Кайя вылезла в окно, а Корни пропихнул вслед за ней коня.

Оказавшись снаружи, Корни занервничал – деревянный конь не помещался в машину. Хуже того, багажник был забит коробками с прочитанными книгами и всякими инструментами.

– Нас кто-нибудь увидит!

– Нужно исхитриться и привязать его на крышу.

– Мать-перемать! – Корни порылся в багажнике и извлек бельевую веревку, два пластиковых пакета и моток шнура.

– Эта леска слишком тонкая, – скептически сказала Кайя.

Корни обвязал шнуром шею и туловище коня, а затем бросил моток в открытую дверцу машины.

– Хватай с той стороны. Живее, а то нас заметят.

Кайя подхватила шнур, еще раз обмотала им коня и швырнула остатки мотка обратно Корни. Тот связал концы шнура узлом.

– Ну ладно, неплохо. Поехали.

Корни запрыгнул на водительское сиденье, а Кайя обошла машину и залезла назад, обернув руку курткой Корни, чтобы закрыть дверцу. Корни рванул с места, вдавив педаль газа так, что покрышки завизжали.

Кайя боялась, что за ними обязательно увяжутся полицейские или что конь рухнет с крыши – и хорошо еще, если просто на дорогу, а не на другую машину. Однако все обошлось.

Остановившись у обочины шоссе, они оттащили карусельного коня через лес к ручейку.

– Та водяная тварь все же лучше, чем эта штука. Я еще неделю буду выковыривать из себя занозы.

– Ну да.

– И мне придется выправлять крышу машины по самому центру.

– Я знаю. Я тебе помогу, если смогу до нее дотронуться, ладно?

– Я просто ворчу. На самом деле все не так плохо.

– Ну ладно.

Они установили безногую фигуру на илистом берегу, чтобы она стояла относительно прямо и без поддержки. Кайя подняла лист, а Корни без вопросов извлек из кармана нож.

– Не надо. Я просто расковыряю ранку.

Корни поморщился, но ничего не сказал.

– Келпи, – произнесла Кайя, бросив лист в воду. – У меня есть кое-что, что, как я думаю, тебе понравится.

Из глубин поднялся конь и уставился на искаленную карусельную лошадь. Затем, фыркнув, ступил на берег.

– У него нету ног, – заявил келпи.

– Но он все равно красивый, – возразила Кайя.

Келпи обошел деревянную фигуру вокруг, внимательно

принюхиваясь.

– Еще какой! Сломанные вещи всегда прекраснее целых. Именно изъяны выявляют красоту.

Кайя улыбнулась. Она это сделала. Она определенно добилась своего.

– Так ты научишь меня?

Существо посмотрело на Кайю и сместилось: там, где оно только что находилось, теперь стоял молодой человек, обнаженный, с мокрой кожей и волосами, в которые вплелись водоросли. Он переводил взгляд с Кайи на Корни.

– Ее я буду учить, но ты должен возместить мне затраты времени, если хочешь, чтобы я научил и тебя тоже. Подойди и сядь рядом со мной.

– Это слишком большая цена, – сказала Кайя.

Келпи улыбнулся, но глаза его по-прежнему были прикованы к Корни, их взгляд словно рисовал какой-то узор на груди парня. Дыхание Корни участилось.

– Нет, – произнес Корни так тихо, что Кайя едва расслышала его.

Тогда существо вновь сменило форму, его зловещая энергия свилась кольцами, и Кайя вдруг поняла, что смотрит на себя саму.

– Ты готова начать? – спросил келпи голосом Кайи.

И затем губы – точное подобие губ Кайи – изогнулись в коварной улыбке. Так Кайя никогда не улыбалась.

– Мне нужно многому научить тебя. А если мальчик будет слушать, то тем лучше. Магия – удел не только фейри.

– Ты же сказал, что он должен заплатить тебе!

– Его страх – достаточная плата, по крайней мере пока. Мне дано это небольшое утешение.

Келпи смотрел на девушку такими же, как у нее, черными глазами, и она слышала, как губы, такие знакомые, шепчут:

– Я уже так давно не пробовал на вкус, каково это – охотиться.

– Как так вышло? – невольно спросила Кайя.

– Мы – те, кто не принадлежит к властителям, должны им повиноваться. Смертные – угроза для Высших, но не для таких, как ты и я. Конечно, в том случае, если они этого не хотят.

Кайя задумчиво кивнула.

– Ты знаешь, какие ощущения приходят, когда ты собираешь магическую энергию? – спросил келпи. – Это как мурашки или покалывание. Сложи руку чашечкой и сосредоточься на том, чтобы собрать в нее силу. Что ты чувствуешь?

Кайя вытянула руку и вообразила, что воздух в сложенной ладони густеет и дрожит от энергии. Миг спустя она в изумлении подняла глаза.

– Это как будто ты отлежал руку во сне, а потом передвинул ее. Мурашки, как ты сказал. Словно крошечные уколы энергии проходят сквозь нее. Это немного больно.

– Двигай эту энергию взад-вперед между ладонями. Так ты ощутишь магию в ее первичном состоянии, когда она готова проявить себя, как ты хочешь.

Кайя кивнула, перекачивая энергию в ладонях, словно горсть крапивы, и позволяя ей время от времени просачиваться между пальцами. Она помнила это ощущение: что-то закручивалось у нее внутри или покалывало губы перед тем, как начинали происходить странные вещи.

– А теперь – как ты завершала пробуждение силы? Что ты делала?

Кайя слегка покачала головой.

– Я не знаю... Я просто рисовала в уме картинку и смотрела на свою руку.

– Ты это видела внутри себя. Это простейшее из чувств. Теперь ты должна научиться слышать, чувствовать запах и вкус. Только тогда твоя магия станет реальной. И будь осторожна: иногда можно видеть сквозь ореол, если смотреть краешком глаза, – подмигнул келпи.

Кайя кивнула.

– Когда творишь волшебство, то проходишь две стадии – сосредоточение и подчинение. Подчинение – это та часть, которую

многие не понимают. Чтобы творить магию, надо сосредоточиться на том, что ты хочешь сделать, а затем выпустить энергию и доверить ей выполнение твоего повеления. Закрой глаза. Теперь вообрази, что энергия окружает тебя. Представь, например, кольцо у себя на пальце. В подробностях. Представь золотой ободок, затем нарисуй мысленно камень, его цвет, огранку, то, как он отражает свет... правильно. Вот так.

Глаза Кайи распахнулись, когда она услышала, как ахнул Корни.

– Кайя! У тебя на пальце действительно кольцо! Настоящее кольцо, только взялось оно ниоткуда. Я его вижу.

Кайя посмотрела на свою руку, и кольцо действительно было на указательном пальце, точно такое, как она себе представила: серебряное, отлитое в виде крошечной фигурки девы, держащей во рту изумруд. Кайя повернула руку к свету, но, несмотря на то, что она знала – это кольцо создано ее магией, оно было совсем как настоящее, плотное и тяжелое.

– А как насчет того, чтобы делать такие вещи... обратно? – спросила Кайя.

Келпи вскинул голову и захохотал, его белые зубы сверкали в серых сумерках.

– Что ты сделала?

– Зачаровала кое-кого, чтобы он... влюбился в меня, – тихо ответила Кайя.

Корни смотрел на нее, изумленный и слегка встревоженный. Ему не нравилось, что Кайя опять что-то от него скрыла.

Келпи ухмыльнулся и прищелкнул языком.

– Ты должна снять с него чары точно так же, как снимала бы ореол. Почувствуй сеть, сплетенную твоей магией, протяни руку и сорви эту сеть. Поупражняйся с кольцом.

Кайя сосредоточилась, позволяя энергии завихриться вокруг и ощущая, как сквозь тело бежит магическая сила. Эта сила, казалось, прилиwała и отлиwała с каждым ударом сердца девушки.

Они уже ехали обратно, когда Кайя указала в сторону холма.

– Смотри, там огни. Интересно, кто бы это мог быть?

– Я ничего не вижу. – Корни пристально посмотрел на нее в зеркало заднего вида.

Кладбищенский холм представлял собой довольно обширную пологую возвышенность, но один склон ее, обращенный к шоссе, был достаточно крутым. Здесь не было могил и склепов, и зимой по этому склону радостно катались детишки, вешая мешающие им варежки и шарфики на памятники. У основания пологого склона возвышался наполовину построенный мавзолей, в два этажа, но без крыши; верх здания уже порос маленькими деревцами и диким виноградом. Выше по склонам теснились десятки памятников, склепов и надгробий.

– Не думаешь, что именно там может находиться Зимний Двор? – тихонько спросила Кайя.

– Давай посмотрим.

Корни свернул с шоссе к кладбищу.

Они припарковались у обочины дорожки, выложенной потрескавшимися плитами. Кайя смотрела через заднее стекло на мелькающие огоньки, ожидая, пока Корни обойдет машину и откроет ей дверь.

– Это точно фейри, – произнесла Кайя.

– Я ничего не вижу, – с паникой в голосе сказал Корни.

Кайя двинулась следом за огоньками и увидела, как они кружатся и вертятся, держась от нее на таком расстоянии, чтобы она не могла разглядеть их отчетливо. Она ускорила шаг, под ногами хрустела прихваченная ледком трава. Они были так близко, что она почти могла схватить один из них на лету...

– Кайя! – позвал Корни, и девушка обернулась. – Только попробуй бросить меня, чтобы я всю оставшуюся жизнь гадал, дурак я или просто свихнулся!

– Я тебя не бросаю! Я пытаюсь поймать один из этих огоньков.

Неожиданно вокруг закружились тысячи светлячков, то появляясь, то скрываясь из виду в кронах деревьев. Уже было хорошо за полночь, к тому же для светлячков совсем не сезон – осенний холод и недавний дождь оставили на увядшей траве корочку льда. Но насекомые кружились в воздухе, вспыхивая на миг, затем угасая и

вспыхивая вновь. Кайя присмотрелась к ним повнимательнее. Это были мелкие крылатые существа, мельче даже, чем те, кого она пыталась поймать. Одно из них подлетело ближе и оскалило зубки.

Кайя взвизгнула.

– Что? – вздрогнул Корни.

– Это не жуки... это крошечные мерзкие фейри.

Корни отпустил руку Кайи и попробовал схватить одного светлячка, но тот легко увернулся.

– Я никого не вижу. Эти твари... то, что ты заметила с дороги?

Кайя покачала головой.

– Нет. Те огни были крупнее.

Корни присел на корточки. Дыхание вырывалось у него изо рта белыми облачками.

– А сейчас ты их видишь?

Девушка снова сделала отрицательный жест.

– Люти говорила что-то вроде того, что вход в холм – это полоска бурой травы, но сейчас вся трава на холме бурая.

– Может быть, сейчас на этой полоске уже ничего не растет.

Кайя опустилась на колени рядом с Корни, приложила ухо к земле и слышала тихую музыку.

– Прислушайся. Там музыка.

Корни тоже встал на колени и припал ухом к земле.

– Музыка, – подтвердил он. – Как будто волынки.

– Это прекрасно, – с улыбкой произнесла Кайя, совершенно позабыв о том, что Зимний Двор – совсем не то место, куда стоит стремиться.

– Давай обойдем холм по кругу. И будем смотреть, нет ли какой-нибудь странной полоски на траве.

Корни выпрямился во весь рост и подождал, пока Кайя тоже поднимется.

На кладбище стояла неестественная тишина. Луна несколько

округлилась и тоже выглядела неестественной, будто бы раздулась и плавала в небе. Кайе вспомнилось солнце, истекающее кровью, в то время как луна растет и пухнет, наливаясь выпитым светом.

Новые полированные гранитные надгробия блестели как зеркало, и, проходя мимо, Кайя и Корни видели в них свое отражение. Более старые памятники были сделаны из светлого матового мрамора. В лунном свете они своей белизной напоминали волосы Ройбена – тогда, в закусочной.

– Эй, а как насчет этого? – Корни указал на полоску травы, которая тоже была бурой, но уже иного оттенка.

Опустившись на колени у края этой полосы, Корни потянул ее за уголок, как будто это клапан палатки. И угол поднялся. Корни сунул голову внутрь.

– Нет, – возразила Кайя. – Я должна войти туда одна.

– Я так хочу, – ответил Корни. – Ты же говорила, что не бросишь меня!

– Быть может, даже мне опасно заходить туда. Я вернусь как можно скорее. – Кайя протиснулась в проход. – Я обещаю.

Музыка теперь звучала громко, гудение волынки и смех разносились в ночной тишине. Кайя слышала, как Корни пробурчал:

– Все интересное достанется тебе.

Но она уже вошла под холм, следуя за музыкой фейри.

Глава 7

*Слушая плененного сверчка,
Я внимаю страшной потаенной
Музыке, звучащей под холмом.*

*Луиза Боган. «Человек, любивший
превыше мудрости»*

Кайя скользнула внутрь пологого холма.

Воздух был густым от сладкого аромата, и голова от него шла кругом.

Длинные низкие столы ломились от яств. Золотистые груши, каштаны, миски, где в густых сливках плавали нежные хлебцы, плоды граната, разломленные на четвертинки, лепестки фиалок на хрустальных блюдах и разнообразные странные лакомства. Широкогорлые серебряные кубки стояли на столах; примерно половина из них была перевернута. Чем-то они напоминали жаб. Облаченные в алые шелка дамы-фейри проплывали под руку с одетыми в лохмотья мужчинами, а придворные танцевали со старыми ведьмами.

Все присутствующие пели и танцевали, пили и валились под стол. Одевания поражали своим разнообразием и совершенно не походили на средневековые костюмы. Скорее они могли выйти из мастерской какого-нибудь сумасшедшего кутюрье, свихнувшегося на природе. Воротники вздымались подобно плавникам. Некоторые платья были сшиты полностью из листьев или лепестков. Подолы изящных нарядов довершались разорванными и разлохмаченными оборками. Все выглядело уродливым, странным или прекрасным, словно луна, и одновременно очень необычным.

– Зимний Двор, – произнесла Кайя.

Она ожидала чего-то другого: пещеры, усеянной обглоданными человеческими костями, или темницы, где держат узников-фейри. Чего-то простого. Глядя на праздничную толпу, девушка не знала,

что и подумать.

Сам зал был таким огромным, что Кайя не видела, что находится на другой стороне. Где-то у противоположной стены некто похожий на великана, сутулясь, стоял у непонятого возвышения. Казалось, невозможно сделать два шага подряд в одном и том же направлении – столь плотной была толпа. Скрипач играл на фантастическом инструменте с несколькими грифами и множеством струн, широко размахивая смычком и вытягивая руку на всю длину. Длинноногая веснушчатая женщина с ушами, напоминающими шакальи, грызла сосновые шишки. Трое мужчин с рыжими волосами и острыми зубами обмакивали шляпы в груды сырого мяса, пропитывая их кровью. Огромное существо с крыльями летучей мыши и конечностями, похожими на ходули, восседало на столе и лакало сливки из помятой медной чашки. Когда Кайя проходила мимо, существо зашипело на нее.

Над залом нависал куполообразный потолок, украшенный узорами сплетенных корней.

Кайя взяла со стола кубок. Он был резной и очень тяжелый, но выглядел чистым. Девушка налила красноватой жидкости из серебряного графина, стоящего посередине стола. На поверхности плавали мелкие семена, но напиток имел приятный запах, так что она решилась отпить. Вкус оказался сладким и горьким одновременно, и питье моментально ударило в голову, так что Кайе даже пришлось на миг опереться о стол.

Она выбрала из груды странных плодов с шипами серебристое яблоко, повертела его в руке и осторожно откусила. Внутри яблоко было багровым, а на вкус напоминало разведенный в воде мед. И это оказалось так вкусно, что Кайя съела все яблоко и сердцевину, а потом облизала пальцы, запачканные соком. Следующее было бурым и казалось с виду гнилым, но мякоть, крупитчатая, словно песок, имела вкус жгучего и сладкого ликера.

Кайя ощутила, как ее захлестывает волна легкомысленного веселья. Здесь, что бы она ни сделала, ничто не будет странным. Она может кружиться, танцевать и петь.

И вдруг она осознала, что очень далеко забрела в толпу. Она поворачивала столько раз, что уже не могла понять, куда нужно идти, чтобы выбраться наружу.

В отчаянии девушка попыталась вернуться тем же путем. Мимо нее прошли три женщины, их серебристые летящие платья казались сотканными из нежного тумана. Низкие вырезы – все три платья были одинакового покроя – открывали полые спины. Кайя взглянула еще раз: вогнутые спины красавиц были гладкими и пустыми, словно чаши. Девушка заставила себя идти дальше. Низкорослый человечек – гном? – с узорными серебряными браслетами на руках и черными кудрями до плеч покосился на нее и вгрызся в абрикос.

С каждым моментом окружающий мир становился все более нереальным.

К Кайе спикировал крылатый юноша и, усмехаясь, заявил:

– От тебя пахнет железом.

Он наставил палец, намереваясь ткнуть ее в бок. Кайя шарахнулась от его руки, вызвав взрыв хохота. Взгляд девушки упал на бледно-зеленые, словно у кузнечика, крылья, трепещущие у юноши за спиной.

Она проталкивалась сквозь толпу, огибая танцоров, выделяющихся па в сложных переплетающихся хороводах, уклонилась от когтистой руки, метнувшейся к ее лодыжке из-под тяжелой алой скатерти на одном из столов, пробралась мимо гостей, увлеченных игрой в живые шахматы...

Сатир с курчавой бородой и рогами цвета слоновой кости, сгорбившись, аккуратно отрывал крылышко у маленького фейри, зажатого в его мясистом кулаке. Существо кричало и быстро-быстро колотило другим крылышком по пальцам, стискивающим его. По пальцам козлонога текла бледно-зеленая кровь. Кайя остановилась, с потрясением и отвращением глядя, как сатир подкинул крошечное создание в воздух. Оно отчаянно замахало уцелевшим крылом и, описывая круги, штопором упало на земляной пол.

Прежде чем Кайя успела подойти и схватить его, на малютку опустилось тяжелое копыто, втоптав его в пыль.

Кайя отшатнулась прочь, расталкивая народ и желая как можно скорее выбраться отсюда. Пробираясь сквозь толпу, она думала, как глупо с ее стороны было приходить сюда. Это Зимний Двор. Здесь напиваются до упаду худшие из обитателей волшебной страны.

Трое мужчин в блестящих зеленых фраках, с длинными и

тонкими, словно спички, конечностями, встав в кружок, толкали и пихали мальчика с оленьими глазами и ногами кузнечика. Он осторожно сгибался, словно собираясь прыгнуть, но всякий раз толчок или рывок заставлял его врасплох.

– Оставьте его в покое, – сказала Кайя, подойдя к ним.

Мальчик слишком сильно напомнил ей Хряща, и она просто не могла смотреть на это. Мужчины повернулись к ней. Мальчик попытался ускользнуть от них, но один из троицы, согнув руку, обхватил шею жертвы.

– Что такое? – спросил тощий тип.

– Я вам что-нибудь за него предложу, – произнесла Кайя, пытаясь придумать какой-нибудь план.

Один из троицы фыркнул, а другой вытащил маленький нож с рукоятью из слоновой кости и металлическим лезвием, пахнущим железом. Третий запустил руку в волосы мальчика, запрокидывая ему голову назад.

– Нет! – вскрикнула Кайя, когда железный клинок погрузился в левый глаз мальчишки.

Глазное яблоко лопнуло, точно виноградина, прозрачная жидкость и кровь заструились по лицу кричащей жертвы. Там, где железо соприкасалось с плотью, она шипела и вздувалась.

– Когда кто-то смотрит – это лучше, – заметил один из троих.

Кайя отшатнулась, протянула руку к ближайшему столу, но нашла лишь кубок. Она схватила его, словно маленькую дубинку, не зная сама, что собирается с ним делать.

Тощий провел клинком по щеке мальчика, потом вниз по шее, а тот дрожал и кричал, его уцелевший глаз дико вращался в орбите. Железо оставило после себя тонкую красную полосу, кожа вздулась белыми пузырями.

– Хочешь спасти его, милашка? – спросил другой мучитель.

Руки у Кайи дрожали, а чаша в них была всего лишь тяжелой неудобной штукой; ее определенно нельзя было использовать как оружие.

– Мы не собираемся убивать его, – сказал тип, державший

мальчика за волосы.

– Просто хотим сделать его немного помягче, – добавил тот, что с ножом.

Гнев вскипел в груди Кайи. Чаша вылетела из ее руки и ударила в плечо урода с ножом, обрызгав его фрак каплями вина, а потом упала на грязный пол, покатилась по кругу и замерла.

Один из троицы рассмеялся, другой потянулся к Кайе. Она нырнула в толпу, отпихнув изящную даму, и постаралась убраться подальше.

И вдруг она остановилась, увидев у стола рядом с тремя жабоподобными тварями, играющими в кости, Корни.

Он сидел, прислонившись к перевернутому столу, с кубком в руке и, закрыв глаза, раскачивался взад-вперед. Штаны его уже промокли от вина, но он, казалось, ничего не замечал.

Пирующие сбились вокруг Кайи плотной кучкой, так что ей пришлось залезть под стол.

– Корни? – позвала она, тяжело дыша. Она была прямо перед ним, но он словно не видел ее.

Кайя тряхнула его за плечи. По крайней мере, это заставило парня поднять на нее взгляд. Корни, казалось, был пьян или хуже, чем пьян. Как будто он не трезвел годами.

– Я тебя знаю, – заплетающимся языком промолвил он.

– Это я, Кайя.

– Кайя?

– Что ты здесь делаешь?

– Они сказали, что это не для меня.

– Что не для тебя?

Рука с кубком слегка пошевелилась.

– Вино?

– Не для меня. И поэтому я его выпил. Я хочу всего, что не для меня.

– Что с тобой случилось?

– Это, – произнес он и дернул губами, стараясь, видимо, изобразить улыбку. – Я видел его.

Кайя бросила взгляд на толпу.

– Кого?

Корни указал на возвышение, где высокие бледные фейри беседовали и пили из серебряных чаш.

– Твоего парня. Робина с белыми волосами. По крайней мере, я думаю, это был он.

– Что он делал?

Корни затряс головой, беспомощно болтавшейся на шее.

– Ты напьешься, и тебе будет плохо, – заметила Кайя.

Корни посмотрел ей в лицо и попытался усмехнуться.

– Мне и так плохо.

Он начал петь песню «Король боли», негромко и не в лад. Глаза его устремились в никуда, пальцы одной руки бездумно теребили пуговицу на рубашке.

– Там сидит король на троне, там сидит король безглазый. И глазницами пустыми смотрит, смотрит в тень сомненья. О-о-о-о, король боли, я буду всегда, король боли!

– Я пойду отыщу его, – сказала Кайя. Она смотрела на Корни, который, что-то бормоча, обтирал внутренние стенки бокала пальцем, а потом облизывал его.

– Подожди меня здесь, ладно? Не уходи никуда.

Корни ничего не ответил, но Кайя решила, что он все равно не сможет даже встать на ноги. Похоже, он действительно напился в стельку.

Девушка вновь смешалась с толпой, пробираясь туда, куда указал Корни.

Женщина с толстыми, алого цвета косами сидела на высоком деревянном троне, подлокотники и спинка которого были украшены резными пиками и копьями, истертыми и обломанными. Термиты источили дерево до такой степени, что оно походило на кружево. У ног женщины копошились гоблины.

Ройбен подошел к трону и опустился на одно колено.

Кайя решила подойти поближе – отсюда ей не было видно. И тут она заметила небольшую выемку в стене, где могла бы спрятаться. Ниша находилась достаточно близко к трону, так что Кайя легко могла следить за тем, что происходит. Она собиралась наблюдать и, быть может, найти способ заставить его сожалеть о том, что он сделал.

Рат Ройбен Рай прошел через толпу, мимо стола, на котором в объятиях тролля извивался спрайт – то ли от удовольствия, то ли от ужаса. В прежние времена Ройбен, несомненно, остановился бы. Его серебряный клинок висел на поясе, но его ожидала госпожа, и он уже приучился быть хорошим рабом и поэтому прошел мимо.

Госпожа Никневин, королева Зимнего Двора, сидела на троне в окружении придворных. Алые волосы обрамляли белоснежное лицо с сапфировыми очами, и Ройбен вновь поймал себя на том, что его завораживает эта холодная красота. Рядом с тронем резвились четыре гоблина. Один из них, словно нищий, дергал королеву за подол. Рат Ройбен Рай опустился на колени и склонился так низко, что серебряные волосы рассыпались по полу, а потом поцеловал землю у ног королевы.

Он не хотел присутствовать сегодня здесь. Простреленная грудь все еще болела, и больше всего ему хотелось лечь и закрыть глаза. Но когда он закрывал глаза, то видел лишь лицо той человеческой девушки, полное ужаса и потрясения, – таким оно было, когда он швырнул эту девушку на грязный пол закусочной.

– Можешь подняться, – промолвила госпожа. – Подойди ко мне. Я хочу возложить на тебя одно поручение.

– Я принадлежу вам, – отозвался Рат Ройбен Рай, стряхивая землю с губ.

Королева слегка улыбнулась.

– Разве? Служишь ли ты мне так же хорошо, как служил моей сестре?

Прежде чем ответить, он помедлил.

– Лучше, быть может, ибо вы подвергаете меня большим

тяготам.

Улыбка пропала с губ Никневин.

– Ты смеешься надо мной?

– Прошу прощения, госпожа. В моих словах не было насмешки. Но вы редко даете мне радостные поручения.

На это она лишь рассмеялась холодным серебристым смехом, который срывался с ее губ, словно зимний ветер.

– Твои уста не предназначены для придворных речей, рыцарь. И все же мне по-прежнему доставляет удовольствие говорить с тобой. Почему бы это?

– Это забавно, госпожа? – предположил он.

Глаза ее были жестокими и прозрачными, как синее стекло, но улыбка сияла очарованием.

– Но уж точно не мудро. Встань. Как я понимаю, за твое присутствие здесь сегодня вечером мне стоит поблагодарить смертную деву?

Когда Ройбен поднялся на ноги, лицо его было мрачным.

– Я был беспечен.

– Должно быть, это чудесная девушка. Так поведай же нам о ней.

Несколько Зимних придворных слушали ее, открыто улыбаясь. Они наблюдали за этой игрой так же нетерпеливо, как за поединком.

Ройбен заговорил осторожно, следя за тем, чтобы лицо его не дрогнуло, голос звучал спокойно, а слова не казались тщательно взвешенными.

– Она сказала, что знакома с вольными фейри. Она наделена Зрением. Умная девушка и добрая к тому же.

На это госпожа улыбнулась.

– А разве не вольные фейри подстрелили тебя, рыцарь?

Он кивнул и не смог удержаться от слабой улыбки.

– Полагаю, не все они состоят в столь тесном союзе, госпожа моя.

О да, королеве это не понравилось, понял Ройбен.

– Так вот, у меня есть хороша мысль, – произнесла королева, поднося нежный палец к улыбающимся губам. – Приведи к нам эту девушку. Десятина, принесенная вольными фейри, скрепит их верность. Молодая девушка, одаренная вторым зрением, будет прекрасной жертвой.

– Нет! – ответил он.

Это был резкий выкрик, почти приказ, и головы придворных повернулись на его голос. Ройбен почувствовал, как к горлу подкатывает тошнота. Это ошибка. Он повел себя неумно.

Губы Никневин изогнулись в торжествующей улыбке.

– Я могла бы указать, что если они с ней знакомы, то это жертвоприношение напомнит им, что не следует ломать мои игрушки, – произнесла она, не упомянув о его дерзком ответе.

Это была насмешка над ним, ее игрушкой, но Ройбен едва расслышал эту насмешку. Он уже видел, как умирает та девушка. Ее губы уже проклинали его властью его истинного имени.

– Позвольте мне найти для вас другую, – услышал он собственный голос. В прежние времена его госпожа сочла бы забавной его внутреннюю борьбу: найти невинную жертву взамен другой, такой же невинной.

– Думаю, нет. Приведи ко мне эту девушку через два дня. Быть может, когда я увижу ее, я передумаю. Только что от Двора моей сестры прибыл Нефамаэль и привез послание. Вероятно, его можно отрядить в помощь тебе, на поиски девушки.

Взгляд Ройбена упал на другого рыцаря, который, казалось, увлекся беседой с козлоногой поэтессой и не обратил никакого внимания на разговор королевы с Ройбеном. От взгляда на железный обруч, охватывающий чело рыцаря, Ройбену стало неприятно. Поговаривали, что даже когда он снимает обруч, то остается глубокий черный шрам на месте выжженной железом плоти. Рыцарь носил плащ с подкладкой из шипов. Если Ройбен и желал отомстить Летнему Двору за то, что они отправили его сюда, то эта месть определенно приняла облик Нефамаэля. Ройбен заметил, что Летняя королева частенько отправляет своего нового рыцаря обратно к Зимнему Двору с тем или иным легким поручением.

Ройбен поклонился, коснувшись лбом и коленями пола, но

внимание королевы уже было обращено не на него.

Он направился к толпе пирующих и вновь прошел мимо стола, на котором видел тролля и спрайта. Парочка исчезла, на столе блестели лишь три капли вишневой крови да мерцающая пыльца с крылышек спрайта.

Клятвы, некогда принесенные Ройбеном, резали его душу, словно путы из тонкой, но невероятно прочной проволоки.

Кайя смотрела, как Ройбен спрыгивает с помоста, и пыталась подавить чувства, рвущиеся из глубины души. «Умная девушка и добрая к тому же». Эти простые слова заставили ее сердце биться чаще, и это ей совсем не нравилось.

Знает ли он, что голос его смягчился, когда он о ней говорил?

«Он столь непредсказуем, что даже его королева не может ему доверять. Он может и убить тебя, и отпустить».

Но память о том, как его губы коснулись ее, не исчезала, сколько бы Кайя ни терла это место.

Она увидела, как другой рыцарь приблизился к королеве и низко склонился, чтобы запечатлеть поцелуй на подоле ее платья.

– Поднимись, Нефамаэль, – произнесла королева. – Насколько я понимаю, у тебя для меня есть послание?

Стройный фейри выпрямился с той же грациозной, размеренной церемонностью, с какой двигался Ройбен. На голове этот рыцарь носил обруч из металла; кожа вокруг венца потемнела, словно обожженная. Что-то в его желтых глазах показалось Кайе знакомым.

– Вот послание, которое моя госпожа хочет представить вашему вниманию. – Улыбка рыцаря лишь подчеркнула, что этой королеве он не подданный. – Моя госпожа сказала, что, хотя в войне и настало перемирие, она думает о вмешательстве в дела смертных. Она послала нескольких своих приближенных пересечь границы ваших земель и желает, чтобы им был обеспечен безопасный проход через эти земли. Мне приказано ожидать вашего ответа. Похоже, она не ждет, что я немедленно вернусь обратно. Должен признаться, что неплохо оказаться дома вовремя, чтобы узреть Десятину.

– Это все, что она сказала?

– Верно, хотя одна из придворных дам королевы умоляла меня расспросить о ее брате. Похоже, она не получала вестей о нем с тех пор, как он прибыл к вашему двору. Эта дева – милейшее создание. Очень длинные белые волосы – из них даже можно сплести привязь, если есть такие склонности. Она очень похожа на того рыцаря, с которым вы только что беседовали. Она хотела узнать, почему вы никогда не используете его как посланника.

На губах Нефамаэля снова показалась коварная улыбка.

Королева тоже улыбнулась.

– Рада, что ты дома, Нефамаэль. Я надеюсь, ты pomoжешь моему рыцарю доставить нашу жертву?

– Это будет честью для меня. На самом деле мне кажется, что я слышал об очень подходящей для обряда девушке, и она уже знакома кое с кем из ваших придворных.

Неожиданно кто-то схватил Кайю за плечо и резко развернул. Она вздрогнула.

– Тебе не следует быть здесь. – Голос Ройбена был ледяным, а рука крепко сжимала ее плечо.

Сделав вдох, Кайя посмотрела ему в глаза.

– Я только хотела услышать королеву.

– Если бы кто-нибудь еще из рыцарей заметил, как ты здесь подслушиваешь, они, без сомнения, с радостью показали бы остальным, что с такими бывает. Это не игра, пикси. Тебе слишком опасно находиться здесь.

«Пикси»? И тут Кайя вспомнила. Он видел зеленую кожу, темные глаза, сложенные крылья. Он не знал ее или, по крайней мере, не знал, что знает ее. Кайя выдохнула – она не замечала того, что сдерживает дыхание.

– Это не твоя забота, – сказала она, пытаясь вывернуться из его хватки.

Конечно же, он сейчас отпустит, твердила она себе, но в голове у нее эхом звучали слова Шипа. Она видела Ройбена верхом на черном коне с белыми мерцающими глазами; лицо рыцаря в этом видении было покрыто грязью и кровью, в глазах горело неистовство, когда он мчался сквозь кустарник за бедным Хрящом...

– Вот как? – Ройбен по-прежнему крепко держал ее за плечо и буквально тащил сквозь толпу. И Кайя видела, что народ не просто уступает ему дорогу: все отшатывались в стороны, налетая друг на друга.

– Я рыцарь, присягнувший Никневин. Быть может, тебе следовало бы больше беспокоиться о том, что я сделаю с тобой, нежели о том, что я думаю о тебе.

Кайя вздрогнула.

– И что ты со мной сделаешь?

– Ничего, – вздохнул рыцарь. – Просто прослежу, чтобы ты немедленно покинула бру^[6].

«Ничего»? Девушка не знала, что она ожидала увидеть на лице Ройбена после этих слов, но уж точно не усталость, но его лицо выглядело усталым и в глубине светлых глаз не было ни искорки безумия.

Кайя не могла уйти и в то же время не смела сказать Ройбену, что ее друг, из смертных, спит где-то здесь, в недрах холма. Ей нужно как-то выкрутиться.

– Мне не позволено быть здесь? Не похоже, что тут проверяют гостей по списку.

Глаза Ройбена потемнели, и голос прозвучал необычайно тихо:

– При Зимнем Дворе всегда радушно принимают шпионов из вольных фейри. У нас редко бывают добровольцы для наших забав.

А теперь ситуация становилась опасной. Горечь ушла с его лица, оно сделалось совершенно каменным. Внутренности Кайи скрутило узлом. Радушно... наши забавы. Подразумевалось, что и он участвует в этих забавах.

– Ты можешь уйти через этот проход, – сказал Ройбен, указывая на земляной тоннель, который был скрыт креслом и располагался ближе к помосту. – Но уходи быстрее. Немедленно. Прежде чем кто-либо увидит, что я говорю с тобой.

– Почему? – спросила Кайя.

– Потому что они могут заподозрить, что я питаю к тебе теплые чувства. И тогда решат, что будет забавно наблюдать мое лицо в тот

момент, когда я вынужден буду причинить тебе вред.

Голос рыцаря был холодным и ровным. Слова срывались с губ, словно ничего не означали – просто слова, падающие в темноту.

Руки у Кайи похолодели, когда она вспомнила сцену в закуской. Каково это – быть марионеткой? Каково это – смотреть, как твои руки тебе не подчиняются?

Гнев поднялся в ее душе, как темное облако. Она не желала понимать, как его заставили убить Хряща. Она не желала прощать его. И более всего она не желала хотеть его.

– Ну же, пикси, – произнес он, – иди!

– Я не знаю, могу ли я верить тебе, – ответила она. – Подари мне поцелуй.

Если уж она не может перестать думать о его губах, то, быть может, ощутив их вкус, она как-то отделается от этих мыслей. В конце концов, если любопытство кошку сгубило, то удовлетворение ее воскресило.

– Сейчас не время для твоих штучек, пикси, – отрезал Ройбен.

– Если хочешь, чтобы я быстрее ушла, то поспеши это сделать. – Кайя была удивлена собственными словами и озорным намеком, содержащимся в них.

И еще больше она удивилась, когда губы рыцаря накрыли ее рот. Неожданное потрясение, подобное удару копья, пронзило все ее тело, прежде чем он отпрянул.

– Иди, – приказал он шепотом, как будто губы Кайи выпили из его груди все дыхание. Глаза его затуманились.

Кайя нырнула в туннель, словно убегая от мыслей о том, что она только что сделала. И ей точно не хотелось думать, какое отношение этот поступок имеет к мести.

Снаружи было холодно и светло. Это казалось невозможным, но ночь уже прошла. Ветер срывал листья, еще остававшиеся на ветвях деревьев, и Кайя обхватила себя руками, чтобы удержать остатки тепла. Она знала, где находится полоска бурой травы, и рысцой побежала вокруг холма. Нужно лишь снова попасть внутрь и держаться у стены, тогда, быть может, ее никто не заметит. Корни находились там, и на этот раз ей следовало быть внимательнее и

запомнить, где выход.

Но трава повсюду была одинаковая. Кайя хорошо помнила местоположение входа. Рядом с вязом, у могильного камня с надписью «Аделаида». Девушка упала на колени и стала копать, неистово раздирая руки о смерзшуюся землю, грязную и твердую, как будто здесь и не было никогда входа в подземный дворец.

– Корни! – закричала Кайя, прекрасно осознавая, что он не услышит ее глубоко под землей.

Глава 8

*Красота – это только начало, вмещенное
сердцем начало того, что вместить невозможно.
Нас приводит в восторг бесконечность, но она нас
поглотит и выпьет.* [\[7\]](#)

*Райнер Мария Рильке. «Первая Дуинская
элегия»*

Корни разбудил звон колоколов. Его трясло от холода, зубы неудержимо лязгали, а голова была тяжелой и словно набита ватой. Стоило Корни пошевелиться, как желудок сжался в пульсирующий комок. Куртка куда-то пропала.

Он лежал один на склоне кладбищенского холма и понятия не имел, как здесь очутился. Отсюда Корни видел свою машину – она стояла там, где он свернул с дороги, и сигнальные огни все еще неярко мигали. К горлу подступила тошнота. Корни безвольно перекатился на бок, и его вырвало.

Привкус вина во рту разбудил неясные воспоминания – мужские губы, прильнувшие к его губам, мужские руки, ласкающие его тело... В ужасе Корни попытался вспомнить лицо того, кому принадлежали эти губы и руки, но голова так болела, что все его старания припомнить хоть что-то еще оказались тщетными.

С трудом поднявшись на ноги и стараясь сдержать тошноту, Корни шатаясь побрел с холма вниз, к машине. Несмотря на то, что сигнальные фонари горели всю ночь, двигатель завелся, как только Корни повернул ключ в замке зажигания. Включив обогреватель на полную мощность, он откинулся на спинку сиденья, наслаждаясь потоком горячего воздуха. По телу его пробежала дрожь от удовольствия.

Корни знал, что где-то под грудой прочитанных книжек и упаковок от гамбургеров должен лежать флакон аспирина, но не мог заставить себя пошевелиться. Откинув голову на подголовник, он ждал, пока тепло не расслабит мышцы и не изгонит прочь тошноту.

Затем ему вспомнилось, что вчера на заднем сиденье ехала Кайя, и события вчерашнего вечера нахлынули на него с ошеломляющей отчетливостью.

...Трескающаяся и облезающая кожа Кайи, первый трепет ее крыльев, преображенная Кайя в его машине, музыка... а затем он оказался один на склоне холма, пытаюсь разобраться в перепутанных обрывках воспоминаний. Корни слышал подобные истории, как мужчины и женщины просыпались на холме, проведя одну ночь в Волшебном Мире. А холм никогда больше не открылся для них... Он мрачно подумал, что Кайя, быть может, все еще танцует где-то под музыку флейт, позабыв о нем и о самом его существовании.

Корни похолодел при мысли о том, что его одинокому пробуждению на холме, быть может, существует и другое объяснение. Он вдруг увидел, словно наяву, как Кайя склоняется над ним, шепча: «Я пойду поищу его. Подожди меня здесь».

И чем больше Корни думал об этом, тем больше отвратительных подробностей ему вспоминалось. Крик, донесшийся откуда-то издалека. Обагренные кровью рты участников пира и тот мужчина, мужчина в плаще из шипов, который нашел его сидящим в грязи, пьяным, и...

Корни потряс головой. То, что произошло, ускользало от него, помнились только мягкие губы и острые шипы. Закатав рукава рубашки, он увидел ярко-красные глубокие царапины, тянущиеся по рукам до самых плеч. Это было неопровержимым доказательством того, как он провел эту ночь.

От одного прикосновения к этим царапинам Корни охватила такая страстная тоска, что желудок вновь сжался в рвотном позыве.

В дверях черного хода Кайя споткнулась. Быстро взглянув на подсвеченные красным часы на дисплее микроволновки, она поняла, что уже настало позднее утро.

Изнеможение охватило девушку, когда она попыталась ощутить в пальцах поток и переплетение магии. Сама себе она казалась слишком туго натянутой струной, которая вот-вот порвется от перенапряжения. Кайя пристально смотрела, но не видела пути обратно в холм. Быть может, он открывается только в сумерках. Значит, нужно прийти туда же сегодня вечером, пройти по той же

дороге и ждать.

Все чувства Кайи обострились до предела. Тонкий ореол, которым она была окутана сейчас, ничуть не напоминал прежний. Она ощущала легкий шорох крыльев за спиной, чувствовала запах мусорного ведра под раковиной, даже выделяла отдельные запахи: кофейная гуща, яичная скорлупа, кусочек плавленого сыра, моющее средство, какая-то липкая сладкая отравка, которую кладут в ловушки для тараканов. Воздух просто гудел от энергии, которой Кайя прежде не замечала. Если бы только она открылась этой энергии, то не чувствовала бы себя такой усталой.

Однако Кайя не хотела этого делать – она буквально обеими руками цеплялась за эту имитацию своей принадлежности к людям.

– Кайя? Это ты?

Из соседней комнаты появилась бабушка в халате и шлепанцах, а ее редкие седые волосы были намотаны на бигуди.

– Ты что, только что вошла?

– Привет, ба, – ответила Кайя, зевнув.

Она подошла к кухонному столу, сдвинула в сторону грудку газет и рекламных проспектов, села и опустила голову на руки. Это было почти облегчением – просто позволить бабушке орать, как будто все идет так, как обычно.

– Сегодня утром я звонила в школу.

Кайя усилием воли подавила стон.

– Ты знаешь, что тебе не позволено бросать школу без письменного разрешения родителей? А согласно записям, ты не посещала школу с тех пор, как тебе исполнилось четырнадцать!

Кайя покачала головой.

– И что это значит? Ты хочешь сказать – нет?

– Я знаю, что я не посещала школу, – отозвалась Кайя, полная отвращения к тому, как по-детски звучит ее голос.

– Что ж, это очень хорошо, что ты это знаешь, но лично я хотела бы знать, чем ты в это время занималась. Куда ты удидала?

– Никуда, – тихо ответила Кайя. – Просто я не хотела, чтобы ты

знала. Я понимала, что ты будешь злиться.

– А почему же ты тогда не вернулась в школу? Ты что, всю свою жизнь так и хочешь прожить никем и ничем?

– Я найду кем стать! – возразила девушка.

– И кем же ты станешь? Продавцом наркотиков? Беременной малолеткой? Хочешь сделаться такой же потаскушкой, как твоя маленькая подружка?

– Заткнись! – крикнула Кайя, вскинув голову. – Ты что, думаешь, будто все обо всех знаешь? Ты думаешь, что все в мире так легко понять? Ты же вообще меня не знаешь – ты не знаешь обо мне ничего! Откуда же ты можешь знать хоть что-то о Дженет, если ты ничего не знаешь даже обо мне?

– Я не позволю тебе кричать на меня в моем собственном доме. Ты такая же, как твоя мать. Ты считаешь, что тебе достаточно чего-то захотеть. Мол, если ты будешь чего-то очень хотеть, то оно на тебя само свалится словно по волшебству.

По волшебству. Кайя почувствовала, что на ее лицо наплзает странное выражение – то ли гримаса боли, то ли самодовольная ухмылка.

– Никто ничего не получает, кроме как упорным трудом. Но даже при этом люди не получают того, чего хотят. Людям просто плохо, и никто не знает, почему им плохо. Талантливые люди – такие, как твоя мать, – несмотря на весь свой талант, не могут устроить свою жизнь, и что же собираешься делать ты? Нельзя рассчитывать на везение. Как знать, повезет ли тебе в жизни?

Кайя была удивлена, услышав, что бабушка считает ее мать талантливой.

– Я не рассчитываю на везение, – тупо ответила она.

– В самом деле? А чем ты тогда занимаешься?

– Я не знаю, – произнесла Кайя.

Она устала и чувствовала, что голос ее уже начинает дрожать. Она боялась, что вот-вот заплачет и, если это произойдет, она не сможет остановиться. Хуже того, девушка понимала, что ее слова звучат как дерзость – как будто она недовольна только тем, что ее разоблачили. И это было недалеко от истины.

– Нам нужны деньги.

Бабушка уставилась на нее в ужасе.

– Какие деньги?

– Так вот о чем ты подумала! Даже не говори этого мне, – предупредила Кайя, пряча лицо в сложенные на столе руки. – Она уткнулась носом в сгиб локтя и пробубнила: – Я работала в гребаном китайском ресторане, понятно? В городе. На полную ставку. Нам нужны деньги.

Но бабушка по-прежнему смотрела на нее с недоумением.

– Здесь у меня пока нет работы, – созналась девушка, – но я, наверное, могу устроиться на заправочную станцию, где работает брат Дженет. Я подала туда заявление.

– Ты должна закончить школу, девочка, а если даже не закончишь, то заправка не место для девушки. Какой парень захочет гулять с девушкой, которая работает на заправке?

– Да кому нужны эти парни? – отмахнулась Кайя. – Вот увидишь, мама подпишет любую бумагу, которая нужна мне для получения разрешения на работу.

– Нет, не подпишет! – заявила бабушка. – Эллен!

– Чего? – отозвался сверху раздраженный голос.

– Спустись-ка сюда и послушай, что говорит твоя дочь! Ты знаешь, что она собирается сделать? Ты знаешь, что она сделала?

Несколько минут спустя в кухню вошла мать Кайи. Эллен стянула волосы красной кожаной банданой и надела черную футболку и спортивные брюки.

– И что же ты сделала?

– Ничего я не сделала, – ответила Кайя. – Я не ходила в школу и не сказала об этом бабушке.

Она могла бы предвидеть, что эта стычка рано или поздно состоится, однако сейчас чувствовала себя так, словно это происходило далеко-далеко от нее и она наблюдала за всем со стороны.

– Не умничай, – сухо отозвалась бабушка.

Эллен оперлась о косяк кухонной двери.

– Ну это совершенно все равно, что она делала, потому что в начале следующей недели мы уже будем в Нью-Йорке. Я устроилась в «Фабрику Мяу».

И Кайя, и бабушка уставились на Эллен с почти одинаковым выражением ужаса. Та пожала плечами и, пройдя мимо них, налила в кофеварку воды.

– Я хотела сказать тебе вчера вечером, но ты не явилась к ужину.

– Я не поеду в Нью-Йорк, – сказала Кайя, с отвращением слыша нотки детского упрямства в своем голосе.

И это та девушка, которая бросила оскорбление приближенному рыцарю Зимней королевы? Которая говорила с келпи?

– Эллен, неужели ты всерьез хочешь сказать, будто тебя не волнует, что твоя единственная дочь не ходит в школу? – Бабушка сжала губы в тонкую линию.

Эллен снова пожала плечами.

– Мам, Кайя – умная девочка. Она сама способна решать, что ей делать.

– Ты ее мать. Твой долг – убедиться в том, что она принимает правильные решения.

– Разве со мной это сработало? Ты пыталась принимать за меня вообще все решения и посмотри, куда это нас привело. Я не хочу совершать ту же ошибку по отношению к Кайе. Ну и что, что она не ходит в школу? В мое время школа была полным отстоем, и не думаю, что сейчас она стала лучше. Кайя умеет читать и писать – это больше, чем умеют многие из старших школьников. Она прочитала столько книг, сколько, наверное, не прочла ни одна девчонка в ее возрасте.

– Эллен, не будь тупицей. Чем она станет зарабатывать на жизнь? Что ее ждет в будущем? Неужели ты не хочешь, чтобы Кайя жила лучше, чем ты?

– Я хочу, чтобы у нее было такое будущее, которое ей нравится.

Кайя выскользнула из кухни. Они будут спорить еще долго и некоторое время даже не заметят ее отсутствия. А ей так хочется

спать!

У самого уха Кайи зазвонил телефон, валявшийся на подушке. Девушка застонала и нажала кнопку, вяло пробубнив:

– Алло...

Все это время она так и провертелась с боку на бок, лишь ненадолго проваливаясь в сон. Одеяла были слишком теплыми, но когда она сбрасывала их, то чувствовала себя неуютно, как будто за ней кто-то наблюдал. Во сне ее преследовали твари с узкими глазами и тянули к ней когтистые пальцы...

– Черт. Ты здесь.

Кайя узнала голос Корни. В голосе звучало изумление и в то же время огромное облегчение.

– Корни! Меня просто вышвырнули оттуда, и я не могла найти обратной дороги к тебе. – Кайя посмотрела на часы. Был час дня. – Я подумала, что холм, наверное, открывается только к ночи.

– Я скоро приду.

Она кивнула, а затем, осознав, что он не видит это, произнесла вслух:

– Да, конечно. Приходи. С тобой все в порядке?

В трубке щелкнуло. Кайя беспокойно пригладила рукой волосы и снова уронила голову на подушку.

– Ореол выглядит неплохо, – произнес Корни, войдя в спальню и оглядевшись по сторонам. – Ух, а ты, оказывается, держишь крыс!

Кайя моргала, глядя на него.

– Как ты выбрался? Я чуть с ума не сошла, разыскивая тебя. Если бы меня увидели полицейские, то приняли бы за чокнутого гробокопателя, который выкапывает трупы из могил голыми руками.

– Сегодня утром я проснулся на холме. Я решил, что ты меня бросила и что я, как какой-нибудь Рип Ван Винкль, оказался в две тысячи сто двенадцатом году, где никто обо мне даже и не слышал. – Он криво усмехнулся.

– Ройбен выкинул меня наружу. Извини. Я не хотела тебя бросать, но боялась, что, если скажу ему об этом, он поймет, кто я такая.

– А он не знает? – улыбнулся Корни.

Кайя покачала головой и вздрогнула.

– Ну и как тебе Зимний Двор?

Медленная, недобрая улыбка искривила губы Корни.

– О, Кайя, – выдохнул он. – Это было здорово. Просто высший класс.

– Я вела себя слишком беспечно. – Кайя прищурила глаза. – Видишь ли, Корни, эти существа убивают. Ради забавы. Таких, как мы.

Он, казалось, не слышал ее, глядя мимо нее в залитое солнцем окно.

– Там был один рыцарь, не твой, другой. Он... – Корни вздрогнул и, казалось, продолжил фразу совсем не так, как намеревался: – Он носит плащ с подкладкой из шипов.

– Я видела, как он разговаривал с королевой, – подтвердила Кайя.

Движением плеч Корни сбросил куртку. На его руках алели длинные царапины.

– Что с тобой случилось?

Улыбка Корни стала шире, но взгляд, казалось, был прикован к каким-то картинам, возникающим в памяти. Затем он посмотрел на девушку.

– Ну, очевидно, я оказался под этим плащом.

– Мягко сказано! – фыркнула Кайя. – Он причинил тебе какой-нибудь вред?

– Не больше, чем я сам хотел, – ответил Корни.

Кайе не нравились ни слова Корни, ни его выражение, когда он произносил их.

– А что насчет тебя, Кайя? Ты отомстила Робину Беловолосому?

Против воли девушки щеки ее окрасились румянцем.

– Так как? – настаивал Корни.

И Кайя рассказала ему, чувствуя, как лицо горит все сильнее.

– Так ты хочешь мне сказать, что заставила его поцеловать тебя один раз в губы и один раз в зад?

Кайя сердито посмотрела на Корни, но не удержалась и хихикнула.

– Не знаю, то ли похвалить тебя за хитрость, то ли испугаться – а вдруг ты и впредь решишь использовать это его имя. Ты можешь приказывать ему до бесконечности?

Кайя притворилась, что отвечает ему пинка.

– А что насчет тебя и твоего рыцаря? Я хочу сказать, твои руки выглядят ужасно. Это нормально?

– Когда я к ним прикасаюсь, меня пробирает дрожь, – благоговейно произнес Корни.

– По крайней мере, нам удалось напугать друг друга.

– Да, мне, наверное, лучше вернуться домой. И что дальше с этими волшебными делишками?

Кайя вздрогнула.

– Полагаю, меня принесут в жертву.

– Отлично. И когда?

– Хотела бы я знать. – Девушка тряхнула головой. – Самэйн – это ведь Хэллоуин, верно? Наверное, ночью.

Корни скептически посмотрел на нее.

– Хэллоуин через два дня.

– Я знаю, – ответила Кайя. – Но, похоже, мне не нужно делать ничего. Я просто должна какое-то время кричать, визжать и притворяться человеком.

– А если они разозлятся, что их надули?

– Не знаю, – пожала плечами Кайя. – Это не моя проблема, верно? Все, что мне нужно, – это быть хорошей жертвой.

– Н-да, надеюсь, ты не будешь чересчур хорошей жертвой.

– Шип и Люти никогда не подвергли бы меня настоящей опасности.

– Ну ладно, будем надеяться.

– Ты считаешь, они бы так поступили?

– Я считаю, что все это выглядит достаточно опасным. По-моему, большинство тех вещей, которые мы видели в Волшебном Мире, были опасными.

– Верно, – согласилась Кайя.

– Ах да, – припомнил Корни. – Я тут по пути сюда встретил Джимми. Он сказал, что если ты все еще хочешь у них работать, то выходи на смену сегодня в шесть вечера. Это будет перед моей сменой, так что, полагаю, я пока не уволен.

Девушка улыбнулась.

– Думаю, увидимся вечером. Я рада, что с тобой все в порядке.

– Мне было бы куда лучше, если бы я остался там, – ответил он, и тревога с новой силой нахлынула на Кайю.

– Корни...

Он улыбнулся той самой отстраненной непонятной улыбкой, которую подхватил где-то под холмом, и Кайе вдруг захотелось встряхнуть его за плечи. Сделать что-нибудь, чтобы вывести его из этого состояния.

– Увидимся вечером, – сказал Корни, натягивая куртку.

Когда подкладка скользнула по его рукам, он вздрогнул, и Кайя, как ни жестоко это было, понадеялась, что боль от царапин вызвала эту дрожь.

Когда Корни ушел, она взглянула на розовые листочки, прилепленные с обратной стороны двери ее комнаты. Это были записки, переданные матерью. Одна от Джимми насчет работы, а все остальные от Кении.

Кайя уселась на матрас на полу, подняла трубку и набрала номер, значившийся в первой записке от Кении. Она могла оставить ему послание, где будет работать сегодня вечером. Это вполне

общественное место. Если он придет, то она снимет чары, и тогда его отношения с Дженет придут в норму.

– Эй, – отозвался мужской голос на фоне приглушенного металлического гула и поскрипывания.

– А, привет, – пробормотала Кайя. – Я думала, ты в школе.

– Ты звонишь мне на мобильник, – пояснил Кении. – Я в мастерской.

– Это Кайя.

Она снова почувствовала себя глупо, как будто несколько слов, сказанных им, были благословением, которого она не заслуживала.

– Я знаю. Препод вот-вот заработает себе грыжу, так что нам надо быстрее договориться. Я хочу видеть тебя. Сегодня вечером.

– Я иду на работу. Ты можешь приехать...

– Во сколько? – прервал Кении. Кайе было неловко за каждое свое слово, она ожидала, что он вот-вот начнет дразнить ее, и была нелепо благодарна за то, что он этого не делал.

– В шесть.

– Встретишь меня после школы. Ты знаешь мою машину?

– Нет. Почему бы тебе просто не приехать ко мне на работу? – Кайя пыталась вновь перехватить инициативу в разговоре.

– Тогда у выхода. У главного. Увидимся.

Девушка помолчала в нерешительности, однако у нее не было причин не встречаться с Кении у школы. В конце концов, на то, чтобы снять чары, понадобится всего лишь мгновение. А что будет дальше... что ж, возможно, это даже хорошо, что ей было куда уйти после этого.

– Ну ладно.

– Хорошо. – И Кении отключился.

От разговора у Кайи осталось чувство, будто она на голодный желудок выпила кофе, два дня простоявший в чашке. Нервы звенели от напряжения. Кайя не удивилась, когда, подняв руку, обнаружила, что та дрожит, словно струна гитары, задетая неосторожными пальцами. Девушка закрыла глаза и сделала глубокий вдох, затем

стащила изорванные шмотки Корни и переоделась в чистое. Одежда легко скользнула поверх иллюзорной гладкой человеческой спины, но Кайя-фейри ощущала, как мягкая хлопковая ткань футболки прижимает ее крылья.

Было странно стоять возле школы, в которую ты должна была ходить, но не ходила. Некоторые из ребят выглядели знакомо – наверное, она встречалась с ними в младших классах. Большинство же казались чужаками, какими, в сущности, и были.

«Люди, – шептал голос в сознании Кайи. – Все они люди, а ты – нет».

Она покачала головой. Ей не нравилось, к чему вели такие мысли. Достаточно мучило ее уже то, что она несколько лет не посещала школу. Иногда, как вот сейчас, ей этого не хватало. Кайя ненавидела начальную школу. Она и Дженет были просто обречены стать подругами. Ребята дразнили Дженет за поношенную одежду, а Кайю – за истории, которые она рассказывала. Но в большом городе никто не знал Кайю, и, кроме того, там встречалось множество странных детей. Но как раз когда дела в школе пошли на лад, она ушла оттуда.

– Привет, – сказал Кении.

Он был одет в плотную темно-синюю куртку поверх серой футболки, а глаза его скрывались под солнечными очками. Подойдя поближе, он снял очки. Под глазами у него темнели синеватые полукружья.

– Почему ты мне вчера не позвонила? Я оставил тебе целый миллион посланий. Твоя мать сказала, что ты у Дженет, но я проверил, и тебя там не было.

– Извини, – ответила Кайя. – Я уходила.

Вид у Кении был такой серьезный, что Кайю это даже неожиданно развеселило. Теперь магия пришла легко, она хлынула в пальцы Кайи, иголочками кольнула язык, но девушка не сделала ни малейшего движения, чтобы снять чары.

– Кайя, я... – начал Кении, но затем, казалось, передумал и произнес совсем другое: – Не могу спать. Я не могу есть. Все, что я могу, – это думать и думать о тебе.

– Я знаю, – нежно произнесла она.

Мимо проходили ребята, искоса поглядывая на Кении. Неожиданно Кайя осознала, почему она позволила ему поцеловать ее тогда на ужине, почему она вообще хотела заполучить его.

Она хотела контролировать его.

Он олицетворял собой каждого из наглых дружков, плохо обращавшихся с ее матерью. Он представлял для Кайи каждого мальчишку, который обзывал ее ненормальной, потешался над ней или просто кричал, чтобы она заткнулась и убиралась прочь. Он был в тысячу раз менее реален, чем Ройбен.

Рот Кайи растянулся в широкой ухмылке. Она больше не хотела притворяться и доказывать, что достойна внимания Кении, не желала знать, чем губы самого популярного парня в школе отличаются от губ любого другого мальчишки.

– Пожалуйста, Кайя, – тихо промолвил Кении.

Крепко взяв девушку за запястье, он попытался притянуть ее к себе.

На этот раз она резко отпрянула прочь, не позволяя ему обнять ее, не давая ему даже шанса получить еще один поцелуй. Вместо этого она вывернулась из его рук и вскочила на цементные ступени крыльца.

– Хочешь чего-нибудь? – поддразнила Кайя.

Ребята остановились, наблюдая за этой сценой.

– Тебя, – ответил Кении, вновь потянувшись к ней.

Но девушка танцующим движением увернулась от его рук и рассмеялась.

– Ты не можешь получить то, чего не сумел поймать, – усмехнулась Кайя, склонив голову набок.

Безумие неистово плясало в ее жилах. Как посмел он заставить ее почувствовать себя неуклюжей? Как посмел он заставить ее взвешивать каждое слово?

– Кайя! – воскликнул он.

Девушка присела на корточки, широко раздвинув колени и

вздернув подбородок.

– Ты обожаешь меня, Кении?

– Да! – вне себя отозвался он.

– Я вскружила тебе голову? Ты смог бы умереть за меня?

– Да!

Глаза Кении были темны от желания и ярости. Позади него смеялись и перешептывались школьники.

Кайя тоже рассмеялась. Ей, в конечном итоге, было все равно.

– Скажи еще раз, что бы ты сделал ради меня?

– Все, что угодно, – без колебаний ответил Кении. – Дай мне шанс. Заставь меня сделать что-нибудь.

Смех замер на губах Кайи. Она сорвала с него чары, быстрым взмахом руки разорвав их нити, как будто смахивала прочь паутину.

– Не важно, – промолвила она, злясь и сама не зная, на что именно злится.

К злости примешивался неожиданный стыд.

Кении оглянулся по сторонам, очевидно только сейчас отчетливо осознав, где находится. Кайя видела, как краска заливает его татуированный затылок. Потом Кении посмотрел на девушку с выражением ужаса.

– Что, мать твою, ты со мной сделала?

– Скажи Дженет, чтобы она мне позвонила, – отозвалась Кайя.

Ей было наплевать, что ее слова прозвучали полной бессмыслицей, ей стало безразлично все, кроме желания уйти отсюда, прежде чем она окончательно потеряет контроль над собой. Даже не взглянув в сторону Кении, она пошла через школьную парковку, направляясь домой.

Джимми ждал ее в конторе заправочной станции. Он протянул ей синюю куртку с логотипом «Амоко» на плече. Кайя никогда не видела, чтобы Корни носил такую форму, однако послушно натянула куртку, слушая объяснения Джимми, что ей надлежит делать.

Время от времени на станцию въезжали машины, и Кайя осторожно сжимала заправочный пистолет, тщательно следя за тем, чтобы не коснуться металла.

Голова у девушки кружилась от едкого запаха бензина и пугающих мыслей о том, что она совершила. Ей казалось, что это хорошо и абсолютно правильно – мучить Кении, как это делала она. И теперь, зная о том, на что она способна, возможно ли разучиться этому? Или же пройдет немного времени и она снова поступит так же?

Невдалеке раздался шорох, и Кайя настороженно взглянула в сторону леса. Наступал Хэллоуин, и Джимми предупредил ее, что ребяташки могут попытаться выкинуть какую-нибудь шуточку на заправке.

Однако из леса появилась фигура с волосами, черными как смоль. Плащ, наброшенный на плечи, был откинут назад, открывая подкладку, сплошь усаженную шипами. Кожа визитера была мертвенно-бледной, и кроме нее черноту его облачения нарушал лишь белый камень, висящий на длинной цепи на его шее.

– Ты? – спросила Кайя. – Ты тот, о ком говорил мне Шип из Летнего народа?

Она видела этого рыцаря беседующим с Никневин на балу. Судя по всему, он был верным слугой королевы. Быть может, в этом заключалась часть плана?

– Теперь ты в хороших руках, – произнес Нефамаэль.

– Ты оставил отметины на руках Корни.

– Да, я это сделал. Он просто прекрасен.

Вблизи Кайя рассмотрела, что глаза у Нефамаэля желтые. Глядя в эти глаза, Кайя вдруг поняла, почему они кажутся знакомыми. Она видела их в баре в ту ночь, когда Ллойд взбесился.

– Ты, – бросила Кайя. – Ты что-то сотворил с Ллойдом, верно?

– Нам нужно было, чтобы ты вернулась домой, Кайя.

Рыцарь коснулся висящего у него на шее камня, и Кайя почувствовала, как вокруг нее свивается поток магии, давящим грузом наваливаясь ей на плечи. На момент она ощутила удушье, все запахи стали неясными, а зрение померкло.

– Не забывай, мы должны сделать так, чтобы все выглядело настоящим, – напомнил Нефамаэль, когда девушка стала судорожно хватать ртом воздух.

– Что ты делаешь со мной? – сумела выговорить она.

Все казалось далеким и странным.

– Ореол, который ты соткала, не обманет никого. Я просто восстанавливаю тот, который ты носила прежде.

– Но Хэллоуин будет только завтра, – запротестовала Кайя.

Она ощутила странное покалывание в руках. На этот раз оно не казалось исходящим изнутри. Творилось что-то непонятное. Сердце девушки забилося чаще, и она почувствовала... нечто чуждое. А затем из туч вырвался темный вихрь.

Над головой Кайи послышался рев. Она закрыла лицо руками и попыталась закричать, но едва открыла рот, как порыв ветра забил глотку.

Множество рук ухватились за ее рубашку, ноги и волосы, подняли ее в воздух и понесли. Вокруг сбилась плотная масса каких-то живых существ. Девушка пиналась и кусалась, рвала их длинные бледные волосы, раздирала покрытые пылью крылышки. Заостренные кошачьи мордочки шипели ей в лицо, когтистые пальцы щипали ее кожу, но вереница маленьких чудовищ неслась все дальше и дальше, унося с собой Кайю...

Глава 9

*Ты, которого я не сумел спасти, Выслушай.
Постарайся понять эти простые слова. [\[8\]](#)*

*Чеслав Милош. «Посвящение к сборнику
„Спасение“»*

Горло Кайи саднило от крика. Острые когти впивались ей в запястья, а крылья, подобные крыльям птиц, летучих мышей и насекомых, взбивали воздух, издавая не больше шума, нежели сохнувшие на веревке простыни. Вереница монстров незримо мчалась над улицей. Кайя кричала, но казалось, она и ее похитители уже между этим миром и иным, потому что никто из прохожих не взглянул вверх и не промолвил ни слова – разве что, может быть, вздрогнул или моргнул, когда в небесах над ним проносилась стая крылатых чудовищ. Кайя кричала, царапалась, извивалась и рвалась, пока кусочки перьев с ее крыльев не осыпали всех ее похитителей. Но те даже не ослабили свою хватку. Они казались единым злобным созданием, а Кайя – лишь крошечной бунтующей частью этого создания. Все, что она могла, – это только кричать.

Затем они устремились вниз, так быстро, что у Кайи перехватило дыхание. Кладбищенский холм летел ей навстречу. Ветер забивал крик обратно в горло, и девушка давилась им.

Вновь оказавшись на твердой земле, Кайя упала на четвереньки – у нее подвернулась лодыжка. Несколько секунд она вообще не могла дышать. Чудовища легко опустились вокруг нее, скользнув над самой поверхностью земли. Каждая ссадина и ушиб на теле девушки ныли, пульсируя болью. Кости готовы были вот-вот вывернуться из суставов.

Примерно дюжина тварей уставились на Кайю блестящими черными глазами, похожими на ее собственные. Кто-то схватил девушку за волосы и вздернул ее голову, и ей волей-неволей пришлось посмотреть снизу вверх в золотисто-крапчатые совиные глаза.

– Вкусная мышка. – Толстые темные губы твари медленно двигались, выговаривая слова, а голос напоминал хруст сухих древесных листьев под ногой.

Кайя стиснула зубы. Остальные существа столпились вокруг, вытянув морды. От их голодной ярости Кайе стало нехорошо. Она замахала руками, чтобы отогнать их прочь. Мелкие крылатые создания порхали вокруг, скаля зубы.

– Хватай-тащи – очень весело, – промолвила женщина с глазами совы, дергая волосы Кайи так сильно, что девушка даже приподнялась с земли. – Такое тонкое, тонкое удовольствие. – Тварь выпустила Кайю, и она рухнула на ободранные колени.

– Отпустите ее, – приказал Нефамаэль, рывком поднимая девушку на ноги.

Казалось, кто-то подпилит холм у основания и поднял его на толстые колонны. Бледные поганки размером с кулак Кайи окружали огромную площадку. Волшебный народ веселился под этой земляной крышей, как под легким шелковым куполом.

Пальцы Нефамаэля сжимали плечо Кайи с такой силой, что наверняка оставляли синяки. Шипы, венчавшие пальцы перчатки, царапали кожу при каждом шаге.

Рыцарь вывел девушку на земляное возвышение, и ей пришлось сделать несколько глубоких вдохов, чтобы подавить ужас, грозивший заполнить ее разум. Королева сидела на троне, по обе стороны от которого преклонили колени козлоногие юноши, похожие как близнецы; один из них с отсутствующим видом играл на флейте. Ройбен стоял по левую руку от королевы, его темно-серебристые одежды казались сделанными одновременно из ткани и из металла. Воротник и манжеты были отделаны неровными речными жемчужинами, похожими на зубы. Рыцарь великолепно выглядел, сияя подобно луне.

И он казался далеким, словно луна, бесстрастным и непреклонным.

По правую руку от королевы стояли еще два рыцаря: один облаченный в одеяния темно-красного цвета, а другой – в дымчато-голубом. Чуть дальше на возвышении, за тронном замерло существо с лисьей мордой, в шапочке странной формы. В лапе оно сжимало щетку, которой только что обметало полотно, покрывающее большой

березовый пенё. Этот пенё использовался здесь в качестве плахи.

Кайю грубо бросили на колени. Затем она почувствовала, как рядом с ней опустился Нефамаэль.

Королева Зимнего Двора смотрела на девушку сверху вниз, и на губах ее играла улыбка. Кроваво-алые волосы королевы были стянуты в толстые, украшенные драгоценностями косы, а тускло-серый цвет одежд лишь оттенял белизну кожи, заставляя ее казаться еще более гладкой. Королева была нечеловечески прекрасна, но улыбалась недобро. Кайя с беспокойством обнаружила, что улыбается в ответ, глядя в эти жестокие синие глаза и страстно желая увидеть в них одобрение.

Воздух был насыщен сладко пахнущей пылью, и от этого у Кайи кружилась голова, все плыло перед глазами, она задыхалась. Кайя подумала, что глаза у королевы слишком синие и прозрачные. Они выглядели ненастоящими. Головокружение усилилось.

– Кайя Фирш, Зимний Двор намерен оказать тебе великую честь. – Слова королевы эхом отдавались в мозгу Кайи, каждое из них звучало отчетливо, но все вместе они казались бессмыслицей. – Ты подчинишься этому?

Кайя знала, что ей задали вопрос и что ей очень важно ответить на него. Она пыталась собрать воедино разбегающиеся мысли. Синие глаза не отпускали ее. Кайя хотела зажмуриться, хотела остановить холод, который зарождался где-то в груди и распространялся по всему телу, наполняя его дрожью. Но все, что она смогла, – это медленно моргнуть.

– Быть может, ее молчание – уже достаточный ответ, – издали донесся до девушки голос Ройбена.

После его слов слышались смешки.

– Подойди ближе, маленькая смертная.

Королева подалась вперед, простерла лилейно-белую руку, и, прежде чем Кайя успела что-либо сообразить, оказалось, что она уже ползет, чтобы коснуться этой руки. Королева провела пальцами по волосам девушки, взъерошив их, а затем опять пригладив.

– Ты хочешь доставить нам удовольствие, не правда ли, крошка?

– Да.

Кайя действительно этого хотела. Она никогда и ничего не хотела так страстно.

Никневин улыбнулась, кончики ее губ чуть приподнялись.

– Ведь верно, единственное твое желание – это доставить нам удовольствие?

– Да. – Девушка дрожала от счастья, когда рука королевы прикасалась к ее щеке.

– Ты доставишь нам великое удовольствие, дитя, если будешь повиноваться, радоваться и не спрашивать о том, что покажется тебе странным. Ты понимаешь?

– Да.

– Мы просим тебя оказать нам честь и принять участие в Десятине. Примешь ли ты бремя этой чести?

Что-то в словах королевы показалось странным, но Кайя знала, что не должна задавать вопросов, а должна соглашаться.

– Да.

Улыбка королевы была ослепительной. Уголком глаза Кайя заметила, что Ройбен хмурится, и это удивило ее. Разве его не радует то, что доставляет удовольствие его госпоже?

– Мой рыцарь проследит за тем, чтобы тебя привели в порядок и одели должным образом. Не слишком пытайся обрадовать его. Это безнадежная задача. – Королева едва заметно кивнула.

Ройбен оказался рядом с Кайей и поднял ее на ноги. От него пахло жженой гвоздикой.

Рат Ройбен Рай стоял по левую руку от своей госпожи на почетном месте и сжимал кулаки так сильно, что на ладонях от ногтей остались полукруглые отметины. Девушка своим мягким, словно пепел, голосом давала губительные ответы на смертоносные вопросы. Она и не попыталась произнести его имя, и теперь уже было слишком поздно.

Ройбен хотел разжать кулаки. Он не желал, чтобы королева догадалась о том, на какой невероятно опасный риск он пошел. Позволить этой девушке узнать его имя и тем самым получить над

ним абсолютную власть не входило в его намерения, однако не являлось и следствием глупости. Сначала он сказал себе, что просто испытывал себя, однако истинные причины казались более сложными. Ройбен не понимал себя: его действия не были связаны между собой, в них не было никакой последовательности, подвластной его разумению.

Взгляд Ройбена скользнул по толпе. Он знал Зимний Двор и хорошо разбирался в разных группировках и их планах, интригах, желаниях и обычаях. Он знал их так, как способен только посторонний, и его госпожа это ценила. И это отношение королевы давало Ройбену некоторые преимущества.

Все находится в равновесии. Все является ритуалом. Все причиняет боль.

Вольные фейри настороженно собирались по краям бру. Ройбен понимал, что многие из них не испытывают ни малейшего желания связываться с Зимним Двором, и несколько мгновений гадал, могут ли они как-либо отвергнуть жертвоприношение. Однако со своего места он видел, что они пьют традиционное вино, выжатое из крапивы. Они пришли, чтобы предложить себя в услужение. И за это служение они получают покровительство, которое никогда не даст им независимость.

Негромкий звук заставил Ройбена снова посмотреть на Кайю. Он заметил на ее коже синяки и вспухшие царапины. Девушка смотрела на королеву с обожанием, от которого Ройбену стало нехорошо. Не так ли он когда-то смотрел на Летнюю королеву, когда клялся ей в верности? Он вспомнил, что когда его ясная госпожа всего лишь одаривала взглядом одного из своих рыцарей, то это было подобно солнцу, светившему только для этого рыцаря. И как легко Ройбен произносил клятву верности, облекая все, что он хотел пообещать, в формальные слова! И сейчас он все еще выполняет ее приказы, не так ли? И теперь, глядя в лицо Кайи, которая радостно ожидала, пока он отведет ее в мрачные покои Зимнего дворца, где ее украсят для казни, Ройбен пытался понять, чем же оплачена эта боль.

– Идем, – произнес он.

Они шли вниз по коридорам, отделанным сверкающей слюдой, под сводами перепутанных корней. Свет был тусклым и рассеянным, со свечей, воткнутых в углубления стен, стекали струйки воска.

Ройбен слышал глухое постукивание ботинок идущей следом девушки и хотел оглянуться, чтобы улыбкой успокоить ее, скрасить ей бесконечный путь по этим извилистым коридорам. Но улыбка была бы ложью, и чем эта ложь помогла бы Кайе?

Ройбен вел Кайю через сады, где росли белые, словно кость, деревья, увешанные пурпурными плодами. Они проходили через пещеры из кварца и опала, затем миновали череду дверей, каждая из которых была украшена резьбой в виде лица. С потолка сеялся неясный, далекий свет.

– Ты можешь спросить меня, о чем хочешь. Запреты королевы на меня не распространяются. – Ройбен надеялся, что, какие бы чары королева ни наложила на Кайю, их можно отчасти преодолеть.

– Ты знаешь, мне очень жаль, – негромко промолвила девушка.

Чары затуманили ее глаза, веки были полуприкрыты. Одной рукой она касалась искрящейся слюдяной стены, поглаживая ее, словно брюхо какого-то огромного животного.

– Жаль? – непонимающе переспросил Ройбен.

– В закускойной, – пояснила Кайя и чуть покачнулась, но удержалась, опершись ладонью о стену. – Я не знала, о чем я спрашиваю.

Рыцарь вздрогнул. Ее власть над ним была сильнее любой клятвы – он полностью подчинился ее приказам, а она теперь извиняется за то, что *оказалась* так умна! Но, быть может, в этом тоже повинна магия, лишаящая ее разума. Рука девушки все еще касалась стены, взгляд устремился в пол.

Ройбен сделал глубокий вдох.

– Это было хорошо сделано. Быть может, ты еще найдешь способ обратить это себе на пользу.

Этот совет казался не очень-то мудрым. Ройбен не знал, почему он втянул ее в такие опасности, позволив вынуть стрелу у него из груди. Кайя неожиданно рассмеялась шальным смехом, каким смеется волшебный народ.

– Мы действительно найдем для меня платье?

Ройбен кивнул.

– Здесь есть швея, которая шьет из шелка тоньше паутинки. Она, конечно же, сошьет тебе платье... Чудесное платье, – неуклюже договорил он, хотя эти слова соответствовали истине.

Он подавился концом фразы, не зная, как сказать, что это будет не бальное платье, а саван.

Кайя радостно улыбнулась и развернулась на одной ноге, неловко имитируя танцевальные па, а потом вновь пошла следом за Ройбеном по мерцающему коридору, повторяя вслух его слова:

– Шелк, который тоньше паутинки...

Жилье Плетенити располагалось в глубинах дворца, куда Ройбен заходил крайне редко. По полу тускло освещенной комнаты были разбросаны отрезки атласа, мерцающего золотистым летним светом, шелка, который можно было протащить через игольное ушко, и тяжелой парчи, затканной изображениями странных животных. На длинном деревянном столе стояли серебряные чаши разной величины с булавками, катушками ниток и разными украшениями для одежды: мышиными шкурками, каплями сверкающей росы, неувядающими листьями и другими, менее приятными штучками.

Ройбен знал, что самая чудесная вещь в этой комнате выглядит самой обыкновенной.

Это был старый изношенный ткацкий станок, посредством которого можно было вплетать волшебный народ в гобелены и держать их связанными там до тех пор, пока не будет выполнен тот или иной договор. Таким же неприметным выглядело и грубое деревянное веретено, однако его обвивала длинная черная нить, на самом деле спряденная из человеческих волос.

Сама швея – небольшая, тощая и неуклюжая, с длинными тонкими конечностями – была закутана в легкое черное одеяние, скрывавшее половину ее лица, и горбилась так сильно, что длинные руки ее почти касались пола. Ройбен слегка поклонился, поймав взгляд блестящих черных глаз мастерицы. Плетенить прошипела приветствие и подползла поближе. Подняв тонкую руку Кайи, она измерила обхват ее талии при помощи пальцев. Ройбен заметил в карих глазах Кайи проблеск страха, хотя тело девушки было все таким же вялым и расслабленным.

– Славный кусочек, – задумчиво проскрипела Плетенить. – Что тебе предложить за нее? Могу сшить тебе тунику с запахом цветущей яблони. Она будет напоминать тебе о доме, так?

Кайя вздрогнула.

– Я пришел сюда, чтобы заказать платье, а не торговаться, – ответил Ройбен, подавив дрожь. – Королева желает, чтобы эта девушка на сегодняшнем пиру была одета как можно лучше, ведь она... – И вновь он запнулся, с трудом подбирая нужные слова, чтобы не насторожить Кайю. – Она почетная гостя.

Плетенить хмыкнула и начала рыться в отрезках тканей. Казалось, Кайя, чье сознание было затуманено чарами, уже и не помнила, что швея напугала ее. Девушка увлеченно гладила полотно, которое меняло цвет от прикосновений ее руки.

– Вытяни руки в стороны, – каркнула портниха, – раскинь их широко, как птица простирает крылья. Вот так.

Кайя стояла с вытянутыми в стороны руками, пока Плетенить окутывала ее кусками тканей и беспрестанно что-то шептала. Неожиданно старуха схватила девушку за подбородок и рывком подняла его вверх, а затем вдруг переместилась к своим чашам и стала копаться в них. Ройбену оставалось только ждать.

Цветущие яблони больше не напоминали Ройбену о доме, хотя Летний Двор и окутывала нежная белизна лепестков. Нет, теперь запах яблоневого цвета напоминал ему о дриаде, смуглое лицо которой оставалось спокойным даже вдали от своего дерева. Она умела предсказывать, но не стала пророчествовать для Зимней королевы. И Ройбену было приказано покарать ее.

И отчетливее всего он запомнил последние слова дриады, произнесенные, когда обомшелые пальцы царапали щеку Ройбена, а из множества ран на теле женщины сочился густой древесный сок. «Это ты умираешь, а не я», – вот что она сказала.

Можно сломать вещь, но не всегда после этого удастся придать ей ту форму, которая тебе нужна.

– Рыцарь? – прошипела Плетенить, протягивая рулон тонкого белого шелка. – Это подойдет?

– Пришли платье в мои комнаты, – ответил Ройбен, отвлекаясь от своих странных дум. – Королева желает, чтобы сегодня вечером

девушка в этом одеянии была в бру.

Плетенить подняла взгляд от лоскутов ткани, над которыми она колдовала, мигнула по-совиному и что-то проворчала. Ройбен и не ожидал от нее большой любезности. Пожалуй, чем больше причин для отсрочки, тем лучше для Кайи.

– Идем, – приказал Ройбен, и Кайя послушно последовала за ним. Дурманные чары все еще действовали.

Пройдя обратным путем через дворец термитов, Ройбен привел девушку к деревянной двери, на которой было вырезано грубое изображение единорога. Открыв дверь серебряным ключом, рыцарь пропустил Кайю вперед и вошел следом за ней. Он видел, как она остановилась, чтобы взглянуть на заваленный книгами низкий стол, и провела ладонью по тонким томикам Иейтса и Мильтона; пальцы ее задержались, коснувшись переплетенного в кожу тома с серебряными застежками. Это был сборник старых песен без названия на пыльной обложке, но Кайя не стала открывать книгу и просматривать содержание. На стене висел старинный гобелен, вернее, то, что осталось от него, когда однажды ночью Ройбен располосовал его на лоскуты. Сейчас рыцарь подумал, что Кайе его комната должна казаться монашеской кельей после чудес и роскоши, которые она видела вокруг. Глядя на остатки гобелена, Кайя внимательно изучала их.

– Она красивая. Это кто?

– Моя королева, – ответил Ройбен.

– Не Зимняя королева? Другая?

Кайя села на тускло-коричневое покрывало, постеленное на кровати, и склонила голову, по-прежнему не отводя глаз от фигуры на гобелене. Ройбен хорошо помнил изображение: темные волосы, спадающие, подобно плащу, поверх изумрудно-зеленого платья... красиво, но это всего лишь вышивка. Ее создал смертный человек, который, некогда мимолетно узрев Летнюю королеву, провел остаток своей короткой жизни, воспроизводя на гобеленах ее образ. Он умер от голода, сиюсь завершить последнюю вышивку загрузевшими, красными от холода пальцами. И долго еще Ройбен испытывал зависть к нему за такую способность пожертвовать собой.

– Другая, – согласился он.

– Я читала это. – Кайя указала на «Потерянный рай». – Ну, часть этого.

– «Сомнение и страх язвят Врага смятенного; клокочет Ад в душе, с ним неразлучный; Ад вокруг него и Ад внутри. Злодею не уйти от Ада, как нельзя с самим собой расстаться»^[9], – процитировал Ройбен.

– Это была такая громадная книжка – антология, но мы на самом деле о ней на уроках не говорили. Эта книжка у меня осталась после того, как я бросила школу, – ты знаешь, что такое средняя школа?

Голос у девушки был сонный, но разговор она вела нормально. Хотя чары все еще действовали, они уже не подавляли ее полностью. Ройбен решил счесть это добрым знаком.

– Мы знаем о вашем мире, по крайней мере о том, что лежит на поверхности. Вольные феири знают больше. Они собираются вокруг окон и сквозь щели в занавесях смотрят телевизор. Я видел, как дриады давали небывалую цену за тюбик губной помады.

– Жалко, что мне не удалось принести с собой мою сумку. Я могла бы подкупить кого угодно и выбраться отсюда, – хихикнула Кайя, забираясь на кровать с ногами.

Она прислонилась спиной к изголовью. Черные джинсы разлохматились по нижнему краю штанин, где они соприкасались с потертыми ботинками. Обычная девушка. Девушка, которая не должна быть такой смелой. Вокруг запястья ее была обмотана резиновая лента, и нарисованные на ней синей ручкой картинки уже выцвели, но были все еще видны. Ногти обкусаны почти до мяса. Детали. То, что ему следовало заметить.

Ройбен осознал, что вид у Кайи очень усталый. Он почти ничего не знал о ее прежней жизни до того, как он превратил эту жизнь в хаос. Поморщившись, он вспомнил рубашку Кайи, которую она разорвала, чтобы забинтовать его рану.

– По крайней мере, нам кажется, что мы кое-что знаем о вашем мире. Однако я знаю о тебе далеко не так много, как хотел бы.

– Я не очень-то много знаю о мире, – словно эхо отозвалась Кайя. – Я знаю только дерьмовый городишко, где выросла, и еще более дерьмовый город, куда мы после этого переехали. Я никогда не была за границей. Моя мама хотела стать известной певицей и ездить

повсюду, но по большей части она просто напивалась вдрызг и орала, какие уроды и бездари остальные вокалисты. Боже, как это все тоскливо!

Ройбен подумал о том, что случится, если жертвоприношение не совершится, если хитрость или удача помогут Кайе сбежать. Вольные фейри на семь лет сохраняют свою свободу. Рыцарь представил себе, какой хаос из этого последует, и почувствовал странное удовлетворение.

– Я не думаю, что сам испытал много радостей в жизни, прелестная Кайя.

Она вздохнула, улыбнулась и откинула голову назад. Спутанные белокурые волосы рассыпались по подушкам. Ройбен отстраненно подумал, что ему понравилось бы заплести эти волосы в косу, как некогда он заплетал волосы своей сестре.

– Я некоторое время ходила в школу, в старшие классы, – с отсутствующим видом продолжила девушка, – а потом бросила. Обычно люди думают, что я очень странная, и это иногда забавно. Хотя, наверно, «забавно» – неверное слово.

Ройбен присел на край постели, слушая ее.

– Я думала, что странность – это хорошо. И не потому, что мне нужно было как-то защититься. Я считала, что это нечто, что нужно беречь и лелеять. Я провела уйму времени, шатаюсь по барам, размещая оборудование, разбирая его, загружая фургоны, вытаскивая мать из туалетов, где она блевала в унитаз, – другие дети такого не делают. И иногда просто случались всякие волшебные вещи, которые я не могла контролировать. И все же так трудно принять, что ты действительно настоящий, – произнесла она с приглушенным благоговением.

Она вела разговор и даже выглядела нормально, уютно расположившись на кровати почти незнакомца.

– Ты по-прежнему хочешь доставить мне удовольствие?

Улыбка Кайи была изумленной и несколько озадаченной.

– Конечно хочу.

– Было бы лучше, если бы ты этого не хотела, – произнес Ройбен, колеблясь и пытаясь найти способ как-то снять чары. – Было

бы лучше, если бы ты действовала согласно собственным желаниям.

Кайя села и пристально поглядела на него.

– Ты так считаешь? Неужели ты не хочешь вернуться домой?

– К Летнему Двору?

Несколько долгих мгновений он обдумывал ее вопрос, а потом покачал головой.

– Некогда я желал этого, как ничего иного. А теперь я думаю, что оказался бы среди них нежеланным чужаком, а даже если и нет, то вряд ли мы ладили бы.

– Ты не такой, как все о тебе говорят, – промолвила Кайя, глядя на него так пронзительно, что он не нашел в себе силы встретить ее взгляд. – Я знаю, что ты не такой.

– Ты ничего не знаешь обо мне, – возразил рыцарь.

Он хотел вырвать веру из ее души сейчас, чтобы не видеть выражения лица Кайи в тот миг, когда он, Ройбен, предаст ее.

Он хотел сказать, что она невероятно соблазнительна, даже наполовину околдованная и покрытая синяками и царапинами, и что она совершенно не осознает, что ее жизнь оборвется не позже рассвета. Интересно, подумал он, что она ответит на такое признание.

Вместо этого Ройбен заставил себя усмехнуться.

– Позволь, я объясню снова. В Сонме Зимнего Двора многие относятся к смерти и крови безразлично или как к забаве. Но пребывать в этом Сонме не только кара. Никневин владеет древними секретами, сокрытыми в недрах пещер и топей. Сумрак содержит в себе столько же истин, сколько рассвет, быть может, больше, потому что их не так легко воспринять. Нет, не думаю, что мое возвращение будет приветствоваться, теперь, когда я видел это.

– Но они... – начала Кайя, и Ройбен поднял руку, чтобы прервать ее возражения.

– Мелкие сообщества фейри, несомненно, нуждаются во врагах, это придает цель их существованию. Подумай об ангелах Мильтона. Не был ли Бог мудр, дав им дьявола, с которым они могли бы сражаться?

Несколько мгновений Кайя молчала.

– Ну ладно, ты говоришь, что Летний Двор нуждается в том, чтобы ненавидеть Зимний Двор. Но значит ли это, что ты здесь не всех считаешь плохими?

– Я не могу придумать такого оскорбления, которого не заслужила бы Зимняя королева, но в некоторых ее придворных я видел доброту. Больше доброты и мудрости, чем я мог от них ожидать.

– А какой противник есть у Зимнего Двора?

– И в этом тоже сходство с дьяволами просто поразительно. Они борются с собственной скукой. Это борьба, которая зачастую требует все большей жестокости и зла.

Кайя поежилась.

– А ты?

Ройбен пожал плечами. Он почти забыл, каково это – просто сидеть и беседовать.

– Я в каком-то роде совершенно отдельное существо: не принадлежу ни к какому двору и не являюсь истинно вольным. У моей души слишком много владельцев.

Кайя села, подобрав под себя ноги, и схватила его за обе руки.

– Просто чтоб ты знал, я тебе доверяю.

– Ты не должна, – машинально отозвался Ройбен.

И вдруг он понял, что не хочет наказывать ее за доверие. Вместо этого он почувствовал, что хочет быть достойным этой веры. Ему захотелось стать рыцарем, которым он когда-то был. Всего на миг.

Он смотрел, как девушка вздохнула, готовясь, должно быть, продолжить разговор, и понимал, что не выдержит этого.

Не успев придумать ничего другого, Ройбен подался вперед и поцеловал ее сухие губы. Из приоткрывшегося рта Кайи вырвался чуть заметный теплый выдох. Ее руки скользнули по плечам Ройбена и легко, почти нерешительно, легли у шеи.

Ройбен припал поцелуем к губам Кайи, убегая и прячась от холода, поселившегося внутри. И ему стало хорошо от сладостной боли, которую ему причиняло это ощущение.

«Не уйти от Ада, как нельзя с самим собой расстаться». Зачарованная. Он целует зачарованную девушку. Ройбен рывком отодвинулся от нее. Вид у Кайи был слегка обескураженный, она провела языком по нижней губе, но ничего не сказала.

Ройбен гадал, что Кайя подумает об этом, когда чары пропадут. Но голос в глубине рассудка шепнул ему, что завтра для нее так и не наступит, верно? Для нее есть только сейчас, и, если он хочет поцеловать ее, это будет всего лишь поцелуй.

Кайя слегка отодвинулась от него и уселась, прижав колени к груди.

– Это разозлит ее?

И вновь не было необходимости уточнять, кого она имеет в виду.

– Нет, – ответил он, потеряв лицо ладонями и коротко усмехнувшись. – Вряд ли. Это, несомненно, ее позабавит.

– А как насчет другой... другой госпожи?

Ройбен инстинктивно прикрыл глаза, как будто его ударили. Он не мог понять, чем его привлекает девчонка, которая так ранит его странными замечаниями и лишает душевного равновесия своим пустым и в то же время непосредственным вопросом.

– Ты можешь меня поцеловать, – негромко произнесла Кайя, прежде чем он собрался с духом, чтобы ответить. – Тогда я не буду задавать тебе дурацкие вопросы.

Казалось, чары ушли, потому что глаза ее были чистыми и ясными. Ройбен не мог сказать, держало ли ее еще заклятие королевы и к чему оно понуждало.

Ройбен вновь склонился к ней, но тут в дверь негромко, но настойчиво постучали. Несколько мгновений рыцарь не двигался. Он хотел спросить Кайю, чувствует ли еще она чары, хотел сказать, что она может просить его обо всем, о чем захочет. И еще он так сильно хотел поцеловать ее, что ему едва хватило выдержки встать на ноги, дойти до двери и распахнуть ее.

Плетенить прислала в качестве рассыльного красношапа. Он-то и стоял теперь в дверях, распространяя запах свернувшейся крови и гнили. Бросив взгляд за спину Ройбена, на сидящую на кровати девушку, красношап обнажил в ухмылке острые зубы.

Ройбен взял у посыльного из рук белое платье.

– Смотри мне, если ты его запачкал!

– Госпожа хочет знать, закончил ли ты уже с ней.

По хитрому, полному вожделения взгляду красношапа было легко понять, какой смысл он вкладывает в эти слова.

Гнев поднялся в груди Ройбена, мешая дышать; гнев вскипел неожиданно так сильно, что рыцарь боялся не сдержать яростной дрожи. Он надеялся, что посыльный этого не заметит. Красношапы не отличались наблюдательностью.

– Можешь сказать ей, что я еще не закончил, но в скором времени буду готов, – ответил рыцарь, чуть улыбнувшись – по крайней мере, он надеялся, что это выглядело как улыбка, – и кивнул, прежде чем закрыть дверь.

Когда он вновь повернулся к Кайе, лицо девушки ничего не выражало.

Ройбен подавил в себе эмоции, даже не потрудившись понять, что именно он испытывает.

– Надень это, – резко приказал он, не скрывая гнев в голосе и предоставив Кайе думать, что этот гнев направлен на нее. Ройбен швырнул девушке платье и увидел, как она вздрогнула, когда гладкий шелк соскользнул с края постели. Кайя молча наклонилась, чтобы поднять его.

Значит, она ему все-таки не доверяет. Прекрасно.

– Пора, – сказал Ройбен.

Глава 10

*Мне говорят,
Слово сказанное
Мертво,
Я говорю, оно лишь
Начинает жить
В этот миг. [\[10\]](#)*

Эмили Дикинсон. «Слово»

Когда в комнату вошел Нефамаэль, Корни постарался погрузиться поглубже в теплую мутную воду. Женщина из волшебного народа, подстригавшая ему волосы и умащивавшая кожу ароматическим маслом, вышла, не дожидаясь приказа.

– Ты теперь весьма мил, – промолвил Нефамаэль.

Его желтые глаза отражали мерцающее пламя свечей.

Корни неловко пошевелился. Неприятное ощущение от масла, пропитавшего кожу, не оставляло его даже под водой. Шея чесалась там, где срезанные волосинки прилипли к маслу.

– Придать мне привлекательный вид – все равно что превратить свинец в золото, – пробормотал Корни, надеясь, что эта фраза прозвучала остроумно.

– Ты голоден? – спросил Нефамаэль. Голос у него был густой и сочный. Корни хотел узнать, как там Кайя, однако не решился задать этот вопрос сейчас, когда рыцарь приближался к нему медленными, размеренными шагами.

Корни кивнул, боясь, что голос подведет его. Он пока не совсем верил, что Нефамаэль привел его сюда, вырвав из прежней жалкой и убогой жизни.

– В этой стране произрастают плоды, которые на вкус превосходят все, что ты мог бы отведать в смертных землях. – Губы

рыцаря искривила улыбка.

– И мне позволено?..

– Весьма, весьма вероятно. – Нефамаэль указал на грудь одежды. – Одевайся, и я отведу тебя.

Корни был одновременно признателен и разочарован, когда Нефамаэль предоставил ему одеваться самому. Не обращая внимания на мокрое тело, Корни натянул синюю бархатную тунику и плотно облегающие штаны.

Нефамаэль ждал в коридоре. Он взъерошил пальцами волосы Корни, а затем снова пригладил их.

– Полагаю, комплименты сейчас неуместны.

Корни не мог отвечать, когда эти руки касались его...

– Идем, – сказал Нефамаэль, и Корни последовал за ним.

Потеки свечного воска тянулись вниз по стенам, подобно сталактитам в пещерах. Откуда-то издали до Корни доносились музыка и смех. Он и Нефамаэль прошли через открытую дверь, обрамленную серебряным плющом, и оказались в саду, где ветви деревьев склонялись почти до земли под тяжестью серебристых яблок. Меж деревьев прихотливо вилась узкая дорожка, выложенная белыми камешками. Над садом изгибался сияющий свод, и от него в саду было так светло, как будто они находились не в подземном царстве. Корни ощущал запахи вскопанной земли, скошенной травы и гниющих плодов.

– Иди же, – произнес Нефамаэль, кивнув в сторону деревьев. – Ешь все, чего пожелаешь.

Но Корни уже не был уверен, действительно ли он голоден. И все же из вежливости и страха он сделал несколько шагов и сорвал с одного из деревьев яблоко. Оно словно само легло в его протянутую руку. На ощупь кожица яблока была теплой, как будто под ней текла живая кровь.

Корни бросил взгляд на Нефамаэля, который разглядывал белую птичку, усевшуюся на яблоню. Осторожно, почти опасливо, молодой человек откусил кусочек яблока.

Плод имел вкус изобилия и страстного стремления, жаждущих раздумий и желаний, и проглоченный кусочек оставил внутри Корни

сосущую пустоту. Ухмыляясь, Нефамаэль смотрел, как Корни жадно лижет надкушенное яблоко, поглощает его мякоть и, упав на колени, высасывает бледную сердцевину.

Несколько фейри из Сонма собрались вокруг, чтобы наблюдать это зрелище. Зрители смеялись, но Корни не мог остановиться. Он едва замечал, что Нефамаэль хохочет над ним уже не таясь. Женщина с тонкими изогнутыми рогами бросила Корни перезрелую сливу. Слива лопнула в грязи, и Корни опустил на четвереньки, слизывая мякоть вместе с крупцами почвы.

Черные муравьи ползали по липким переспелым паданцам, и Корни поедал их тоже, жадно выискивая сладкие крошки.

Через некоторое время Нефамаэль подошел к Корни и поднес к его губам сухарь. Корни бездумно впился в этот сухарь зубами. На вкус он напоминал опилки, но Корни проглотил его.

Сухарь, казалось, в мгновение ока заполнил его желудок, и ощущение всепоглощающего голода ушло. Корни сидел на корточках под деревом, отчетливо осознавая, что он только что делал. Он смотрел на свои грязные руки, на испачканную одежду и глотал слезы, чтобы не разрыдаться беспомощно и жалко, словно ребенок.

– Идем, идем. – Нефамаэль похлопал его по плечу. – Бедный Корни. Ты кажешься таким слабым, я боюсь, что твое сердце просто разорвется. – Голос у рыцаря был довольным.

Корни встал, стискивая кулаки.

Корни ощущал, как помимо воли отзывается на этот сочный голос, как стыд и смущение ослабевают, отходят на задний план и становятся незначительными...

– Иди сюда, мой зверек. Ты весь измазался. – Нефамаэль поднял руку и поманил Корни к себе.

Один взгляд в эти желтые глаза – и всякое желание сопротивляться пропало. Корни ступил в кольцо рук Нефамаэля, наслаждаясь прикосновением шипов.

Сегодняшнее пиршество проходило более скромно. Никаких неистово играющих скрипачей или шумных хороводов. Никаких

наваленных горадами плодов или медовых пряников. Слышались лишь шепот и приглушенный смех. Свет исходил от жаровень, расставленных по всему бру, да от мелких фейри, летавших над толпой, словно светляки.

Думать было трудно. Ноги Кайи, ступавшие по земляному полу, уже замерзли. Завеса магии медленно спадала с нее, но чем слабее становились чары, тем сильнее ее давил страх.

Она скоро умрет. Уже не важно, мерзнут ли у нее ноги.

Кайя видела только спину Ройбена, ведущего ее сквозь толпу. Его серебристые волосы блестели как ртуть, ниспадая на плечи.

«Я не собираюсь умирать, – напомнила себе девушка. – Это игра. Всего лишь игра».

Неосознанно она прикоснулась кончиком пальцев к своим губам, непривычно мягким и распухшим. Кайя хорошо помнила настойчивость и нежность губ Ройбена, но сразу же в памяти всплывало выражение его лица, когда он отшатнулся от нее, – ужас или, быть может, отвращение. Девушка встряхнула головой, чтобы привести в порядок мысли, однако ясность так и не пришла.

Некоторые из тех, мимо кого она проходила, смотрели на нее жадно, и Кайя попыталась представить, как вольные фейри станут делить то, что от нее останется.

Девушка глубоко вдохнула холодный осенний воздух. Еще вдох. Совсем не забавно.

Ладонь Ройбена стиснула руку девушки выше локтя. Рыцарь вел Кайю мимо созданий одновременно прекрасных и уродливых. Земля под босыми ногами Кайи была влажной, и девушка сосредоточилась на этом ощущении, чтобы успокоиться.

Королева стояла в центре круга, напоминающего огромную серебристую танцплощадку. Круг состоял из нескольких частей, и каждую из них украшали выгравированные изображения связанных людей и фейри. Эти части были искусно подогнаны друг к другу, словно кусочки головоломки. В центре круга Кайя увидела узорные кандалы, прикрепленные к толстым коротким цепям. В отличие от пола кандалы и цепи были железными. Кайя чувствовала исходящий от них запах.

Многослойные черные одежды Никневин, сшитые из

полупрозрачной ткани, развевались от легкого сквозняка. Самый длинный слой – шлейф платья – поддерживали три гоблина. Жесткий воротник, словно прозрачный черный плавник, поднимался за голову королевы. Кайя проследила взглядом очертания этого воротника, затем внимательно рассмотрела высокую, затейливо уложенную прическу из алых кос госпожи... Она старалась смотреть куда угодно, лишь бы не встретить этот смертоносный синий взгляд.

Ройбен опустился на одно колено, и Кайя без приказаний последовала его примеру.

– Поднимитесь, – повелела королева.

Кайя и Ройбен встали.

Королева махнула Ройбену рукой в знак того, что отпускает его. В ее жесте сквозило нетерпение. Поколебавшись несколько мгновений, рыцарь шагнул к королеве и вновь преклонил колено.

– Я отдал бы все, что угодно, за ее освобождение, – произнес Ройбен столь тихо, что лишь стоящие рядом расслышали его слова.

Он смотрел вниз, не то на земляной пол, не то на изящную туфельку королевы. Искренность в голосе Ройбена испугала девушку. То, что он сказал, было опасным для него. Неужели он ведет себя так, чтобы вернуть ей, Кайе, какой-то выдуманный им долг? Неужели он решился на это только из-за того, что поцеловал ее?

Никневин провела ладонью по темени Ройбена. Голос ее был так же тих и даже нежен, но в глазах сверкало свирепое наслаждение. Она смотрела мимо рыцаря, куда-то в темноту за пределами бру.

– Разве ты уже не являешься моим слугой во всем? Есть ли у тебя что-то, чем я еще не обладаю?

Рыцарь поднял голову и посмотрел в синие глаза Зимней королевы. Кайя хотела крикнуть, предупредить его, но не могла пошевелиться, словно закованная в лед.

– Быть может, я могу предложить свое усердие, – сказал Ройбен. – Вы часто жаловались на его отсутствие.

Уголки губ королевы приподнялись, однако Никневин, казалось, была разочарована.

– Думаю, дело того не стоит. Я поняла, что мне нравится твое своеволие.

– Но должно же быть хоть что-то, – настаивал Ройбен.

Никневин в задумчивости постукивала кончиком указательного пальца по своим карминовым губам. Когда она заговорила, то голос ее был столь громок, что заполнил собой весь амфитеатр полого холма:

– Трагедия – это столь неотразимо! Я не могу устоять против желания предложить тебе сыграть со мной в игру. Ты не откажешься?

– Я признателен, госпожа моя, – ответил Ройбен, вновь склонив голову.

Королева обратила взгляд на Кайю.

– Что ж, дитя, похоже, ты сумела доставить удовольствие моему рыцарю. Ответь на мою загадку, и Зимний Двор подарит тебя ему.

Толпа негромко зашумела.

Кайя кивнула, не зная, каковы правила этикета при волшебном Дворе.

Теперь в голосе королевы звучало истинное наслаждение:

– Разрежь меня, и я буду плакать слезами, алыми, как моя плоть, но сердце мое сделано из камня. Ответь мне, смертная, кто я?

«Ты – это ты». Кайя закусила губу, чтобы удержаться от истерического смеха, который рвался из груди. Ладно: красная плоть, каменное сердце – что подходит под это описание? Девушке смутно припомнились древние сказания о людях, чье сердце было превращено в камень, а потом оживлено слезами, однако она не знала, откуда пришли эти воспоминания. Нет, загадки обычно имеют какой-то простой, общий ответ в одно слово. Этот ответ всегда выглядит очевидным, если ты его знаешь.

Плоть. Может быть, это какой-нибудь плод? А каменное сердце – это косточка? А, вот – вишня! Неужели предполагалось, что это будет забавно?

Кайя сильнее прикусила губу. Если она ответит на загадку правильно, она сможет уйти отсюда, а она так отчаянно хотела этого! Девушка бросила взгляд в толпу, выискивая Шипа или Люти, но даже если они стояли там, то не попались ей на глаза. Если она уйдет отсюда, то нарушит план. Однако сейчас Кайя не была уверена, что стремится осуществить этот план до конца.

И она яростно впилась зубами в собственную губу, когда осознала, насколько далеко Ройбен зашел ради нее. Понимали ли Люти и Шип, что Кайя нуждается в защите, будучи пленницей здесь, при Зимнем Дворе? Если все намеки, которые она сегодня слышала, соответствовали действительности, то Ройбен вел себя как монах: ведь любой рыцарь из Сонма мог бы сделать со смертной пленницей все, что пожелает. Но если Шип и Люти считали Ройбена настоящим мерзавцем, то зачем они убеждали ее, Кайю, участвовать в этом плане, подразумевающим, что большую часть ночи она проведет наедине с Ройбеном?

И Кайя решила ответить на вопрос, прежде чем события начнут развиваться непредсказуемо. Она должна отгадать загадку, а потом сказать Ройбену, как она сожалеет о происшедшем, и надеяться, что он поймет. А затем она найдет Шипа и получит истинные ответы.

– Вишня, – твердо произнесла Кайя. Ройбен, все еще не поднимаясь с колен, резко, со свистом выдохнул. Кайя не знала, как долго он сдерживал дыхание в ожидании ее ответа.

– Госпожа моя, вы не можете... – начал было лисомордый прислужник, но Зимняя королева взмахом руки велела ему замолкнуть.

– Встань, мой рыцарь. Ты сделал хороший выбор. Она твоя.

Ройбен встал и чуть повернулся в сторону Кайи. На лице его было написано неприкрытое облегчение. Кайя протянула к нему руки. Она объяснит ему все, как только они уйдут отсюда. Она обязательно убедит его.

– А теперь я приказываю тебе принести твой выигрыш в жертву на Десятину, – продолжила королева.

Толпа разразилась смехом.

Кайя видела, как гнев и стыд исказили лицо Ройбена, он уронил руку, а потом стиснул рукоять меча.

Затем он, казалось, укротил свой порыв и с улыбкой склонился перед королевой. Повернувшись к Кайе, рыцарь прижался губами к ее шее и положил руку ей на бедро, а потом произнес так тихо, что она одна могла расслышать его:

– Что принадлежит тебе, однако другие используют это чаще, чем ты?

От прикосновения его губ Кайю пробирала дрожь. Она открыла рот, чтобы заговорить, но Ройбен покачал головой и отнял руку, проведя большим пальцем по подбородку девушки.

– Подумай об этом.

Отпустив Кайю, Ройбен неспешно отошел к остальным рыцарям.

Три существа в белых одеяниях бросили Кайю в центр круга и осторожно взяли за кандалы руками, защищенными толстыми перчатками. Сначала они приковали девушку за лодыжки, потом за запястья. Железные оковы несильно жгли кожу Кайи.

Четыре рыцаря Зимнего Двора встали с четырех сторон круга, отмечая север, юг, запад и восток. Ройбен стоял с южной стороны, в ногах девушки. В глаза ей он не смотрел.

«Что принадлежит тебе, однако другие используют это чаще, чем ты?»

Четыре приземистых коренастых человечка установили перед каждым из рыцарей по жаровне, мерцающей зеленым огнем. Человечки стояли на коленях, удерживая жаровни на спине, как живые подставки.

Лисомордый слуга королевы вскинул обе руки, и в бру воцарилась тишина. Сверхъестественная тишина. Кайя искала в толпе знакомые лица. На мгновение ей показалось, что она видит Шипа, однако она могла и ошибаться. Здесь было слишком много народа.

Все больше зеленых огней, отбрасывающих странные тени, зажигались по окружности бру. Где-то за пределами круга начал бить барабан.

Зимняя королева заговорила, и ее голос эхом отдавался в тишине:

– Мы собрались в эту священную ночь для того, чтобы выполнить свой священный долг. Сегодня мы, те, кто правит, преклоняем колени.

Весь Зимний Двор единым движением опустился на колени. Остались стоять только вольные фейри. На колени встала даже королева, ее платье растеклось вокруг нее, словно черная лужа.

– Мы, Зимний Двор, хранители тайн земли, властители по крови и плоти, предлагаем добровольную жертву в обмен на добровольное

повиновение тех, кто обитает в наших землях.

«Очевидно, никого не заботит, что добровольная жертва скована цепями», – подумала Кайя. Медленный бой барабана сводил с ума – столь жутким был контраст с ударами ее сердца, которое словно стремилось разбиться о грудную клетку.

Зимняя королева продолжала говорить:

– Какую жертву мы предлагаем?

– Смертную кровь. Смертный дух. Смертную страсть, – в один голос ответил Двор.

В толпе недалеко от королевы Кайя наконец-то заметила Корни, с отрешенным лицом стоящего рядом с Нефамаэлем. Светло-русые волосы Корни были подстрижены короче, чем обычно, и зачесаны вперед. Лицо его казалось худым и незащищенным с новой прической и без очков. Он был одет в синий бархат, изукрашенный вышивкой, как будто после окончания жертвоприношения собирался играть в пьесе времен короля Иакова.

Нефамаэль не сводил с Кайи тяжелого пристального взгляда своих желтых глаз. Девушка надеялась, что он скоро начнет действовать.

Кайя попробовала действие своей собственной магии, пытаясь сдернуть с себя ореол. Однако он оказался тяжелый, словно мокрая простыня, и не поддался. Кайя даже не ощущала свои крылья.

– Что мы просим взамен? – звенел голос Зимней королевы, прекрасный и ужасный.

– Повиновения. Покорности. Подчинения.

Переведя взгляд, Кайя встретила глазами с Ройбеном. Он стоял на коленях, произнося слова ритуала, и глаза его блестели – он явно пытался что-то сказать ей.

«Что принадлежит тебе, однако другие используют это чаще, чем ты?»

Очевидно, что перед ней стояла еще одна загадка. Что принадлежит тебе? Если говорить языком загадок, то это что-то неотъемлемое: тело, мозг, дух. Кайя была совершенно уверена, что пользуется всем этим куда чаще, нежели позволяет кому-либо еще.

– Мы вопрошаем: понимаете ли вы, какой договор мы заключаем?

На сей раз заговорили вольные фейри, однако их хор не был слаженным и голоса звучали вразнобой, словно повторяя друг за другом:

– Мы понимаем.

Кайя решила искать отгадку в прошлом. Ройбен хотел, чтобы она что-то сделала. Загадка касалась того, что она уже знала.

Вновь посмотрев в напряженное лицо Ройбена, Кайя вдруг поняла, что он хотел ей сказать, и от этого осознания у нее перехватило дыхание.

«Что принадлежит тебе, однако другие используют это чаще, чем ты?»

Твое имя.

Голос Зимней королевы разбил сосредоточенность Кайи. Никневин говорила в унисон с далеким биением барабана:

– Принимаете ли вы эту смертную в жертву?

– Мы принимаем ее.

Кайя вновь огляделась по сторонам, теперь уже в настоящей панике. Черт побери, что он от нее хочет, для чего она должна использовать его имя? Огромный бру был полон народа. Он действительно считает, что сможет как-то вывести ее отсюда?

– Вы связываете себя этим договором?

– Мы связываем себя, – на сей раз одним дыханием отозвались вольные фейри.

Кайя не удержалась и отчаянно дернула цепи. Охватившая ее паника возрастала, превращая кровь девушки в жидкий лед.

– Каковы условия вашего служения?

Близился рассвет. За кругом зеленых огней Кайя видела слабый алый отблеск.

– Семь лет продлится наше служение.

Королева воздела вверх кинжал:

– Да будет договор скреплен кровью.

Никто не намеревался спасти ее. Кайя с силой потянула за цепи, рванув их всей тяжестью своего тела, однако наручники были слишком узкими, и основание ладони не могло проскользнуть сквозь них. Жжение от железа усилилось. Зимняя королева казалась удивленной. Кайя смутно осознала, что фейри, должно быть, считали свою жертву по-прежнему околдованной и потому принимали ее спокойствие и молчание как должное.

Девушке удалось подавить панику и сосредоточиться на своих мыслях. Она должна использовать имя Ройбена. Но она и понятия не имела, что ему приказать.

Какой-то особый приказ... спаси меня... прекрати это... выведи меня отсюда?

Ройбен пристально смотрел на нее.

Зачем, черт его возьми, это ему от нее понадобилось? В этом не было ни капли смысла, однако больше не было времени на раздумья.

– Рат Ройбен Рай, разбей мои оковы!

Голос Кайи был негромок, слова приходили неведомо откуда, словно сам страх нашептывал ей. Ройбен выхватил свой узкий меч, и тотчас же в бру поднялся невероятный шум. Помедлив несколько мгновений, рыцарь вдруг улыбнулся. Это была мрачная, пугающая улыбка – такого жуткого выражения лица Кайе прежде видеть не доводилось.

Но не успел Ройбен ступить в круг, как три остальных рыцаря набросились на него. Тяжелый меч рыцаря в зеленом лягнул о клинок Ройбена, и в тот же момент одетый в красное фейри ударил со спины. Ройбен с невероятной быстротой обернулся, и его меч рассек лицо красного рыцаря. Тот схватился за глаза, пошатнулся, оружие выпало из его рук на пол.

Ройбен парировал удар третьего рыцаря – женщины, вооруженной боевой секирой, но слишком поздно. Лезвие глубоко вонзилось ему в правое плечо с такой силой, что, похоже, разрубило плоть до кости.

Задышавшись от боли, Ройбен сделал шаг назад, правая рука с мечом бессильно повисла, кончик клинка царапал серебристую поверхность круга. Однако Ройбен успел вскинуть оружие и пронзить

грудь зеленого рыцаря, бросившегося вперед. Рыцарь завалился на бок и замер недвижно. Клинок оставил в его доспехах лишь небольшое отверстие, но из этого отверстия струей била кровь.

Ройбен и женщина-рыцарь кружились, обмениваясь пробными выпадами. Их оружие не очень подходило для схватки: его меч был слишком легким, а ее секира неуклюжей. Однако оба противника были достаточно опытными, чтобы это им не мешало. Женщина взмахнула секирой, метя скорее в руку, чем в тело, и надеясь застать Ройбена врасплох. Он шагнул вбок, уклоняясь от ее удара, и попытался достать ее широким взмахом меча.

Остальные воины Зимнего Двора понемногу подбирались ближе. Кайя не могла сосчитать их – их было слишком много, к тому же разных видов: тролли, гоблины, красношапы... Королева стояла неподвижно с плотно сжатыми губами.

Кайя с силой потянула за цепи, выгнувшись дугой. Но оковы не поддавались.

Вокруг раны на плече Ройбена расползлось темное пятно. И хотя ему удалось повергнуть свою противницу на колени сильным ударом в бок, его уже окружили десять новых врагов. Ройбен двигался так быстро, что трудно было уследить – вот он парировал чей-то выпад, вот отсек когтистую лапу, вонзил клинок в чей-то незащищенный живот...

Но число врагов не убывало, на смену павшим приходили новые.

Кайя вывернула шею так сильно, как только смогла, и плюнула себе на руку, чтобы кисть могла выскользнуть из наручников.

– Нет, нет, нет... – бормотала девушка. Теперь королева что-то кричала, но Кайя не могла разобрать ее слов сквозь звон клинков и вопли зрителей.

Какая-то маленькая фигура опустилась рядом с Кайей на серебристый круг. Это был Шип, который начал ковырять наручники маленьким ножом.

– Это все очень плохо, – прошептал малорослик. – Ох, Кайя, все так плохо!

– Он же погибнет! – воскликнула девушка.

И тут вдруг ее осенило. Из всех сил Кайя закричала:

– Рат Ройбен Рай, беги!

Зимняя королева обернулась на крик и двинулась к Кайе. Лицо Никневин пылало яростью, губы шевелились, произнося какие-то слова, однако девушка по-прежнему не слышала их.

Ройбен, стоя спиной к Кайе, нанес удар еще одному противнику. Пленница не поняла, слышал ли он вообще ее приказ. А быть может, уже пытался спастись бегством, но не мог продвинуться дальше.

– Быстрее, Шип, – поторопила Кайя, стараясь сдержать инстинктивное желание рвануться, как попавшее в ловушку животное. Однако этим она наверняка лишила бы Шипа всяких шансов отомкнуть замки на кандалах.

Нахмутив брови в неистовом сосредоточении, маленький человечек продолжал возиться с замком, его пальцы, касаясь железа, покрывались ожогами. Внезапно он отлетел в сторону, словно отброшенный ударом невидимой руки.

– Раньше ты была забавнее, а теперь мне это наскучило.

Королева Зимнего Двора поставила ногу в изящной туфельке на горло Кайе. Девушка захрипела – ей не хватало воздуха, а маленькая ножка все сильнее давила, и казалось, шея вот-вот сломается...

Затем госпожа Зимнего Двора начала падать... На лицо Кайи брызнули капли крови, а потом на нее рухнуло тело королевы. Щека Никневин коснулась железа, и послышалось отвратительное шипение. Королева была мертва.

Ройбен смотрел на Кайю сверху вниз темным диким взглядом. Губы и подбородок рыцаря были окровавлены, однако Кайя не думала, что это его кровь. Ройбен вскинул меч, и Кайя едва успела вскрикнуть, как он обрушил клинок на цепи, сковывавшие ее лодыжки. Удар оказался так силен, что металл зазвенел подобно колоколу.

Шип снова подполз поближе, ткнул кулаком неподвижное тело Зимней королевы и что-то пробормотал себе под нос. Весь двор вдруг разом умолк.

Внезапно воздух вокруг Кайи покрылся рябью. Она чувствовала, как вокруг нее коконом скручивается магия и кандалы, все еще сжимающие запястья и лодыжки, начинают жечь плоть невыносимой силой. Кожа девушки внезапно стала тесной и горячей

и лопнула, как это случилось на лужайке с клевером. Крылья вырвались из-под прятавшей их тонкой кожи как раз в тот миг, когда Ройбен ударил мечом по цепи, удерживавшей правую руку Кайи.

Глаза рыцаря расширились, он отшатнулся назад. Он был настолько потрясен, что не успел отразить удар, нанесенный ему очередным красношапом. Ройбен увернулся поздно, и кривой нож красношапа резанул его по бедру.

Без защиты мощного ореола железо обжигало запястья и лодыжки Кайи, словно было накалиено докрасна. Завывая от боли, девушка пыталась избавиться от оков или сбросить с себя тело королевы.

Шип опомнился и снова принялся за кандалы. Ему удалось открыть замок наручника, оставшегося прикованным к цепи. От прикосновений железа на коже Кайи вздулись пузыри.

– Нам нужно уходить! Шевелись! – Шип тянул Кайю за руку, лицо его было бледным от страха.

Вокруг них бушевал хаос. Кайя не соображала, кто из этих созданий, сошедшихся в схватке, – враг и были ли у нее здесь вообще друзья, если не считать Шипа, пытающегося силой поднять ее на ноги. И Ройбена, чей меч, описав дугу, обрушился на копье, которым угрожало пятнистое существо с золотыми глазами.

По правой руке рыцаря стекала кровь, левая штанина тоже промокла от крови. Кайя видела, что ему уже трудно двигаться легко и быстро.

Девушка попыталась отвлечься от боли, причиняемой железом, и сосредоточиться на том, чтобы встать.

– Мы не можем оставить его здесь.

Град сосновых шишек разлетелся вокруг них; падая, шишки взрывались огненными искрами.

– О нет, можем, – возразил Шип, решительно дернув ее за руку. – Лучше, чтобы он тебя больше не встречал, после того как ты использовала его имя таким вот образом.

– Ты не понимаешь, – ответила Кайя, зная, однако, что это она не понимает значения произошедшего. Именно она, хотя и пыталась притворяться, что понимает все. Ройбен знал, с самого начала знал,

что предлагает ей в дар свою жизнь.

«Ты идиот!» – хотела заорать она.

– Рат Ройбен Рай, я приказываю тебе убратся из этого гребаного места вместе со мной и Шипом сейчас же! – закричала Кайя во весь голос, видя, что сейчас он близко и услышит ее.

Ройбен обернулся, в его глазах полыхала ярость. Казалось, всю эту ярость он направил в свой меч, потому что следующим же ударом рассек горло золотоглазому фейри.

Кайя с трудом поднялась на ноги, стараясь не упасть и не лишиться сознания. Колени у нее дрожали, запястья и щиколотки горели, а вкус и запах железа заполнили рот и нос.

А затем Ройбен схватил Кайю за руку окровавленной ладонью и потащил сквозь толпу. Он заставлял ее бежать, и Шип, с трудом поспевая, мчался рядом с ними.

Когда они выбежали из бру, перед ними выросла несуразно высокая бледно-серая фигура, но молниеносный удар меча поверг неведомого врага наземь.

Беглецы оказались на кладбище, они мчались вниз по выложенной галькой дорожке, мимо искусственных венков на могильных плитах, спотыкались о сплюснутые банки из-под пива, вдавливали в землю окурки. Кайе казалось, что все эти приметы обыденности – талисманы, которые не дадут чудовищам из-под холма преследовать их.

До тех пор, пока она не осознала, что она сама – одно из таких чудовищ.

Глава 11

*– Но прежде следует мне знать
– Ты друг иль враг?
– О нет, пусть будет так как есть,
Пусть будет так.
Лишь будем помнить об огне,
В тебе горящем и во мне.*

Уильям Батлер Йейтс. «Маска»

Кайя, пошатываясь, брела по подъездной дорожке. Автомобиль матери, припаркованный у дома, выглядел одновременно знакомо и странно, как будто он был деталью картины, которую можно повернуть так и эдак, но она все равно останется плоской, двумерной. Дверь черного хода казалась вратами, соединяющими миры, и Кайя, даже подойдя вплотную, не была уверена, что ей позволено пройти в эту дверь и оказаться в кухне.

Усталость ее перешла всякие пределы, теперь девушка ощущала лишь странное онемение во всем теле.

Ройбен прислонился к стволу вяза и прикрыл глаза, безвольно свесив руку, которая все еще сжимала обнаженный меч. Он чуть заметно дрожал, и здесь, в окружении привычных вещей, кровь, пропитавшая его одежду, выглядела нереально и в то же время ужасно.

И в этот момент с одного из деревьев спорхнула Люти. Она дважды облетела вокруг Кайи, потом присела ей на плечо и чмокнула девушку в потную шею. Это удивило Кайю, и она отстранилась от неожиданного прикосновения.

– Страшно, очень страшно, страшно, страшно, страшно, – безостановочно твердила Люти под самым ухом Кайи.

– Мне тоже, – ответила девушка, накрыв ладонью дрожащее тельце фейри.

– К наступлению ночи о тебе будет сложено множество песен, – заметил Шип, глаза его сияли от гордости.

– Их было бы вдвое больше, если бы я умерла, как вы запланировали, верно?

Глаза Шипа широко распахнулись.

– Мы никогда...

Кайя прикусила губу, проглотив поток истерических обвинений и рыданий, готовых вот-вот вырваться из ее горла.

– Если Нефамаэль и собирался снять с меня ореол, то только с моего мертвого тела.

– Отпусти меня, пикси, – произнес Ройбен. Он смотрел на них пустым взором, от которого у Кайи все сжалось внутри. – Я был безрассуден. Я не буду держать зла ни против тебя, ни против твоих друзей, но это глупое положение должно завершиться немедленно.

– Я не хотела этого... твоё имя. Я не собиралась снова использовать его. – Кайя протянула руку, чтобы коснуться его рукава.

Эффект был неожиданный. Ройбен схватил девушку за запястье и с силой вывернул его. Люти вскрикнула и спорхнула с плеча Кайи.

В голосе рыцаря не было ни ярости, ни сарказма, ни ненависти. Голос этот был таким же неживым, как и глаза Ройбена.

– Если ты желаешь, чтобы я терпел твои прикосновения, ты должна приказать мне это.

И затем он отпустил ее руку так резко, словно она была сделана из железа. Кайя дрожала: она чувствовала себя слишком испуганной, чтобы заплакать, и слишком ничтожной, чтобы заговорить.

Шип смотрел на нее широко раскрытыми глазами, и голос его звучал ровно, будто он пытался объяснить что-то помешанной.

– Ладно, Кайя, скажи ему, что он может уйти. Он обещал, что не будет держать зла, – это щедрый жест с его стороны.

– Нет, – ответила девушка, громче, чем намеревалась.

Все с изумлением уставились на нее, а глаза Ройбена потемнели.

Она должна была объясниться. Кайя повернулась к Ройбену, следя за тем, чтобы не коснуться его.

– Пойдем в дом. Там ты сможешь промыть свои раны. Я просто хочу объяснить. Вечером ты сможешь уйти.

В глазах рыцаря теперь горел гнев. В какой-то миг Кайя решила, что он убьет ее, прежде чем она успеет выкрикнуть его имя. Затем подумала, что сейчас он развернется и пойдет прочь, и пусть только она посмеет его остановить. Но Ройбен не сделал ни того ни другого.

– Как скажете, госпожа моя. Я бы предпочел, чтобы никто более не узнал, как меня называть.

Слова, слетавшие с его языка, ранили девушку куда сильнее, чем она ожидала.

Шип, моргая, смотрел на Зимнего рыцаря, не в силах сдержать дрожь. Люти наблюдала за ними, укрывшись на ветке вяза.

– Ведьма Чертополоха должна будет знать, что случилось сегодня ночью, – медленно промолвил Шип.

– Идемте, – сказала Кайя. – Мы поговорим об этом попозже.

Она достала запасной ключ, лежавший под пустой бутылкой из-под отбеливателя, и, стараясь действовать как можно осторожнее, отперла дверь. В доме царила тишина.

Ройбен вслед за Кайей вошел в кухню. Он осторожно прикрыл дверь, а потом налил в грязный стакан воды из-под крана и начал жадно пить, сильно запрокинув голову назад, так, что на шее выступили сухожилия. Зрелище это было настолько... неожиданным, что Кайя замерла и уставилась на него. Должно быть, он почувствовал взгляд девушки, потому что, допив воду, повернул к ней голову.

– Прошу прощения, – произнес рыцарь.

– Да нет, пей. Я просто собиралась сделать кофе. А ванная комната вон там, – указала пальцем Кайя.

– У тебя есть соль? – спросил Ройбен.

– Соль?

– Для раны на ноге. Я не знаю, что можно сделать с плечом.

Кайя пошарила в бабушкином шкафчике со всякими специями и протянула рыцарю банку с английской солью.

– А не лучше будет залить йодом или чем-нибудь вроде этого?

Ройбен лишь угрюмо покачал головой и направился в ванную.

Через несколько минут он вернулся, создав себе более человеческий ореол. Как и раньше, волосы его теперь были скорее белыми, нежели серебристыми, черты лица стали менее угловатыми, а уши не такими острыми. Рубашку он снял, и Кайя в замешательстве рассматривала сплетения шрамов на его груди. Должно быть, Ройбен нашел бинты – под штаниной на раненой ноге выступали очертания повязки.

Кайя дрожащими руками разлила кофе в две кружки. Положив в одну из кружек сахар, она вопросительно посмотрела на Ройбена. Тот кивнул и кивнул еще раз, когда Кайя предложила молока.

– Когда я впервые встретила тебя, я не знала, что я фейри, – выговорила девушка.

Рыцарь приподнял бровь.

– Я полагал, ты знала, что ты не человек, когда выманила у меня поцелуй.

Кайя ощутила, как лицо заливают краски, и молча кивнула.

– Вопрос, конечно же, в том, действительно ли ты помогла мне в лесу только ради того, чтобы узнать мое имя?

Кайя пошатнулась, неприятные ощущения в желудке усилились. Если он думал именно так, то неудивительно, что он был в такой ярости.

– Я никак не могла знать, что ты собираешься мне предложить. Я просто хотела прогнать тебя тогда из закуской... и... я знала, что фейри не любят выдавать свои истинные имена.

– В один прекрасный день кто-нибудь отрежет тебе чересчур острый и умный язычок, – хмыкнул Ройбен.

Кайя прикусила нижнюю губу, стараясь сделать себе как можно больнее. А чего она ожидала – признания в любви? После одного-единственного наполовину искреннего поцелуя?

Девушка устремила взгляд на стоящую перед ней кружку с горячим кофе. Она знала, что если сделает хоть глоток, то ее стошнит.

Ей нужна сигарета. На спинке стула висела куртка Эллен, и Кайя пошарила в карманах куртки, ища сигареты и зажигалку. Не обращая внимания на изумленный взгляд Ройбена, девушка зажгла сигарету и глубоко затянулась.

Дым обжег ее легкие подобно пламени. Кайя неожиданно упала на колени на грязный кухонный пол, отчаянно кашляя и задыхаясь. Сигарета, выпавшая из рук, прожгла линолеум.

Ройбен придавил сигарету подошвой сапога и подался вперед, наклонившись над Кайей.

– Что это ты делаешь?

– Я хотела покурить, – ответила она, сев на пол.

Глаза Кайи увлажнились от судорожного кашля, и девушка больше не могла сдерживать слезы. Это было глупо – так лишиться душевного равновесия, однако Кайя сидела, рыдала и чувствовала себя ужасно. Она еще никогда так не плакала.

– Это яд, – скептически заметил Ройбен. – Даже Железнобокие от него умирают.

– Я знаю.

Кайя уткнулась лицом в собственные колени, вытирая мокрые щеки о платье и жалея, что не отпустила Ройбена, когда он об этом попросил.

– Ты устала, – произнес рыцарь с тяжким вздохом, выразившим, должно быть, раздражение. – Где ты спишь? Тебе следовало бы подумать об ореоле. – Лицо его было бесстрастным, на нем не отражалась ни одна эмоция.

Окончательно размазав слезы по щекам, Кайя кивнула.

– А ты тоже устал?

– Вымотался. – Ройбен не улыбнулся, но лицо его стало чуть менее напряженным.

Они тихонько поднялись по лестнице. Новая острота чувств была для Кайи совершенно непривычной. Она слышала, как мать во сне посвистывает носом и как негромко, приглушенно дышит бабушка. Наверху пахло крысами, из ванной несло всякой бытовой химией, в основном мылом и освежителем воздуха. Кайя чувствовала

даже запах жирной пыли, покрывавшей почти все поверхности в доме. И каждый запах улавливался отдельно от остальных; такого Кайя никогда еще не испытывала.

«Не обращай внимания», – сказала она сама себе. Все было точно так же, как в прошлый раз, когда она сняла с себя плотный ореол. Это лишь дополнение к тому, что она не может коснуться половины металлических предметов в этом доме, а одна затяжка сигаретой едва не заставила ее вывернуться наизнанку.

Они вошли в ее спальню, и Кайя повернула в замке старомодный ключ, запирая дверь. Она никак бы не смогла объяснить бабушке присутствие Ройбена, не важно, носит ли он ореол или нет.

– Что ж, я видела твою комнату, – сказала девушка. – Теперь ты увидишь мою.

Переступая через разбросанные по комнате вещи, Ройбен подошел к лежащему на полу матрасу и уселся на него. Кайя порылась в пластиковых мешках и нашла грязное зеленое одеяло, многократно прожженное сигаретами. Розовое одеяло, под которым она обычно спала, уже лежало на матрасе, и Кайя надеялась, что оно не слишком пропахло потом.

Ройбен стянул сапоги и окинул глазами комнату. Кайя видела, как его взгляд остановился сперва на клетке с крысами, потом на грудях одежды, книг и журналов, валяющихся на полу.

– Тут полный кавардак. – Кайя села на пружинный матрас на свою белую детскую кроватку.

Она заморожено наблюдала, как Ройбен вытягивается во весь рост на ее матрасе и как двигаются под его кожей сильные мышцы. Даже сейчас, измотанный, раненый, закутанный в розовое стеганое одеяло, Ройбен выглядел опасным соперником.

– Что ты сделала с ней? – Рыцарь смотрел из-под серебристых ресниц, прикрыв тяжелые веки.

– С кем?

– Та девушка, которой действительно принадлежит эта комната, – что ты с ней сделала?

– Да чтоб тебе! – фыркнула Кайя, разозлившись, и ей расхотелось убеждать его в чем бы то ни было. Даже в том, как

сильно она жалеет о том, что все так вышло.

– Ты думала, я поверю слезам пикси? – Ройбен отвернулся, так что Кайя больше не видела его лица.

Невысказанные ругательства кололи Кайе язык. И Ройбен, и она слишком измотаны. Ей повезло, что он все еще с ней разговаривает.

Девушка так устала, что не могла уснуть. Вместо этого она смотрела на Ройбена: как он мечется и вертится во сне, плотнее закутываясь в одеяло и сбивая простыню, как расслабляется во сне его утомленное лицо, как он прижимает подушку согнутой рукой...

Никогда раньше Ройбен не казался Кайе таким реальным, как в этот момент: волосы растрепались и спутались, одна босая ступня свисает с края матраса и лежит на библиотечной книге, которую Кайя так и не удосужилась сдать.

Но Кайя не желала думать о нем как о настоящем. Она вообще не желала о нем думать.

Кайя проснулась, потому что кто-то тряс ее за плечи. Она заморгала, изумляясь тому, какими резкими выглядели все тени в комнате – как нарисованные. Ройбен сидел рядом с ней на жестком пружинном матрасе, и пальцы его с такой силой впивались в плечи Кайи, что наверняка оставили синяки.

– Кайя, скажи мне, что ты собиралась сказать, – потребовал Ройбен. Глаза его светились в полутьме.

Девушка попыталась стряхнуть остатки сна. Все в этой сцене казалось нереальным, в особенности лицо Ройбена, выражающее боль.

– Ты собиралась сказать мне, что была фейри, – настаивал он. – Но тогда на это не было времени.

Кайя кивнула, все еще не проснувшись до конца. В присутствии Ройбена вся комната словно сжималась, и было невозможно смотреть куда-либо, кроме как ему в глаза.

– Скажи мне, – промолвил он и отпустил плечи девушки.

Руки его потянулись к ее волосам, и он откинул пряди, упавшие на лицо Кайи, неуклюже пригладив их.

– Я не имела в виду... что я хотела, – беспомощно пробормотала Кайя, не в силах подыскать слова.

Руки Ройбена замерли. На этот раз голос его был низким и негромким.

– Заставь меня в это поверить.

– Не могу, – ответила Кайя. – Ты же знаешь, что я не могу.

– Засыпай снова, Кайя, – мягко произнес Ройбен, уже не касаясь ее, его сжатые в кулаки руки лежали на коленях.

Кайя приподнялась на локтях, смутно осознавая, что должна остановить его, прежде чем он встанет с кровати.

– Давай я покажу тебе, – сказала она и подалась вперед, прижавшись губами к его губам. Ройбен, не сопротивляясь, позволил ей целовать его, как будто он мог распробовать правду у нее на языке.

Несколько секунд спустя он осторожно отодвинулся от нее и произнес, печально улыбнувшись:

– Это совсем не то, что я имел в виду.

Кайя снова улеглась на кровать. Щеки ее горели. Теперь она полностью проснулась и испытывала острое отвращение к себе.

Ройбен соскользнул с кровати на пол. Он смотрел мимо Кайи, на полоску света, пробивавшуюся сквозь пыльные пластиковые жалюзи.

Повернувшись на бок, Кайя глядела на него. Пальцы ее нервно ковыряли каплю воска, застывшую на одеяле.

– Я ответила на загадку. Я думала, что королева отпустит меня и так, и все равно ответила.

Ройбен резко вскинул на нее удивленный взгляд.

– Почему ты так считала? Почему?

Кайя хотела объяснить все как можно понятнее и старалась, чтобы голос ее звучал абсолютно ровно и искренне. Ройбен внимательно слушал ее.

– Потому что все не должно было случиться так, как случилось. Я даже не собиралась использовать тебя вот так... ты не должен был бы...

– Радуйся, что я это сделал, – ответил рыцарь, но голос его звучал мягко. – Странно видеть тебя такой.

Протянув руку, Ройбен провел кончиками пальцев по подбородку Кайи. Кайя вздрогнула.

– Какой?

– Зеленой, – ответил он.

Глаза его напоминали туман или дым, и когда Кайя смотрела в эти глаза, она теряла присутствие духа. Он был слишком прекрасен. Она боялась разрушить его обаяние случайным прикосновением.

Когда Ройбен снова заговорил, голос его был необычайно тихим:

– Я пресытился убийствами, Кайя.

Она не могла сказать, выразил ли он скорбь о прошлом или мольбу о будущем.

Ройбен улегся на матрас и натянул одеяло на плечи, а Кайя принялась рассматривать паутину, качавшуюся на сквозняке, который проникал сквозь щели в старых оконных рамах. На грани ее сознания звучали слова и фразы, которые она слышала, хотя они не были произнесены вслух. Она видела шрамы, тянущиеся вдоль и поперек его груди, десятки отметин – бледных полосок с розоватыми краями.

Девушка представила себе Зимний Двор, каким она видела его в ту ночь, когда проникла под холм вместе с Корни, но только теперь все смотрели на новую игрушку – Летнего рыцаря с серебряными волосами и дивными глазами.

– Ройбен? – прошептала Кайя в тишину комнаты. – Ты еще не спишь?

Но если даже он еще не спал, то ничего ей не ответил.

В следующий раз она проснулась от стука в дверь.

– Кайя, тебе пора вставать. – В голосе матери звучало напряжение.

Кайя застонала и с трудом разогнулась. Мало того что ей пришлось спать в неудобной позе на слишком короткой кровати и металлические пружины буквально впивались в спину.

Мать продолжала стучать в дверь.

– Твоя бабушка убьет меня, если ты пропустишь еще один день занятий в школе. Открой дверь!

Кайя выползла из постели, споткнулась о Ройбена и повернула ключ в замке.

Ройбен сел на матрасе, щурясь спросонья.

– Ореол, – хрипло выговорил он.

– Черт! – Она едва не открыла дверь вся зеленая, с огромными крыльями за спиной.

На секунду сосредоточившись, Кайя направила энергию в ладони, почувствовав биение в кончиках пальцев. Она сконцентрировалась на своей внешности – чертах лица, глазах, коже, волосах, крыльях. Запястья и лодыжки все еще болели, и девушка убедилась, что ореол прикрывает бледные полосы, оставленные железом.

Затем она отворила дверь.

Эллен посмотрела на нее, а затем бросила взгляд за спину девушки, на Ройбена.

– Кайя...

– Сегодня Хэллоуин, мам, – напомнила Кайя, стараясь говорить жалобным голосом.

– Это кто?

– Робин. Мы были совершенно никакие, просто не было сил куда-либо ехать. Не смотри на меня так – мы даже не спали с ним в одной постели.

– Рад познакомиться с вами, – пробормотал Ройбен.

В данной ситуации его любезность прозвучала как пьяная шутка, и Кайя почувствовала неодолимое желание расхохотаться.

Эллен подняла брови.

– Ну ладно, вам надо проспаться. Смотри только, чтобы это не вошло в привычку, – сказала она. – И если будете блевать, то уберите за собой.

– Лады, – зевнула Кайя, закрывая дверь. Если учесть, сколько ей

пришлось убирать за матерью в последние шестнадцать лет, то делать ей такие замечания было совершенно неуместно, однако Кайя слишком устала, чтобы заострять на этом внимание.

Несколько секунд спустя Кайя снова свернулась на пружинном матрасе и провалилась в сон.

Когда Кайя проснулась в третий раз, за окном уже стемнело. Она лениво потянулась и ощутила спазмы в желудке. Кайя протянула руку к лампе, стоящей на прикроватном столике, и щелкнула выключателем. Комнату залил тусклый желтый свет.

Ройбен исчез.

Скомканное розовое одеяло валялось в изножье матраса вместе с двумя подушками.

Простыня, которой был застлан матрас, сбилась на одну сторону – похоже, Ройбен спал беспокойно. Никаких намеков на то, куда он ушел; никаких прощальных записок или других знаков.

Что ж, она попросила его остаться только до вечера. И когда стемнело, он волен был уйти.

Кайя яростно содрала платье феи через голову и швырнула его на пол, к прочим вещам, предназначенным в стирку. Потом она натянула первую попавшуюся под руку одежду – белую футболку и клетчатые брюки с молниями по боковым швам. Потом расплела волосы и наскоро причесала их пальцами. Она должна его найти... и она его найдет...

Кайя замерла, запутавшись пальцами в волосах. Он не хотел, чтобы она последовала за ним. Если бы он хотел и дальше иметь с ней дело, то, по крайней мере, задержался бы, чтобы сказать «до свидания». Она извинилась, и он выслушал ее извинения. Он даже простил ее в некотором роде. Вот и все. Не было причин гоняться за ним, если не считать причиной странное, осторожное прикосновение его ладони к ее щеке или ее поцелуй. И в любом случае, какое значение все это могло иметь? Меньше, чем никакого.

Однако когда она спустилась вниз, оказалось, что Ройбен сидел в гостиной на цветастой кушетке бабушки, а рядом с ним восседала Эллен, одетая в красное платье. Из ее прически выглядывали блестящие заколки, напоминающие чертячьи рожки.

Кайя остановилась на ступенях, ошеломленная абсолютной невозможностью этой сцены и такой же абсолютной ее обыденностью. В гостиной работал телевизор, и его мерцающий голубой свет заострял черты Ройбена, и Кайя не могла определить, носит он ореол или нет.

Ройбен поливал ломти белого хлеба медом из банки, и слой тягучей янтарной жидкости был так толст, что Ройбен не столько откусывал хлеб, сколько проливал мед прямо в рот.

– Спасибо, – с улыбкой произнес он. – Очень вкусно.

На эту вежливую фразу Кайина мать только фыркнула.

– Уж не знаю, как ты можешь это есть. Фу. – Эллен скорчила гримасу. – Слишком сладко.

– В самый раз. – Ройбен улыбнулся и облизнул пальцы.

Улыбка была такой искренней и открытой, что на его лице казалась странной. Кайя подумала, не так ли он выглядел до того, как прибыл к Зимнему Двору?

– Ты, молодой человек, извращенец, – резюмировала Эллен, но Ройбен лишь улыбнулся еще шире.

Кайя задумалась, улыбается ли он шутке или же потому, что слова Эллен соответствуют истине.

Кайя спустилась еще на несколько ступенек, и Эллен подняла на нее взгляд. Ройбен тоже повернулся к ней, но Кайя ничего не смогла прочесть по выражению его пепельно-серых глаз.

– Доброе утро, – произнес Ройбен, и голос его был теплым и тягучим, как мед, который он только что ел.

– Хреново выглядишь, детка, – отметила мать. – Выпей воды и прими аспирин. Ликер обезвоживает организм.

Кайя фыркнула и спустилась до конца лестничного пролета.

На экране телевизора нарисованный Бэтмен гонялся за Джокером по мрачному старому складу. Это напомнило Кайе о заброшенном здании карусели.

– Вы что, смотрите мультики?

– Через десять минут будут новости. Я хочу посмотреть прогноз

погоды. Я собираюсь в Нью-Йорк, поучаствовать в процессии. Кстати, дорогая, я вчера видела Лиз и рассказала ей, как у тебя дела и все такое. Она сказала, что у нее для тебя есть кое-что.

– Ты видела Лиз? Я думала, ты на нее злишься.

– Да нет. Что было, то прошло. – Эллен была куда счастливее, когда выступала с группой.

– Так она передала мне альбом?

– Нет, сумку со старыми шмотками. Она собиралась от них избавиться. Все равно ничего из этого на нее уже не лезет. Там, в столовой, такая серая сумка.

Кайя открыла пластиковую сумку. Она была полна блестящих тканей, кожи и лакированного кожзаменителя. И там лежал костюм кошки, такой же пурпурный и сверкающий, как в ее воспоминаниях. Кайя благоговейно вытащила его на свет.

– Почему ты не сказала мне, из-за чего ты на самом деле не хочешь ехать в Нью-Йорк? – Эллен многозначительно посмотрела в сторону Ройбена.

Тот старательно сохранял на лице отсутствующее выражение.

Кайя не могла собраться с мыслями, чтобы ответить.

– Вы будете кофе или еще чего-нибудь?

Мать пожала плечами.

– В кухне еще есть кофе. Думаю, он остался с утра. Я могу сделать новый.

– Да нет, сойдет и этот, – отозвалась Кайя.

Она прошла в кухню и налила в чашку черный напиток. Молоко лишь придало ему тошнотворный темно-серый цвет. Кайя положила в кофе несколько ложек сахара и через силу глотнула. Ройбен совершенно не выглядел сердитым; наоборот, казалось, он устроился на кушетке с полным комфортом. Но это не успокоило Кайю, а только усилило внутреннее напряжение. Уже наступил вечер, и вскоре Ройбен должен был уйти. А она желала его и хотела, чтобы он желал ее – пусть даже у нее на то не было ни права, ни причины. И осознание этого было горьким, как кофе, простоявший весь день на кухне.

– Кайя? – Ройбен, держа в руке почти пустую банку из-под меда, прислонился к дверному косяку.

– А, привет, – тупо отозвалась Кайя, поднимая чашку. – Этот кофе действительно плохой. Я сделаю новый.

– Я... яхотел поблагодарить тебя.

– За что?

– За то, что ты объяснила, что произошло. За то, что заставила меня остаться здесь на весь день.

Кайя вылила кофе в раковину, пряча обескураженную улыбку, помимо ее воли возникшую на губах. Налив в турку горячую воду, она поболтала ее, а потом тоже выплеснула в раковину.

– И за то, что ты меня не испугалась, – очень тихо добавил Ройбен.

Кайя фыркнула:

– Ты, наверное, шутишь. Я от тебя в ужасе.

Он улыбнулся ей одной из своих мимолетных головокружительных улыбок.

– Тогда спасибо за то, что скрыла это. Я даже ничего не заметил.

Девушка ухмыльнулась ему в ответ:

– Нет проблем. Я хочу сказать, если бы я знала, что тебе это так нравится и все такое...

Ройбен закатил глаза. Так хорошо было стоять и улыбаться друг другу... Все глупые слова, которые Кайя хотела ему сказать, внезапно собрались у нее на языке, стремясь вырваться наружу.

– Я просто рада, что все позади, – сказала она, нарушив молчание, и насыпала в фильтр несколько ложек молотого кофе.

Рыцарь скептически глянул на нее:

– Позади?

Кайя замерла, не завершив движения.

– Да, позади. Мы здесь, в безопасности, и все кончилось.

– Не хотел бы тебя тревожить, – начал он, – но я очень сомневаюсь...

– Кайя! – позвала из другой комнаты Эллен. – Иди сюда, посмотри. Тут говорят, что медведь гуляет на свободе.

– Минутку, мам, – крикнула Кайя и повернулась к Ройбену. – Что ты имеешь в виду?

– Кайя, мир фейри – это место, в котором царят обычаи жестокие и обязательные. То, что ты сделала, имеет свои последствия.

– Все имеет последствия, – ответила она, – и последствием будет то, что вольные фейри снова свободны, ты свободен, а злая королева мертва. Для меня этого вполне достаточно.

– Кайя, пока ты там болтаешь, оно уже все кончится, – снова позвала Эллен.

Кайя сделала глубокий вдох и прошла в гостиную.

Эллен показала на экран.

– Вот, посмотри-ка на это.

На экране корреспондент, находящийся в Олайрском национальном парке, рассказывал, что там нашли частично обглоданный труп мужчины. По отметинам когтей, говорил корреспондент, полиция предположила, что это дело лап медведя.

– Что-то есть захотелось, – пробормотала Кайя.

Корреспондент продолжал вещать полным драматизма голосом; его черные с проседью волосы, зачесанные назад, лежали просто идеально.

– Собаку убитого обнаружили возле тела, ее поводок был по-прежнему намотан на руку хозяина. Она жива и, похоже, невредима. Собаку увезли сотрудники Общества защиты животных в Вест-Лонг-Брэнч и теперь ожидают, когда за ней явятся родственники погибшего.

– Интересно, что это за собака, – сказала Кайя Ройбену, вошедшему в гостиную.

Эллен скорчила гримасу.

– Мне нужно закончить макияж. Кайя, ты не посмотришь, какая будет погода? Мне интересно, ожидается ли в Нью-Йорке дождь. Прогноз должен быть вот-вот.

– Конечно, – ответила Кайя, вытягиваясь на кушетке.

На экране тот же самый диктор предупреждал о том, что на свободе бродит опасное животное, и приводил множество неподтвержденных сообщений о пропаже детей, в том числе и младенцев. Согласно нескольким сообщениям, дети пропадали прямо из своих кроваток, из колясок, с качелей на детских площадках. Однако никто ничего не видел, если не считать медведя.

Представитель зоопарка «Попкорн» толкал речь на пресс-конференции. Седовласый мужчина методично протирал свои очки и едва ли не со слезами в голосе объяснял, как трудно было определить, какое животное сбежало, поскольку сегодня утром все звери в зоопарке почему-то оказались не на своих местах. Тигры съели нескольких лам, прежде чем их удалось отсадить в другие клетки. Олень очутился в вольере для мелких птиц и получил стресс в таком тесном пространстве. Представитель зоопарка подозревал экстремистскую организацию по защите животных. Он не мог понять, как такое случилось в их прекрасном процветающем зоопарке.

– И другие новости. Сегодня утром неизвестный злоумышленник похитил девушку, возвращавшуюся с занятий в Монмутском университете. Вечером ее освободили – после того, как ей целый день под угрозой пыток пришлось отвечать на различные загадки. В настоящее время она находится в Монмутском медицинском центре, состояние ее оценивается как стабильное.

Кайя резко села на кушетке.

– Загадки?!

– Это то, что сделала ты, – ответил Ройбен, глядя на нее с другого конца полутемной гостиной. – И как тебе нравится первый день из следующих семи лет?

Кайя непонимающе потрясла головой.

На экране показали людей, привязанных к носилкам. Они полностью разделись, водили хоровод в Томпсон-парке и оказали сопротивление полиции, попытавшейся их остановить. Одежду нашли поблизости, а полученные об этих людях сведения не выявили никаких общих связей. Танцорам оказана медицинская помощь в связи с обезвоживанием организма и стертыми ногами.

На заднем плане Кайя отчетливо разглядела широкий круг, образованный огромными поганками.

Девушка провела рукой по лицу.

– Но почему? Я не понимаю.

Ройбен принялся объяснять, расхаживая по комнате:

– Всегда легче делить мир на черное и белое, не так ли? В конце концов, твои друзья добры и мудры, поэтому все вольные фейри должны быть добрыми и мудрыми. Твои друзья питают некоторое уважение к людям, знают и побаиваются их, поэтому все вольные фейри должны следовать их примеру.

Телефонный звонок прервал эту речь, напугав Кайю. Подняв трубку, она спросила:

– Алло?

Это была Дженет. Голос ее звучал подавленно.

– Привет, Кайя.

– Э-э... привет. – Кайя совершенно не ждала звонка от Дженет.

– Я подумала, может быть, ты хочешь пойти потусоваться.

– Что? – переспросила Кайя.

– Серьезно. Мы все сегодня вечером идем на тусовку. Не желаешь присоединиться?

– А ты смотрела новости?

– Нет, а зачем?

Кайя попыталась подыскать объяснение:

– Говорят, где-то на свободе бродит медведь.

– Мы собираемся на пирс. Не глупи. Так ты идешь?

– Дженет, не ходили бы вы туда. Это действительно опасно.

– Ну так не ходи, – фыркнула Дженет. – Кстати, ты не видела моего братца?

Кайя похолодела.

– Корни нет дома?

– Ага, – ответила Дженет. – Со вчерашнего дня.

Кайя не смогла сдержать дрожь. Корни остался под этим проклятым холмом. Она это знала. Девушка в отчаянии посмотрела на Ройбена, но он ответил ей непонимающим взглядом. Он не слышал, что сказала Дженет, и никогда не встречал Корни.

– Увидимся, ладно? – сказала Кайя.

– Конечно. Ну все, пока.

Кайя повесила трубку.

– Кто это был? – спросил Ройбен.

– Брат Дженет остался под холмом... с Нефамаэлем.

Имя Нефамаэля заставило Ройбена застыть на месте.

– Еще какие-то тайны?

Кайя вздрогнула.

– Корни. Он был со мной в ту ночь... когда я была пикси.

– Ты и есть пикси.

– Он был там в ту ночь – тогда, когда ты не знал, что это я, и, когда я ушла, он... встретил... Нефамаэля.

Ройбен лишь вскинул брови, услышав это признание.

– Корни совершенно потерял голову. Нефамаэль делал ему больно, а ему... это нравилось. Он хотел вернуться туда.

– Ты бросила друга-смертного под холмом... одного? – Похоже, Ройбен не мог в это поверить. – У тебя что, совсем нет сердца? Ты же видела, где его оставляешь.

– Ты заставил меня уйти! Я не могла войти обратно в холм. Я пыталась.

– Я думал, мы намеревались быть честными друг с другом. И что же это за честность?

Кайя чувствовала себя совершенно раздавленной.

– Ты знаешь, кто такой Нефамаэль?

Девушка покачала головой. От страха по коже бежали мурашки, все тело странно отяжелело; больше всего ей хотелось провалиться

сквозь землю.

– Он... он тот, кто наложил на меня чары и забрал с собой под холм.

– Когда-то он был лучшим рыцарем Зимнего Двора, до того как его отослали к Летнему Двору как часть платы за перемирие. Его отправили туда, а меня послали к Никневин.

Кайя стояла, словно соляной столп, и думала только о подслушанном ею разговоре между Никневин и Нефамаэлем. Почему она тогда не догадалась обо всем? Что еще мог означать этот разговор?

– Так Нефамаэль по-прежнему служит Никневин?

– Возможно. Но куда более вероятно, что он служит только себе самому. Кайя, ты знаешь, кто составил план того, как сорвать Десятину?

– Ты думаешь, это сделал Нефамаэль?

– Не знаю. Скажи, как твои друзья узнали, что ты пикси, если даже королева Зимнего Двора не смогла увидеть сквозь твой ореол?

– Чертополоха сказала, что помнит, как меня подменили.

– А как получилось, что они знают Нефамаэля?

– Понятия не имею.

– Нам не все известно, Кайя.

– А зачем Нефамаэлю причинять неприятности Никневин?

– Быть может, он хотел отомстить за то, что его отослали прочь. Сомневаюсь, что Летний Двор пришелся ему по вкусу.

Кайя покачала головой.

– Я не знаю. Я должна найти Корни.

– Кайя, если то, что ты сказала, – правда, то ты должна понимать, что его уже может не быть в живых.

Кайя резко вдохнула.

– С ним все в порядке, – возразила она.

Глава 12

И чтобы верили еще ночные маски

*В прозрачность волн морских, в их праздничные
пляски. [\[11\]](#)*

Артур Рембо. «Альмея ли она?»

Только однажды Кайя решила привести другого человека на Стекланную топь. В то лето, когда ей исполнилось девять и Дженет стала постоянно дразнить ее из-за воображаемых друзей, Кайя собралась раз и навсегда доказать, что они реальны. Однако по дороге к топи Дженет наступила на осколок стеклянной бутылки, пропоротивший подошву тапочки и ступню. Они даже не спустились с откоса.

До сих пор Кайе и в голову не приходило заподозрить, что Люти, Шип или даже бедный покойный Хрящ имели к этому отношение.

На улице мелькали огни, в застывшем воздухе далеко разносились крики то ли компании пьяных подростков, то ли кого-то другого – Кайя не могла разобрать.

Ройбен был одет в черные джинсы и футболку. Сверху он накинул длинный плащ, созданный, должно быть, из лунного света и паутины. Кайя была уверена, что этот плащ отнюдь не из гардероба в доме ее бабушки. Волосы рыцарь зачесал назад, однако белая шевелюра придавала ему совершенно нечеловеческий вид, особенно теперь, когда он носил современную одежду.

Кайя подумала, не выглядит ли она сама так необычно? Не было ли в ней чего-то, что всегда настораживало людей? Она всегда считала себя всего лишь странной, и других объяснений не требовалось. Однако, глядя на Ройбена, она засомневалась в этом.

Он глянул на нее искоса, не повернув головы, и поднял брови в безмолвном вопросе.

– Просто смотрю на тебя, – объяснила она.

– Смотришь на меня?

– Я... яподумала, как ты это сделал – ну, одежду.

– А-а. – Ройбен осмотрел себя, как будто не помнил, как одет. – Это ореол.

– Так во что ты одет на самом деле?

Слова сорвались с языка Кайи прежде, чем она успела их обдумать. Она растерянно моргнула.

Похоже, Ройбен не рассердился, а даже одарил ее мимолетной улыбкой.

– А если я отвечу, что ни во что совсем?

– Тогда я замечу, что иногда, если смотреть самым уголком глаза, можно видеть сквозь ореол, – парировала Кайя.

Эта отповедь вызвала у него удивленный смешок.

– Какая радость для нас обоих, что я на самом деле одет в то, в чем ты видела меня сегодня вечером. Хотя замечу, что если посмотреть на твой собственный наряд, то моя скромность должна тебя заботить в последнюю очередь.

Кайя окинула взглядом свой пурпурный виниловый костюм. Она вполне могла надеть его сейчас. В конце концов, Хэллоуин еще не закончился.

– Тебе он не нравится?

– В последнее время ты постоянно задаешь такие вопросы. На них нет подходящего ответа.

Кайя улыбнулась, и улыбка не спешила уходить с ее лица. Они решат все проблемы. Они могут все обсудить. Все будет хорошо.

– Здесь вниз? – спросил Ройбен, и Кайя кивнула.

– Неблагодарно, – только и произнес он, а затем ощупал сапогом раскисшую почву и стал осторожно спускаться вниз с откоса.

Кайя последовала за ним.

Там, где ручей становился глубже, плескались зеленые мужчины и женщины, наполовину погрузившись в воду. Лунный свет падал на их покрытые корой тела.

Несколько созданий заметили Ройбена и ускользнули в омут или

на отмель. Послышался невнятный шепот.

– Кайя! – раздался резкий голос, и девушка обернулась.

На бревне у края воды сидела ведьма Чертополоха. Она жестом пригласила Кайю подойти.

– Под холмом все прошло не очень хорошо.

– Да, – согласилась Кайя, садясь рядом. – Я едва не погибла.

– Тебя спас рыцарь королевы Никневин, разве не так?

Кайя кивнула и подняла взгляд на Ройбена. Он стоял, наполовину скрытый тенью, спрятав руки в карманы плаща, и бросал по сторонам яростные взгляды. Это вызвало у Кайи желание улыбнуться ему, хотя она боялась, что он улыбнется в ответ и тем самым разрушит свой суровый образ.

– Почему ты привела его к нам?

– Если бы не он, я была бы уже мертва.

Чертополоха посмотрела на рыцаря, а потом снова на Кайю.

– Ты знаешь, сколько всего он содеял?

– Разве ты не понимаешь? Королева заставила его сделать это!

– У меня нет ни малейшего желания быть вашим гостем, матушка, – произнес Ройбен, преклонив колено. – Я желал лишь узнать, известна ли вам цена вашей свободы. Тролли и куда более страшные создания в восторге, что у них нет иного господина, помимо их собственных желаний.

– И даже если так, что с того? – спросил Шип, появляясь позади них. – Пусть смертные страдают так же, как страдали мы.

Кайя была потрясена. Она вспомнила, как Люти выражала презрение к смертным девушкам. Эти существа дружили с ней только из-за того, что она была тем, кем была, и ни по какой иной причине. Кайя с силой провела ногтями по облегающей штанине костюма, оставляя крошечные бороздки на пурпурном виниле. Она хотела, чтобы ее друзья были лучше людей, однако они не были таковыми, и она уже не знала, какие они. За последние дни на ее долю перепало слишком много испытаний и тревог: она испытывала адреналиновое похмелье, тревожилась за Корни и волновалась за Дженет.

– Так, значит, теперь вы обратились против нас? Я не говорю о Зимнем Дворе. Но с каких пор смертные стали врагами вольным фейри? – спросила Кайя хриплым от ярости голосом.

Она вновь посмотрела на Ройбена, черпая уверенность в его присутствии, и это тоже встревожило ее. Каким образом он за несколько часов превратился из почти презираемого ею фейри в единственного защитника, на которого она могла положиться?

Рука Ройбена успокаивающим жестом слегка коснулась ее плеча. Кайю позабавило, как Шип вытаращил глаза. Интересно, что, по мнению Шипа, произошло между нею и рыцарем-фейри?

– Ты рассуждаешь как смертная, – возразил Шип.

– Ну и что? Всю свою жизнь, кроме последней недели, я и считала себя смертной.

Шип взъерошил широкие брови и склонил голову набок, сердито сверкая черными глазками.

– Ты ничего не знаешь о фейри. Ты не знаешь, кому должна принадлежать твоя верность.

– Если я не знаю, то потому, что вы мне не говорили. Вы держали меня в неведении и использовали.

– Ты согласилась помогать нам. Ты понимала, насколько важно то, что мы делаем.

– Мы должны сказать вольным фейри, что Никневин не знала о том, кого приносили в жертву. Это нужно остановить, Шип.

– Я не желаю снова быть рабом ради каких-то смертных. Ни для кого вообще.

– Но Зимняя королева мертва.

– Это не имеет значения. Всегда найдется другой властитель, еще хуже предыдущего. И только попробуй испортить все дело. Не смей далее упоминать об этом всем подряд.

– Или что? – мягко спросил Ройбен.

– Это ее не касается, – возразил Шип, нервно теребя пальцами волосатые брови. – Десятина не была завершена. И по какой причине это вышло, не имеет значения. Результат тот же самый. На семь лет все вольные фейри в землях Никневин будут свободны.

– Если они не заключат новый договор.

– Зачем им это делать? – фыркнул Шип. – Я слышал, что с севера прибывает Летняя королева вместе со всем своим двором.

Ройбен замер.

– Зачем она приезжает? – выдохнул он.

Шип пожал плечами:

– Скорее всего, чтобы посмотреть, что она может прибрать к рукам, прежде чем Зимний Двор оправится от удара. Это плохое время для заключения сделок с кем бы то ни было.

– Ты думаешь, Нефамаэль приведет Корни к Летнему Двору? – спросила Кайя у Ройбена.

Тот кивнул:

– Он должен это сделать, если намеревается держать его.

Предположение о том, что Корни уже мертв, если Нефамаэль не собирался этого делать, так и осталось невысказанным.

– Ты знаешь, где их найти? – обратилась Кайя к Шипу.

– В саду, – ответил тот. – В том месте, где люди собирают яблоки. Они должны прибыть туда завтра к рассвету.

Кайя знала этот замечательный сад. Она бывала там во время школьных экскурсий и пару раз вместе с бабушкой.

– Подожди, я пойду с тобой, – сказала Люти, подлетая к Кайе.

Девушка почувствовала, как Люти схватила ее за волосы, стараясь удержаться на плече.

– Извини, – покаянно произнесла маленькая фейри.

– Ройбен, это Лютилу. Лютилу, это Ройбен.

Кайе нравилось, когда он улыбался. Действительно очень нравилось.

– Искренне рад с вами познакомиться, – промолвил Ройбен, прикоснувшись двумя пальцами к маленькой руке Люти.

Кайя шла по тротуару – точно так же, как несколько дней назад.

Сейчас луна шла на ущерб, и ее лик выглядел перекошенным. Брызги, принесенные ветром с моря, оседали на лице и волосах Кайи. Крошечные серебристые искорки поблескивали на эластичном пурпурном виниловом костюме, доставшемся от Лиз.

Беспомощность от сознания того, что она не знает, что случилось с Корни, не давала Кайе покоя. Она хотела идти искать, куда Нефамаэль забрал его, но она даже не представляла, где может находиться хотя бы одно из убежищ Нефамаэля. В итоге она решила все-таки пойти на тусовку. Кайя беспокоилась за Корни и за Дженет, и ей нужно было отвлечься и делать хоть что-нибудь, не важно что.

Грохот музыки внутри заброшенного здания был так силен, что девушка чувствовала, как басовый ритм отдается биением в досках тротуара. Клуб, некогда называвшийся «Галаксия», одной стороной выходил на улицу, а другой – на заброшенный пирс. Несколько лет назад часть пирса сгорела, пожар разрушил игровые павильоны, водный трамплин и «Дом с привидениями». Оставшаяся обгоревшая часть использовалась только для проведения ежегодного городского фейерверка. «Галаксия» когда-то была типичным для побережья Джерси танцевальным клубом с баром, и над дверью все еще красовалась нарисованная краской вывеска, потемневшая от времени и ободранная по краям.

Сегодня сквозь окна виднелись люминесцентные палочки и яркие наряды, мерцающие при вспышках ламп-мигалок. Кайя не знала, снял ли кто-то зал или же молодежь просто самовольно вломилась внутрь. У дверей собралась огромная толпа: некоторые по случаю Хэллоуина надели костюмы и маски или раскрасили лицо, другие ходили в обычных мешковатых джинсах и футболках. Девушка с волосами, заплетенными во множество ярких косичек, подпрыгивала на месте, на поясе у нее болтался плюшевый медвежонок, привязанный светящимся ядовито-желтым шнуром.

Прежде чем они подошли к зданию, Ройбен поднял два опавших с дерева листа. В его руках они превратились в новенькие банкноты, которые он быстро сунул в карманы плаща. Люти высунула голову из укрытия и тут же нырнула обратно.

– Хорошо бы мне научиться такому волшебству, не так ли? – спросила Кайя, но Ройбен только улыбнулся.

Стоящая на входе девушка в высоком голубом парике, с голубой

помадой на губах и с продетым сквозь нижнюю губу голубым колечком приняла у них деньги и отсчитала сдачу.

– Классная шмотка, – сказала девушка, окинув завистливым взглядом кошачий костюм Кайи. Кайя улыбнулась в ответ, и они с Ройбеном прошли внутрь.

Тела плотно прижимались друг к другу, вся масса колыхалась, словно океанская вода, – было так тесно, что танцующие могли лишь подпрыгивать на месте. На барной стойке танцевал клоун с лицом, раскрашенным люминесцентными красками. Две девушки, одетые кошками, в белых трико с прицепленными хвостами, выплясывали рядом с ним. Музыка так гремела, что Кайя даже не пыталась говорить с Ройбеном – она просто взяла его за руку и потянула сквозь толпу. Ройбен прошел за ней к дальней стене, где двустворчатая дверь вела на почерневший от огня прогулочный причал. На этом причале танцевали те, кому не хватило места в клубе.

Там было так же тесно, как и внутри, все плотно прижимались друг к другу и даже время от времени толкали и задевали тех, кто сидел вдоль стены.

– Видишь кого-нибудь? – прокричала Кайя.

Ройбен покачал головой.

Мимо них прошли две половинки лошади, неся бутылки с водой. Кайе показалось, что в толпе мелькнул Пончик, одетый как обычно, однако она не могла сказать точно.

– Кайя! – крикнул Ройбен ей на ухо. – Там! Смотри!

Она проследила взглядом за быстрым взмахом его руки, но не увидела ничего. Девушка пожала плечами, зная, что жест понять легче, чем разобрать слова.

– Ищи своих друзей, – еще раз крикнул Ройбен.

Кайя кивнула, а он направился к высокой женщине с полными губами и волосами цвета красного дерева. Женщина прекратила танцевать и начала кричать на Ройбена, неистово размахивая руками. Затем она повернулась, словно намереваясь бежать, но Ройбен сделал быстрый шаг вперед и схватил ее за плечо.

Кайя оставила их выяснять отношения и стала проталкиваться сквозь толпу. Если здесь была только дна фейри и Ройбен уже нашел

ее, то волноваться не о чем. Среди массы танцующих подростков казалось невозможным представить, что на свете существует нечто опасное и потустороннее. Кайя вдруг почувствовала, что успокаивается.

Кении танцевал на пирсе с Фатимой и Дженет. На Фатиме в три слоя были надеты длинные разноцветные юбки, голову обвивал длинный шарф, в ушах покачивались огромные кольца, и она напоминала не то пиратку, не то цыганку. Дженет была одета во все черное, на лице карандашом для глаз были нарисованы кошачьи усы. Впрочем, эти усы навели скорее на мысли о мышке, чем о кошке.

Кайя сделала глубокий вдох.

– Привет.

Фатима подняла брови, а Кении уставился на Кайю, словно на ней не было ореола.

– Привет, – ответила Дженет.

Уже не в первый раз Кайя удивилась, зачем Дженет пригласила ее. Быть может, чтобы проучить Кении? По тому, как он побледнел, когда она подошла к ним, Кайя заключила, что эта уловка сработала.

Кайя подпрыгивала в такт музыке. Здесь было так тесно, что размахивать руками не получалось, только если... разве что если поднять их прямо над головой.

– Я принесу воды, – проорал Кении и направился к дверям клуба.

– Сейчас вернусь, – бросила Кайя, обращаясь к Дженет, которая пыталась ей что-то сказать.

Но Кайя уже двигалась следом за Кении. Она обнаружила его в длинной очереди в мужской туалет.

– Извини.

Кении прищурил глаза, но ничего не ответил.

Кайя вдохнула глубже. Голова у нее кружилась от усталости и беспокойства, и девушка вдруг поняла, что ей нечего сказать ему и нет желания выслушивать его. Она увидела, что с ним все в порядке, его глаза ясные, свободные от чар.

– Увидимся снаружи, – сказала Кайя, чувствуя себя глупо, оттого что протолкалась следом за ним через толпу. Она начала пробираться

обратно к Дженет и Фатиме.

Тут из колонок послышалась другая музыка.

Звуки, как и прежде, были ритмичными и громкими, вгоняющими в танцевальный транс, но теперь на заднем плане звучали незнакомые инструменты, раздавался странный шелест и шепот. «Танцуй». Тело Кайи бездумно подчинилось, кружась в плотной массе тел.

Танцевали все. Люди ударялись друг о друга, размахивали руками над головой, мотали головами в такт музыке. Никто уже не сидел у стены. Никто не стоял в очереди и не курил у края пирса. Все танцевали, потные тела сбивались в кучу, музыка влекла и опьяняла.

Сначала это было просто слабое влечение, легко скользнувшее сквозь сознание Кайи. А потом она стала замечать в толпе не только людей, но и волшебный народ.

Первым она встретила веснушчатого фейри с огненно-рыжими кудрями, взбитыми в высокую прическу. Он танцевал вместе с остальными, но, заметив взгляд Кайи, подмигнул. Быстро оглядевшись вокруг, девушка заметила и других: крылатых спрайтов с крошечными серебряными колечками, продетыми сквозь кончики острых ушей, гоблинов размером с собаку, пьющих воду из бутылок в баре, зеленокожего юношу-пикси, держащего во рту голубую люминесцентную палочку. Там были и другие фейри – неясные тени по краям танцплощадки, сверкающие гладкой чешуей, заманивающие танцоров в пустые туалеты и на пирс.

Рядом с Дженет танцевал знакомый темнокожий парень. Кайя неистово проталкивалась через толпу, отпихивая людей локтями, и успела как раз вовремя заметить, как Дженет радостно улыбается келпи и позволяет ему увлечь себя к краю пирса.

– Дженет! – закричала Кайя, пробиваясь к ним.

Но когда она оказалась у края, то увидела лишь пряди рыжих волос, исчезающие в глубине. Несколько мгновений Кайя смотрела вниз, а потом отчаяние захлестнуло ее, и она прыгнула. Ледяная черная вода сомкнулась над ее головой.

Мышцы свело судорогой от холода, но потом Кайя вынырнула на поверхность, стуча зубами и сплевывая соленую воду. Ногами Кайя машинально загребала воду.

Ее руки, шарившие под водой, вдруг запутались в длинных прядях, и она грубо и отчаянно потянула. Но когда Кайя вытащила руку из воды, в пальцах оказался лишь спутанный клок рыжих волос.

– Дженет! – закричала Кайя, и в этот момент на нее обрушилась волна, прижав ее к сваям под настилом пирса.

Сделав глубокий вдох, Кайя нырнула снова, открыв под водой глаза и напряженно высматривая рыжие волосы Дженет. Затем она опять вынырнула, задыхаясь и кашляя. В воде было слишком темно, чтобы разглядеть что-либо, а на ощупь искать казалось тем более бесполезно.

– Дженет! – вновь позвала Кайя, колотя одной рукой по воде и поднимая вокруг тучи брызг. Она яростно била воду, злясь на Дженет, на себя и на холодное, черное, бесчувственное море, поглотившее ее подругу.

Затем над водой, словно величественная статуя, поднялся келпи, раздувая ноздри горячим дыханием.

– Где Дженет? – закричала на него Кайя.

– О нет, ныне ты в моей стихии. Ты не можешь ничего от меня требовать.

– Тогда давай заключим сделку. Прошу тебя, отпусти ее.

Зубы так стучали, что трудно было говорить. Кайя постепенно замерзала и вся онемела. Глядя в мягко мерцающие глаза келпи, отражавшиеся в черной воде подобно далеким лунам, Кайя повторила:

– Прошу тебя.

– Не нужно никаких сделок. Я закончил. Ты можешь забрать то, что осталось.

Рядом с черным конем на поверхность всплыло тело – в рыжие волосы вплелись водоросли, лицо обращено вниз, руки безвольно покачиваются под водой...

Кайя подплыла к Дженет и запрокинула ей голову, отбрасывая с лица волосы. И увидела мертвые глаза, размытые полосы грима на щеках, синие губы и раскрытый рот, наполненный водой.

– Она красиво бултыхалась, – заметил келпи.

– Нет, кет, нет, нет! – Кайя прижала тело подруги к себе, отчаянно пытаясь держать ее голову над водой.

– Зачем такая грусть? Она все равно бы умерла.

– Не сегодня! – воскликнула Кайя, глотая заплеснувшую ей в рот воду. – Она не должна была умереть сегодня!

– Один день ничем не хуже другого.

– Скажи это Никневин. Когда-нибудь ты узнаешь на себе, что сегодня ощутила Дженет. Все умирают, келпи, – ты, я, люди, фейри...

У келпи был странно подавленный вид. Он выдохнул струю горячего воздуха, а потом нырнул, оставив Кайю наедине с морем и телом подруги. Накатила еще одна волна, подтолкнувшая Дженет к берегу. Кайя взяла Дженет за руку, холодную, как ее собственная, но безвольно податливую. Загребая ногами, Кайя поплыла к берегу. Волны становились все выше и обрушивались на Кайю с яростью. Одна из волн вырвала тело Дженет из ее рук и швырнула на пляж.

Кайя увидела Ройбена, бежавшего к воде. Он склонился над Дженет. Кайя попыталась подняться на ноги на мелководе, но отступающая волна едва не сбила ее с ног. Девушка закашлялась, сплевывая соленую слюну пополам с песком.

– Ты ищешь гибели? Жизнь в облике смертной разве не научила тебя осознать, что такое смерть? – кричал на нее Ройбен.

И в его словах звучало эхо их предыдущего разговора.

Распахнув плащ, Ройбен закутал Кайю его полами, не обращая внимания на свою промокшую одежду. Завыла сирена, вдали показались проблески красно-синей мигалки.

– Нет. – Ройбен положил ладонь на затылок Кайи прежде, чем девушка успела обернуться. – Не смотри. Нам нужно идти.

Кайя вывернулась из его объятий.

– Я хочу ее увидеть. Попрощаться с ней.

Десять шагов по мокрому песку – и Кайя упала на колени рядом с телом Дженет, не замечая волн, вымывающих песок из-под ног. Дженет лежала, словно выброшенный морем предмет, ее руки и ноги – разбросаны. Кайя повернула Дженет на спину, уложила ее руки вдоль тела. Потом убрала назад рыжие волосы подруги, коснувшись

ее холодного лица замерзшими пальцами. В этот момент Кайе казалось, что весь мир застыл и ей никогда уже не удастся согреться.

Глава 13

*И долго мне, лишенному ума,
Казался раем ад и светом – тьма.* [\[12\]](#)

Уильям Шекспир. Сонет 147

Кайя проснулась на матрасе в своей комнате, закутанная в простыню, одетая лишь в трусики и футболку, которую накануне носил Ройбен. Ее голова лежала на его обнаженной груди, и несколько мгновений Кайя не могла понять, почему волосы у нее такие жесткие и почему слипшиеся ресницы покрыты тонким налетом соли. А когда вспомнила, то со стоном сползла с постели.

Дженет была мертва, она утонула. Легкие наполнились водой. «Мертва». Это слово снова и снова звучало в голове Кайи, как будто от повторения мог измениться его смысл.

Ей смутно помнилась прошлая ночь – как Ройбен принес ее домой, как он просил бабушку не ругать Кайю и как он вел девушку вверх по лестнице. Она кричала на него, кричала и плакала и наконец уснула.

Кайя посмотрела в зеркало. Вид у нее был просто кошмарный. От долгого плача гудела голова, глаза от слез и сна опухли, под ними красуются темные полукружия, похожие на синяки, губы потрескались и побледнели. Кайя лизнула губу и ощутила привкус соли.

Дженет мертва. И это вина Кайи. Если бы только она не бросилась за Кении. Если бы она не заставила Дженет ревновать, то та никогда не пошла бы с келпи. Если бы только...

И Корни все еще не вернулся. Закрыв глаза, Кайя сорвала ореол и растворила его в воздухе. То, что она увидела в зеркале после этого, оказалось еще хуже. Все те же слипшиеся от соли волосы, потрескавшиеся губы, а острые черты фейри лишь подчеркивали написанное на лице утомление.

Оглядев в зеркале измятую футболку, Кайя припомнила, как

Ройбен раздевал ее, клацающую зубами, в нескольких кварталах от прогулочного пирса. Ему не удалось отогреть ее под своим плащом. Кошачий костюм совсем не защищал от холода и не высыхал. Ройбен помог девушке вылезти из холодного липкого комбинезона, а потом натянул на нее свою футболку и закутал в плащ.

Собрав в кончиках пальцев магическую энергию, Кайя попыталась убрать темные пятна вокруг глаз и превратить волосы в изящные гладкие локоны. Это оказалось легко, и девушка изумленно улыбнулась краешком рта. Затем она провела ногтем по уголку глаза, нанося черную подводку, сделала свои глаза ярко-синими и, еще раз коснувшись век, придала радужке глубокий фиолетовый цвет.

Окинув взглядом свое тело, Кайя окутала его ореолом, имеющим облик бального платья. И платье возникло – алый шелк, пышный кринолин, расшитый драгоценными камнями. Платье выглядело странно знакомым, и Кайя вдруг вспомнила, что этот образ пришел с иллюстрации к сказке «Принц-лягушка», которую она читала в детстве. Мановением руки она превратила свой наряд в изумрудный сюртук, надетый вместе с зелеными чулками в сеточку, – чуть измененная версия костюма принца из той же сказки.

Ройбен зашевелился на матрасе и моргая уставился на Кайю. Он был без ореола, и его волосы там, где на них падал свет, блестели, как новая никелевая монетка. Люти спала на подушке рядом с его ухом, завернувшись в серебристые локоны, словно в покрывало.

– Я не могу сойти вниз, – сказала Кайя.

После того что случилось вчера, она не могла встретиться с бабушкой один на один и очень сомневалась, что мать уже вернулась домой. Из своей последней поездки в Нью-Йорк на Хэллоуин Кайя запомнила лишь море перьев, блеска и еще мужчин на ходулях. В тот раз Эллен так упилась дешевым шампанским, что забыла, в какой гостинице они остановились, и им пришлось всю ночь провести в подземке.

– Мы можем выйти в окно, – беспечно сказал Ройбен.

Кайя не поняла, дразнил ли он ее или действительно так легко воспринял ее странности. Она не помнила большей части того, что наговорила ему прошедшей ночью, – может, она вела себя так ужасно и глупо, что его уже ничего не удивляло.

– А как мы попадем в сады? Это в Колт-Нек.

Ройбен провел пальцами по волосам, пытаясь их расчесать, а потом повернулся к Люти:

– Ты навязала в моих волосах узелков!

Люти испуганно хихикнула. Вздохнув, Ройбен вновь перевел взгляд на Кайю.

– Есть способы переместиться туда, – сказал он, – но большинство из них тебе не понравятся.

Почему-то девушка в этом не сомневалась.

– Давай возьмем машину Корни, – предложила она.

Ройбен приподнял брови.

– Я знаю, где она стоит и где он держит запасные ключи, – настаивала Кайя.

Ройбен слез с матраса и уселся на пружинную кровать.

– Машины почти целиком сделаны из стали. Это на тот случай, если ты забыла.

Кайя поразмыслила несколько секунд, а потом начала рыться в грудe черных пластиковых пакетов. После недолгих поисков она торжествующе извлекла пару оранжевых перчаток, не обращая внимания на недоверчивый взгляд Ройбена.

– В моих ботинках есть сталь, – пояснила она, одновременно надевая их, – но кожа уберегает меня от ее прикосновений... я почти ее не чувствую.

– Не хочешь ли ты вдобавок покурить? – сухо осведомился Ройбен.

– Похоже, ты мне больше нравился до того, как обзавелся чувством юмора.

– А я полагал, что совсем тебе не нравлюсь, – сдержанно отозвался он.

Кайя зачесала назад ставшие шелковистыми волосы и потерла виски. Ей следовало сказать или сделать что-нибудь, но она была уверена, что если прекратит разбирать по порядку мысли, кружащиеся в ее голове, то попросту рехнется. Быть может, это из-за минувшей ночи? Она едва помнила, что кричала ему тогда, – это был

просто неразборчивый поток горя и ярости. Но сегодня утром что-то изменилось, и Кайя не знала, как снова вернуть все в правильное русло.

Она протянула руку, легонько коснувшись кожи Ройбена чуть ниже ключицы, открыла рот, чтобы сказать... затем снова закрыла его и слегка встряхнула головой. Она надеялась, что Ройбен догадается о том, что она сожалеет о своем поведении, что она ему очень благодарна и что он нравится ей – быть может, даже слишком нравится.

Вновь тряхнув головой, девушка сделала шаг назад.

Сначала Корни. А все остальное потом.

Они выбрались наружу через окно. Ройбен без труда слез вниз по дереву, Люти летела, а Кайя ухитрилась спрыгнуть, помогая себе крыльями. Приземлившись, она пошатнулась.

– Ты летаешь! – воскликнула Люти. Кайя искоса посмотрела на нее и натянула перчатки. Глядя на себя, она обнаружила, что все еще одета в иллюзорный зеленый сюртук. Ройбен с головы до ног был облачен в черное, в основном в кожу. Крылышки Люти бросали на них обоих радужные отблески, когда маленькая фея порхала вокруг, словно безумная стрекоза.

– Туда. – Кайя указала в сторону трейлерного парка.

Дверца автомобиля была заперта, и Кайя без колебаний ударила кулаком по стеклу. Стекло пошло трещинами, и девушка била еще и еще, пока не поранила костяшки пальцев.

– Прекрати, – сказал Ройбен, перехватив ее руку, когда она замахнулась для очередного удара.

Кайя остановилась, в замешательстве глядя на стекло.

Ройбен извлек из сапога нож. Был ли этот нож там всегда или же рыцарь только что создал его?

– Ударь рукоятью или возьми камень, – посоветовал он.

Голос у него был очень усталый.

Кайе удалось отжать ножом стекло, просунуть внутрь руку без перчатки и отпереть замок. Окинув взглядом трейлерный парк, она удивилась, что никто не мешал ей среди бела дня взламывать чужую

машину.

Вновь надев перчатку, она открыла дверь и залезла внутрь, вздрогнув от спертого, пахнущего металлом воздуха. Протянув руку, она открыла замок на другой дверце и опустила стекло, прежде чем извлекла ключ, спрятанный за солнечный козырек. Ройбен настороженно уселся на пассажирское сиденье, а Люти влетела в машину следом за ним, морща нос. Попорхав над задним сиденьем, она в конце концов устроилась на пыльной приборной панели.

Кайя повернула ключ в замке зажигания, ощущая жар железа даже сквозь перчатки. Ощущение было неприятным, но не сильно, однако гул в голове свидетельствовал о том, что дальше будет хуже.

Девушка нажала на педаль газа. Двигатель взвыл, но машина не двинулась с места. Беззвучно выругавшись, Кайя сняла машину с ручника, переключила передачу и снова нажала на газ. Автомобиль резко рванулся вперед, и Кайе пришлось нажать на тормоз. Люти шлепнулась к ней на колени, а Ройбена бросило на приборную панель. Он поднял на Кайю взгляд:

– Сколько раз ты до этого водила машину?

– Никогда, – прорычала в ответ Кайя.

– Никогда?

– Я еще недостаточно взрослая.

Она истерически хихикнула над этим, а затем нажала на газ более плавно, и машина отреагировала спокойнее. Повернув руль, Кайя направила свой автомобиль к выезду на улицу.

Люти издала слабый писк и по рукаву сюртука вскарабкалась на плечо к Кайе.

Запах железа вызывал головокружение.

Кайя вырулила на шоссе, радуясь тому, что на пути не будет ни поворотов, ни развязок, ни светофоров. Все, что от нее требуется, – это оставаться на одной полосе, пока они не подъедут к саду. Она напредила себе, что им следует спешить и прибыть прежде, чем с Корни что-нибудь случится. Девушка сильнее нажала на газ, изо всех сил удерживая машину на середине полосы и прибавляя скорость.

Кайя ощущала, как затуманивается ее зрение от головокружения, вызванного запахом железа. Даже порывы ветра, врывавшиеся в

открытое окно, не помогали. Она потрясла головой, стараясь избавиться от ощущения тяжести, сдавившего виски, словно тесный обруч.

– Кайя! – пискнула Люти, и Кайя резко вывернула руль вправо, избегая столкновения с другой машиной.

Автомобиль занесло, правые колеса проехали по обочине дороги, и только тогда Кайя сумела восстановить контроль. Вскрик Люти напомнил чириканье воробья. Ройбен не издал ни звука, но Кайя не могла оторвать взгляд от дороги, чтобы разглядеть выражение его лица.

Наконец показался нужный им поворот, и Кайя свернула с шоссе на боковую дорогу, не снижая скорости. Она держалась на обочине, потому что не решалась безопасно вырулить на нужную полосу движения. Проскочив всего два светофора, она кое-как сумела въехать в сад и криво припарковать машину. После этого Кайя со вздохом облегчения выключила зажигание.

Ройбен сразу же выскочил из машины. Люти, все еще цеплявшаяся за сюртучок Кайи, тряслась как осиновый лист.

– Обрато машину может вести Корни, – выдавила Кайя.

– Да, теперь у меня есть дополнительный стимул для достижения цели. – Голос Ройбена слегка дрожал, несмотря на все попытки рыцаря казаться бесстрастным.

Сады занимали обширное пространство, засаженное плодовыми деревьями. Здесь же располагался магазин, стилизованный под деревенский рынок, и в нем продавались варенье, молоко и яблочный сидр с корицей, который Кайя помнила по школьным экскурсиям. Сегодня на прилавках громоздились груды тыкв и кабачков, стоивших дешевле грязи.

На парковке было полно микроавтобусов, из которых выпрыгивала ребятня. Кайя следовала за Ройбеном в толпе мимо сложенных грудками тыкв и стошков сена. Одна из женщин резко дернула своего ребенка в сторону, прочь с их дороги. Кайя немедленно проверила свой ореол, оглядев собственную ладонь и повертев ею перед глазами, и убедилась, что кожа ее остается нормального цвета. Затем она бросила взгляд в сторону Ройбена и поняла, что их компания выглядит весьма необычно, чтобы вызвать у любой матери подобную реакцию.

Девушка почувствовала, как изменился воздух, едва они вступили под тень деревьев, как затих рев автомобильных двигателей и детский смех. Она больше не ощущала запаха железа и теперь дышала глубоко, стараясь очистить легкие от грязи. Так же как тогда, под холмом, Кайя ощутила в себе странную разделенность, которую уже начала связывать с переходом в волшебную страну.

Белые лошади паслись на лужайке, и звенели серебряные колокольчики, когда они поднимали головы. Узловатые ветви яблонь клонились к земле под тяжестью плодов. Воздух был теплым и сладким, он обещал приход весны и новое пробуждение природы. Обитатели Летнего Двора расположились на поле, они расстелили на земле шелковые покрывала и теперь сидели или лежали на них. Проходя мимо, Кайя чувствовала запах свежей лаванды и вереска.

Народ здесь был столь же различным, как и при Зимнем Дворе, хотя Летние придворные одевались куда ярче. Кайя и Ройбен заметили лисомордое существо в наряде из множества развевающихся пестрых лент. Другая фейри носила облегающее платье золотого цвета, сияющее подобно солнцу. Она шептала что-то на ухо юноше, также одетому в платье, только серовато-голубое. Группа фейри развлекалась игрой: они по очереди метали блестящие самоцветы в центр начерченного на земле круга. Кайя не видела, что именно там происходит, однако зрители разочарованно вздыхали или весело смеялись, должно быть в зависимости от того, как лягут в круге камни.

Поблизости, у края поля, древесная женщина с кожей, подобной коре, и с пальцами, на которых вместо ногтей росли листья, шептала что-то безмолвной яблоне, иногда поглядывая на семерых маленьких человечков, стоящих на плечах друг у друга. Они образовали живую лестницу, раскачивавшуюся взад-вперед, а стоящий на ее вершине человечек отчаянно пытался сорвать с ветки сочное яблоко.

Мимо пробежала крылатая девочка, а за ней мчался маленький мальчик, в волосы которого было вплетено множество цветов. Человеческий ребенок. Кайя вздрогнула.

Оглянувшись вокруг, она заметила других детей-смертных, выглядевших не старше шести лет. Они были ухоженными и аккуратными, но все отличались полуприкрытыми затуманенными глазами. Один сидел рядом с голубокожей женщиной, положив

голову на колени фейри. Три ребенка в венках из ромашек смешно отплясывали вместе с тремя маленькими человечками, на головах которых красовались грибные шляпки. Дамы и господа из волшебного народа хлопали в ладоши, глядя на них.

Кайя ускорила шаг, чтобы остановить Ройбена и спросить его про этих детишек. Но потом она увидела, куда устремлен его взгляд, и забыла все вопросы.

Меж деревьев, пышно цветущих, несмотря на осеннюю пору, стояла фейри с золотисто-каштановыми волосами. Она была одета в изумрудно-зеленый плащ, напоминающий бальное платье. Увидев женщину, Кайя замерла на месте и затаила дыхание. Эта фейри была самым прекрасным созданием из всех, кого когда-либо встречала Кайя. Безупречная кожа, волосы в солнечных лучах сияют подобно меди, голову венчает венок из плюща и цветков кизила, а глаза цветом напоминают зеленые яблоки. Кайя не могла отвести взор от этой женщины – казалось, ничто в мире не может сравниться с ней и выглядит тусклым и далеким.

Без пояснений Ройбена Кайя поняла, что эта фейри была королевой Летнего Двора.

Фрейлины королевы носили легкие одежды цвета грозových облаков и утренних роз. Когда Кайя и Ройбен подошли ближе, одна из фрейлин ахнула и, спохватившись, прижала ладонь ко рту. Ройбен посмотрел на нее и улыбнулся.

Кайя напряглась. Улыбка Ройбена казалась абсолютно неуместной, она напоминала скорее нервную усмешку, нежели выражение радости.

Неожиданно между ними и королевой возник рыцарь с бледно-золотистыми волосами, одетый в броню зеленого цвета. В руках он держал копье странной формы, изукрашенное всякими финтифлюшками, и Кайя даже засомневалась: а можно ли вообще использовать это копье в качестве оружия?

– Талатайн, – произнес Ройбен, отвесив короткий поклон.

– Тебя здесь не желают видеть, – ответил рыцарь.

Люти выглянула из кармана Кайи и уставилась на рыцаря с неприкрытым восхищением.

– Оповести королеву о моем присутствии, – сказал Ройбен. –

Если она не желает видеть меня, я немедленно покину рощу.

Кайя хотела возразить, но Ройбен положил ладонь ей на плечо.

– Мои спутники, конечно же, будут вольны остаться или уйти по своему желанию, – продолжил он.

Талатайн перевел взгляд на королеву, а затем снова на Ройбена, и в глазах его появилось едва заметное ревнивое выражение. Жестом облаченной в перчатку руки он подозвал к себе еще нескольких рыцарей. Подбежавший паж выслушал Талатайна, затем помчался с докладом к королеве. Королева грациозно склонилась, выслушивая маленького пажа, а затем выпрямилась и, оставив своих фрейлин, направилась через лужайку к непрошеным гостям. Она не смотрела на Кайю и не отрывала взгляда от Ройбена.

Кайя видела, как менялось выражение лица Ройбена, когда он смотрел на владычицу. На его лице отразилась тоска, ошеломившая Кайю. Это был пристальный взгляд пса, одичавшего в глуши, но все еще с надеждой ожидающего благосклонного прикосновения хозяйской руки.

Девушка вспомнила о гобелене, висящем в комнате Ройбена, и обо всем, что он сказал и не договорил. Она поняла, почему он отпрянул от ее поцелуев, – должно быть, неустанно хранил и лелеял эту любовь, надеясь вновь предстать перед своей королевой. Кайя слепо думала только о собственных желаниях, чтобы заметить очевидное.

Кайя обрадовалась, когда Ройбен преклонил колено перед королевой, и она тоже опустилась на одно колено и склонила голову, скрывая боль, исказившую ее черты.

– Как церемонно, мой рыцарь, – промолвила королева.

Кайя украдкой глянула вверх, в глаза королеве. Эти глаза были нежными, влажными и зелеными, как изумруды. Кайя вздохнула. Она неожиданно почувствовала себя усталой и очень некрасивой и желала, чтобы Ройбен поскорее узнал о Корни.

– Больше не ваш, – отозвался Ройбен таким тоном, словно сожалел об этом.

– Если не мой, то чей же?

В этом разговоре скрывалось слишком много потаенного

смысла, и Кайя не была уверена, что сможет понять намеки. Были ли эти двое любовниками?

– Ничей, Силариаль, – почтительно ответил он, с легкой улыбкой на губах и удивлением в глазах. – Быть может, свой собственный.

Он говорил так, словно боялся говорить слишком громко, опасаясь разбить нечто очень хрупкое и дорогое.

Улыбка королевы не померкла и ничуть не изменилась. Это была совершенная улыбка – идеальный изгиб губ и идеальное соотношение радости и расположения. Кайя помимо воли залюбовалась ею, потеряв нить разговора. И потому она вздрогнула в замешательстве, когда королева снова заговорила.

– И зачем же ты явился к нам, если не для того, чтобы вернуться домой?

– Я ищу Нефамаэля. При нем находится молодой человек, которого моя спутница должна вернуть к Железнобоким.

Силариаль покачала головой.

– Он больше не среди моего народа. Когда Зимняя королева умерла и вольные фейри получили свободу... – Она помедлила, глядя на Ройбена, и еле уловимая тень пробежала по ее лицу. – Он захватил трон и воссел на него, провозгласив себя королем.

Кайя резко вскинула голову. Широко распахнув глаза от изумления, она заговорила, не думая об этикете:

– Нефамаэль стал королем Зимнего Двора?

Девушка прикусила губу, но в обращенном на нее взгляде королевы не было гнева.

– Кого ты привел к нам, Ройбен?

– Ее зовут Кайя. Она подменыш. – В голосе рыцаря прозвучало смущение.

Королева приподняла золотисто-каштановые брови.

– Ты помогаешь ей в возвращении смертного юноши, похищенного Нефамаэлем?

– Помогаю, – подтвердил Ройбен.

– И какова цена твоей службы, о Ройбен, принадлежащий лишь

самому себе? – Королева поднесла руку к груди, поигрывая висящим на шее амулетом.

Кайя оторвала взгляд от безупречного лица королевы и вместо этого принялась разглядывать ее кулон. Молочно-белый камень висел на длинной цепочке. Кайе он показался знакомым.

На щеках Ройбена проступили розоватые пятна. Неужели он действительно покраснел?

– Нет такой цены.

Кайя вспомнила – эту подвеску носил Нефамаэль. Она висела у него на шее, когда он явился, чтобы забрать ее на церемонию Десятины.

Королева подалась вперед и вкрадчиво, словно забыв о присутствии Кайи, произнесла:

– Ты говорил, что исполнишь что угодно, дабы доказать свою любовь ко мне. Ты по-прежнему готов к этому?

Румянец на щеках Ройбена стал ярче, но когда рыцарь заговорил, голос его был холоден, как сталь.

– Не готов.

«Что бы это могло значить?» – гадала Кайя. Это, несомненно, имело смысл, но относящийся не к любви, а к убитой Зимней королеве. Именно об этом и шел разговор, поняла девушка. Летняя королева относилась к Ройбену как к игрушке, которая ей наскучила и которую она на время уступила новому владельцу. Но у нее были планы на тот случай, если ей понадобится забрать свою игрушку обратно.

– А если я скажу, что ты уже доказал это, к моему удовлетворению? Идем праздновать с нами. Нас ждет медовое вино и крепкие красные яблоки. Ты вновь будешь сидеть со мною рядом.

Кайя с силой закусил губу. Боль помогала ей держать себя в руках и смириться с тем, что Ройбен не принадлежит ей и никогда не будет принадлежать. И если слишком поздно притворяться, что она не страдает, то она еще сможет загнать эту боль глубоко внутрь и он никогда об этом не узнает...

Ройбен устремил на Силариаль взгляд, в котором тоска смешивалась с презрением.

– Прошу меня простить, – промолвил он, – но запах яблок вызывает у меня тошноту.

На лице королевы отразилось потрясение, а затем гнев. Ройбен бесстрастно наблюдал за этой сменой эмоций.

– Тогда тебе лучше поспешить, – сказала королева.

Ройбен кивнул и поклонился. Кайя едва не позабыла последовать его примеру.

Не успели они отойти и несколько шагов, как беловолосая женщина схватила Ройбена за руку и со смехом развернула к себе.

– Ройбен!

Это была фрейлина, которая ахнула при виде Ройбена. Ее волосы ниспадали до колен, часть их была заплетена в косы, уложенные вокруг головы. Она носила платье королевской фрейлины.

– Я волновалась за тебя, – произнесла она с улыбкой, однако губы ее дрожали. – То, что я слышала...

– Несомненно, было правдой, – подхватил Ройбен и провел кончиками пальцев по волосам девушки-фейри. – Твои волосы стали такими длинными.

Кайя вздрогнула, вспомнив собственные ощущения от прикосновения этих пальцев.

– Я не стригла их с тех самых пор, как ты покинул нас. – Женщина повернулась к Кайе. – Я слышала, что мой брат не назвал королеве твое имя. Интересно, пытался ли Ройбен защитить нас от тебя или тебя от нас?

Кайя рассмеялась в изумлении.

– Этайн, – представил Ройбен сестру, затем кивнул в сторону спутницы: – Кайя.

Смех Этайн был звонким, словно звук бьющегося хрусталя.

– Ты растерял всю придворную любезность.

– Мне это уже говорили, – согласился Ройбен.

Этайн протянула руку к ветви яблони и сорвала цветок.

– Все, что имеет значение, – это то, что сейчас ты дома, – сказала она, сунув цветок ему за ухо.

Кайя заметила, как Ройбен слегка вздрогнул от прикосновения Этайн, и подумала: не обиделась ли его сестра?

– Это больше не мой дом, – возразил Ройбен.

– Да нет же, твой дом здесь! Куда еще тебе идти? – Этайн вопросительно посмотрела на Кайю. – Я знаю, Силариаль причинила тебе боль, но со временем ты простишь ее. Ты ее всегда прощал.

– Желания меняются, – ответил рыцарь.

– Что они сделали с тобой? – ужаснулась Этайн.

– Что бы ни сделали со мной, что бы ни сделал я... это так же верно, как и то, что руки мои обагрены кровью. И пятно этой крови проступает даже на подоле королевы Эльфийских земель.

– Не говори так. Когда-то ты любил ее.

– Я по-прежнему люблю ее, к сожалению.

Кайя развернулась и направилась прочь. Она больше не хотела слышать ничего. К ней это не имело никакого отношения. Девушка направилась к машине. Один из человеческих детей стоял на цыпочках, пытаясь дотянуться до яблока, висящего слишком высоко. Он был одет в зеленую тунику, стянутую на бедрах шелковым шнуром.

– Привет, – сказала Кайя.

– Привет.

Мальчик умоляюще взглянул на нее, и она сорвала плод. Он со щелчком отделился от ветки.

– Где твоя мать? – спросила Кайя, вытирая яблоко о свой сюртук.

Мальчик нахмурился, темно-русая челка упала ему на лицо, закрывая один глаз.

– Дай.

– Ты всегда жил у фейри?

– Угу, – отозвался он, не сводя глаз с яблока.

– И сколько времени?

Он протянул пухлую ладошку, и Кайя вложила в нее яблоко. Мальчик немедленно впился в него зубами. Она подождала, пока он

прожует, но, проглотив один кусок, он тут же вгрызся в яблоко снова. Затем, вспомнив о Кайе, ребенок виновато посмотрел на нее, пожал плечами и пробормотал с набитым ртом:

– Всегда.

– Спасибо, – поблагодарила Кайя, погладив мальчишку по голове.

Не было смысла спрашивать его – он знал не больше ее. Но остался еще вопрос, и она снова повернулась к мальчику:

– Эй, а ты знаешь маленькую девочку, ее зовут Кайя?

Тот наморщил лицо, старательно размышляя, затем указал в сторону расстеленных на лугу одеял.

– Угу. Вон там она гуляет.

Кровь бросилась Кайе в лицо, голова закружилась, а пальцы сделались ледяными.

Оставив мальчика доедать яблоко, она пошла по лугу, останавливая каждую маленькую девочку:

– Детка, а тебя не Кайей зовут?

Но себя она сразу же узнала, когда увидела. Миндалевидные глаза под белокурой шевелюрой выглядели странно, малышка действительно напоминала фейри, несмотря на пухленькое тельце и круглые ушки. Блондинка с азиатской внешностью. Кайя пристально смотрела на девочку – такую маленькую, куда младше, чем могла бы быть Кайя в нормальном мире. Девочка сорвала цветочек и, старательно отщипнув стебель, бросила головку цветка красивой даме-фейри. Та залилась радостным смехом.

Незаданные вопросы теснились в горле Кайи, сбивая дыхание. Она развернулась и направилась обратно к Ройбену и Этайн. Схватив рыцаря за рукав, она дернула его изо всех сил.

– Нам нужно идти немедленно, – прокричала она, дрожа от ярости. – Быть может, Корни уже мертв.

Этайн широко распахнутыми глазами смотрела, как Ройбен кивнул, прервав разговор на полуслове. Кайя снова резко повернулась и пошла к машине, предоставив Ройбену следовать за ней.

Глава 14

На холмах дубы-гиганты

Пали на колени.

Ты к ним можешь прикоснуться,

Не имея права...

Кай Райан. «Венец»

Она не успела дойти до машины.

– Кайя, стой. Просто остановись, – раздался у нее за спиной голос Ройбена.

Она остановилась, глядя сквозь сплетение яблоневых ветвей на микроавтобусы и насыпь шоссе. Все, что угодно, лишь бы не смотреть назад, на Летний Двор, на невзрослеющих детишек и на Ройбена.

– Ты дрожишь.

– Я злюсь. Ты болтаешь языком, в то время как нам нужно сделать важное дело.

Его спокойствие только раздражало ее.

– Что ж, я прошу за это прощения.

В голосе его не было раскаяния, скорее в нем звучал легкий намек на сарказм.

Щеки Кайи горели.

– Почему ты здесь?

Он помедлил с ответом.

– Потому что ты оторвала меня от разговора, совершенно невежливо наорав на меня.

– Нет... почему ты еще здесь? Почему ты вообще здесь?

Голос Ройбена был тихим. Кайя не желала оборачиваться и не

видела его лица.

– Так мне уйти?

Непролитые слезы жгли Кайе глаза. Она чувствовала, что тяжесть, навалившаяся на нее, чересчур велика.

– Все, что я делаю... – начала она, и голос ее сорвался. – Черт, у нас нет на это времени.

– Кайя...

– Нет. – Она вновь сорвалась с места. – Нам нужно идти. Прямо сейчас.

– Если ты не успокоишься, то ничем не сможешь помочь Корнелию.

Девушка резко остановилась и вскинула руки, широко растопылив пальцы.

– Я не могу успокоиться! Я не такая, как ты!

Ройбен положил руку ей на плечо. Она старательно избегала его взгляда, и рыцарь сильно прижал ее к себе. Кайя напряглась, но Ройбен лишь крепче обнимал ее, не произнося ни слова. Спустя несколько секунд девушка сдалась, из ее груди вырвался долгий, прерывистый вздох. Длинные пальцы перебирали ее волосы. От Ройбена пахло медом, потом и бабушкиным стиральным порошком. Кайя потерлась щекой о его грудь, закрыв глаза, чтобы хоть на миг отвлечься от гудящих в голове мыслей, настоятельно требующих внимания.

– Я здесь потому, что ты добра, красива и очень отважна, – произнес рыцарь тихим голосом. – И потому, что я хочу здесь быть.

Кайя взглянула на него из-под ресниц. Ройбен улыбнулся и оперся подбородком о ее макушку, скользнув ладонями по спине девушки.

– Ты так хочешь?

– Воистину, я так хочу, – рассмеялся он. – А ты в этом сомневалась?

– Ох, – отозвалась она, не в силах справиться с нахлынувшим на нее оглушительным ощущением счастья.

Счастье на миг вытеснило все тревоги и беды. Ройбен действительно был здесь, рядом с ней, а не с Летней королевой.

Рыцарь длинными размеренными движениями поглаживал ее спину от лопаток, к которым приросли крылья, до талии.

– И это доставляет тебе удовольствие?

– Что? – Кайя снова запрокинула голову, нахмурившись. – Ну конечно. Ты что, шутишь?

В этот момент он чуть отодвинулся, чтобы внимательно взглянуть ей в лицо.

– Хорошо, – вздохнул он, закрыл глаза и снова прижал ее голову к своей груди, перебирая ее волосы. – Хорошо.

И так они стояли несколько долгих минут. Наконец Ройбен разомкнул объятия.

– По счастью, нам не нужна машина, чтобы попасть к Зимнему Двору, – произнес он. – Идем со мной.

Дерево было огромным и кривым, его узловатый ствол, казалось, проседал под собственной тяжестью. Тонкая кора потрескалась и облезала лоскутами, словно высохшая кожа. У основания между корнями зияло черное отверстие.

Люти нырнула в дыру и вскоре вылетела наружу.

– Никакой охраны, – прочирикала она, устроившись в спутанных волосах Кайи.

– И куда ведет этот лаз?

Кайя пыталась совладать с дрожью и не показать, как ей страшно.

– К кухням, – ответил Ройбен, протискиваясь ногами вперед в отверстие.

Наконец его голова скрылась в дыре, остались лишь несколько серебристых волосков, зацепившихся за трещины в коре. Кайя услышала стук, когда рыцарь спрыгнул на пол где-то внизу.

Кайя сунула ступню в дыру и ощутила, как ботинок погружается в мягкую сердцевину, которая раздвигается, поглощая ее ногу по

колени. Девушка пропихнула в дыру и вторую ногу, а затем, лежа на спине и извиваясь змеей, протолкнула все свое тело в лаз. Последовало долгое падение, а затем сильный удар о землю, едва не заставивший Кайю вскрикнуть.

В туннеле было жарко, в воздухе клубился пар. Капли влаги покрывали лицо Ройбена, его волосы выглядели намокшими и отяжелевшими. Взмахом ладони он откинул их назад. Затем показал головой налево, и Кайя пошла впереди него сквозь облако пара.

Кухня оказалась огромным помещением с очагом посередине, зато без какой-либо вентиляции. В дыму сновали фейри, тащившие огромные котлы, подносы с тушками освежеванных крыс и маленькими булочками, корзины с серебристыми яблоками и бочонки с вином. Запах крови ошеломил Кайю. Кровь пятнала стены и пол, кипела в котлах и капала с блюд, на которых громоздились горы сырого мяса. Ройбен шел позади Кайи, положив руку ей на талию и подталкивая вперед, когда нужно было двигаться, или же придерживая за сюртук, если требовалось остановиться.

Они тихонько прокрались в помещение, держась поближе к стене. На ближайшей к ним скамье, свесив костлявые ноги по сторонам, сидел тощий старый фейри и, сосредоточенно высунув язык, раскрашивал черные яблоки чем-то красным и блестящим, словно лак для ногтей. Его белые волосы беспорядочно торчали клоками, время от времени он поправлял очки, норовившие соскользнуть с носа. Рядом с яблочным художником огромный зеленокожий мужчина с рожками на лысой голове и с клыками, торчащими из-под пухлой верхней губы, орудовал тесаком, разрубая на мелкие кусочки тушки каких-то незнакомых животных. Жирные руки зелено-кожего украшала татуировка в виде роз и терниев.

Кайя пробиралась так же тихо, как всякий раз, когда слишком поздно возвращалась домой или же выходила из магазина с украденным товаром в карманах. Она сосредоточилась на своих ступнях, чуть наклонив голову, и медленно и бесшумно миновала дверной проем, ведущий прочь из кухни.

Вскоре узкий коридор пошел под уклон и влился в большой проход, выложенный сероватым мрамором и украшенный огромными резными колоннами. С потолка свисали сталактиты. Кайя слышала впереди стук шагов по каменному полу. Ройбен потянул ее назад, и они спрятались за колонну. Рыцарь обнажил меч и держал

его наготове на уровне груди. Кайя нашла кинжал, который он дал ей у машины, и в отчаянии сжала рукоять.

Но шаги свернули в другой коридор. Кайя выдохнула, поняв, что все это время сдерживала дыхание.

Так они крались по коридору, пока не оказались у двустворчатых черных дверей.

– Что там? – спросила девушка.

– Вино, которое хранится веками, – шепотом ответил он.

Вся комната была каменной, в ней стоял сильный кислый запах, а вдоль стен выстроились винные бочки и стеклянные бутылки, наполненные настойками из различных трав. Розовые лепестки и лепестки фиалок, головки ноготков, листья крапивы и другие травы, которых Кайя не знала, плавали в бутылках.

– Это что? – прошептала она, хотя в комнате никого, кроме них, не было.

– Полынь, тысячелистник, первоцвет, левкой, репейник, фенхель...

– Держу пари, ты пил много травяного чая, – заметила Кайя.

Он даже не улыбнулся, а вместо этого указал на маленькую дверь, ведущую прочь из комнаты. Кайя даже не поняла, услышал ли он ее шутку.

– Прачечная, – промолвил Ройбен.

В следующем помещении пара было не меньше, чем в кухне, однако здесь он уходил в маленькое отверстие в потолке. В комнате стояло несколько огромных котлов, наполненных мыльной водой. Бледная женщина с темными глазами выжимала белье, а другая перемешивала содержимое котла длинной кривой палкой. Горбатый мужчина с длинными руками сыпал в котел порошок, от которого вода пузырилась и шипела.

Здесь было тесно, и Кайя вопросительно посмотрела на Ройбена. Они никак не могли миновать комнату, чтобы их никто не заметил.

– Майгрет, – произнес Ройбен, с широкой улыбкой распахнув объятия.

Одна из прачек подняла взгляд и улыбнулась в ответ щербатой

улыбкой.

– Наш рыцарь!

Подковыляв к Ройбену, она дружески обняла его. Ноги Майгрет были скрыты длинной юбкой, и Кайя не поняла, почему прачка хромала. Вторая прачка и мужчина, стоявший у котла, тоже прекратили работу и улыбались Ройбену.

– Я уж думала, что больше никогда не увижу тебя.

– Я ищу одного юношу, – сказал Ройбен. – Человека. Он должен быть с вашим новым королем.

Женщина с отвращением фыркнула.

– А, с этим... тоже мне король! Да, при нем состоит какой-то паренек, но больше ничего сказать я не могу. Я не слежу за делами Высших.

– Я тоже, – криво усмехнулся Ройбен.

– Знаешь, а они тебя искали.

Он кивнул.

– Я положил своей службе при Зимнем Дворе довольно впечатляющий конец.

Старая прачка хихикнула и пожелала им удачи на прощание. Ройбен открыл маленькую дверцу, и они с Кайей вышли в коридор, выложенный мерцающей слюдой.

– Как ты думаешь, они никому не скажут, что видели нас?

– Майгрет считает себя в долгу передо мной, – пожал плечами Ройбен.

– У нее что-то не так с ногами?

– Она не угодила одному из Высших Зимнего Двора. Он раскалил докрасна железные башмаки и заставил ее танцевать в них.

Кайю передернуло.

– Это имеет отношение к тому, что она тебе обязана?

– Возможно, – отозвался он.

– А что нас ждет дальше?

– Здесь располагаются библиотека, музыкальная гостиная, зимний сад и кабинет для игры в шахматы.

– В шахматы?

– Да, королева очень любила шахматы. Придворные делали ставки, как смертные при игре в карты. Как я слышал, однажды она выиграла в шахматы принца.

– Корни любит шахматы – он играл в команде за школу.

– Чтобы попасть туда, нам нужно пройти через библиотеку. – Ройбен помедлил.

– Что случилось?

– Мы не встретили никакой охраны. Ни на входе, ни здесь.

– А если это означает, что мы выбрали правильный путь?

– Несомненно, это что-то означает.

Дверь в библиотеку была массивной и в то же время изящной, она отличалась от простых дверей в нижние помещения. Темное дерево украшали медные накладки и затейливые резные письма на незнакомом Кайе языке. Ройбен толкнул дверь, и она отворилась.

Книжные стеллажи образовывали лабиринт, закрывающий противоположную стену и выход. Сами стеллажи были покрыты искусной резьбой – лицами горгулий и других странных тварей; в воздухе стоял резкий запах сырой земли. Книги так сильно различались по величине, что девушка даже не представляла, кто бы мог их читать. Она пыталась рассмотреть хотя бы названия на корешках, однако все они были написаны на непонятных языках. Когда Кайя поворачивала голову, то уголком глаза улавливала какое-то легкое движение. Они свернули за угол, и Кайя увидела, как между полками скользнула тень. Силуэт отдаленно напоминал человеческий.

– Ройбен, – прошептала девушка.

– Это хранители тайн, – не оглядываясь, бросил он. – Они никому не скажут, что мы были здесь.

Кайя вздрогнула. Ей стало интересно: что же написано во всех этих огромных и малых томах, собранных на полках, если этим тайнам нужны были хранители? И были ли эти хранители стражами

книг или же их узниками?

У пересечения проходов между полками она заметила еще один темный силуэт. Ей удалось разглядеть длинные бледные волосы над высоким лбом и огромные мерцающие черные глаза. Хранитель скользнул в тень так же легко и бесшумно, как и первый.

Кайя была очень рада, когда они дошли до маленькой овальной дверцы, легко открывшейся от прикосновения руки Ройбена.

Тяжелые драпировки висели на стенах шахматного кабинета. Весь пол был выложен черными и белыми плитками, а по периметру стояли шахматные фигуры в пять футов высотой. На полу спал Корни, поджав ноги так, что помещался на двух квадратных плитках.

– Корнелий? – Ройбен опустился на колени и потряс Корни за плечо.

Тот поднял взгляд. Его глаза были затуманены, а тело покрыто множеством синяков, но хуже всего была пресыщенная улыбка, с которой он повернулся к ним. Лицо Корни казалось постаревшим, а в волосах появилась белая прядь.

– Привет, – пробормотал он. – Ты Робин, приятель Кайи.

Кайя упала на колени.

– Теперь все в порядке, – прошептала она, обращаясь скорее к себе, и погладила друга по влажным волосам. – С тобой все будет в порядке.

– Кайя, – ровным голосом позвал Ройбен.

Она обернулась. Из-за драпировки, закрывающей дальнюю стену, вышел Нефамаэль. Остановившись, он провел рукой по мраморной гриве черного шахматного коня.

– Приветствую, – промурлыкал Нефамаэль. – Вы простите мне шутку, если скажу, что вы были пресловутой колючкой у меня в боку.

– Я бы скорее решил, что ты мне обязан, – ответил Ройбен. – Ведь именно я подарил тебе корону.

– Если смотреть с этой точки зрения, мне очень жаль, что жизнь так часто бывает нечестной, Рат Ройбен Рай.

– Нет! – выдохнула Кайя.

Этого не может быть. Ройбен был слишком далеко от остальных, когда она произнесла его имя. Она сама едва слышала себя. А он убил всех рыцарей, находившихся поблизости, всех, кто мог бы расслышать...

– Никто другой этого не знает, – заверил Нефамаэль, словно прочитав ее мысли. – Я убил малорослика, который думал снискать мое расположение, выдав мне это имя.

– Шип... – прошептала Кайя.

– Рат Ройбен Рай, властью твоего истинного имени я приказываю тебе никогда не причинять мне вреда и повиноваться мне немедленно и безоговорочно.

Вдох Ройбена был так резок, что больше походил на вскрик.

Нефамаэль вскинул голову и расхохотался, рука его по-прежнему поглаживала шахматную фигуру.

– Далее приказываю тебе не причинять никакого вреда себе самому, если я только не велю тебе это сделать. А сейчас, мой рыцарь, схвати эту пикси.

Ройбен повернулся к Кайе, и Люти, высунувшись из ее кармана, закричала. Кайя бросилась к двери, но Ройбен оказался проворнее. Он схватил ее за волосы, дернул к себе, а затем так же неожиданно отпустил. На долю мгновения Кайя застыла в изумлении, а потом выскочила в дверь.

– Тебя неплохо научили исполнять приказы, но отдавать их ты пока еще не умеешь, – услышала она голос Ройбена.

Девушка стремглав мчалась по лабиринту среди стеллажей. На пути сюда она следовала за Ройбеном по извилистым проходам между полками и теперь не имела ни малейшего понятия, куда бежать. Она свернула в боковой проход, и еще раз, и еще, радуясь, что не видит жутких хранителей тайн. Затем, проскочив мимо стола, на котором громоздились книги, Кайя очутилась в тупике. Люти выбралась из ее кармана и летала вокруг.

– Что нам делать, Кайя? Что делать?

– Тише, – прошипела девушка. – Давай прислушаемся.

Кайя слышала собственное дыхание, игру флейт в дальних покоях, шелест мантии по каменному полу. Ни шума шагов, ни

других признаков погони.

Она попыталась создать вокруг себя ореол, чтобы слиться со стеной позади нее. Девушка ощутила рябь магии, пробежавшую по телу, и уставилась на свою руку цвета старого дерева.

Что им теперь делать? Вина и страдание переполняли душу Кайи. Она села на пол и опустила голову на колени, стараясь дышать глубоко и медленно.

Она должна придумать, как освободить Ройбена и Корни.

Это было абсурдно. Она всего лишь юная пикси. Она едва знала, как использовать ореол, и почти не умела пользоваться собственными крыльями.

«Умная девушка». Эти слова дразнили ее и приказывали сосредоточиться. «Думай, Кайя. Думай».

Кайя сделала еще один глубокий вдох, размышляя. Она ответила на загадки. Она спасла Ройбена от Двора. Она все-таки научилась создавать ореол. Она могла это сделать.

– Пойдем! Пожалуйста, пойдем, – попросила Люти, присаживаясь на колено Кайи.

Кайя покачала головой.

– Люти, нужно что-то сделать. Если бы я только могла придумать!

Они все – фейри. Ладно, тогда она должна рассуждать как человек. Она должна оценить все, что умеет делать. Трюки с зажигалкой. Кражи в магазинах. Особенно следует подумать о том, чего не любят фейри.

Железо.

Кайя взглянула на Люти.

– Что произойдет, если я проглочу железо?

Люти пожала плечами.

– Ты обожжешь себе рот. И можешь даже умереть.

– А если я отравлю кого-нибудь железом?

Люти недовольно завозилась на колене девушки, скептически глядя на нее.

– Но здесь нет железа!

Кайя набрала в грудь воздуха и медленно выдохнула. Она думала слишком быстро, ей следовало остановиться и успокоиться. При Зимнем Дворе, конечно же, имелось железо. Наверняка часть оружия сделана из него, но Кайя не знала, где оно хранится. Оно могло быть где угодно, но не в библиотеке.

Она оглядела себя. Что у нее было от Железнобоких? Футболка, трусики, ботинки... Зеленый сюртучок – это только ореол.

Кайя быстро расшнуровала ботинки. В них определенно было железо, оно не соприкасалось непосредственно с ее кожей, но оно там было. Она стянула обувь и осмотрела ее со всех сторон: стальные колечки, сквозь которые продевались шнурки; стальные пластинки в носках ботинок под стельками. Она чувствовала их тепло через толстый пластик внутри. Если извлечь пластинки, как их использовать? Они были слишком большими – разве что наточить из них опилок... Кайя достала из кармана сюртука нож, который отдал ей Ройбен, и стала отковыривать подметки. Оторвав их, она увидела ряды сияющих стальных гвоздиков, таких маленьких, что их вполне можно было проглотить, не заметив.

Взяв нож в одну руку, а ботинок в другую, Кайя начала по очереди вытаскивать гвоздики.

Новые ощущения опьяняли Корни. Он сидел на грязном полу огромного подземного дворца. Придворные играли на музыкальных инструментах, а Нефамаэль кормил его из собственных рук огромными темно-синими виноградинами. Вокруг Корни различные существа, большие и маленькие, пили из бокалов, играли в загадки и в странную игру, кидая определенным образом круглые камешки.

Весь мир съежился до грозди винограда. Не было ничего лучше, чем касаться губами щедрых пальцев, не было ничего слаще, чем лопающиеся во рту иссиня-черные шарики.

– Мне кажется, что в тебе слишком много чувства собственного достоинства, – обратился Нефамаэль к своему новому пленнику. – Я приказываю тебе танцевать.

Небольшая толпа, собравшаяся у подножия помоста, оторвалась от своих занятий, чтобы посмотреть, как танцует Ройбен.

Тело рыцаря напоминало тетиву лука, дрожащую после выстрела. Его серебристые волосы развевались на ветру, а глаза жили отдельно от тела, взгляд метался по сторонам, точно у животного, попавшего в ловушку и готового отгрызть себе лапу, лишь бы освободиться. Движения Ройбена в танце были правильны, но слишком стремительны, в них читалось отчаяние. Корни не хотел жалеть Ройбена и потому отвел глаза. Из руки короля упала виноградина, но Корни не обратил на это внимания.

Рыцарь танцевал, а Зимние придворные смеялись и шутили.

– Слишком легко. Понадобится слишком много времени, чтобы утомить его. Хлещите его, пока он танцует.

Три гоблина с хлыстами шагнули вперед, чтобы исполнить приказание. Красные полосы пролегли по спине и груди Ройбена.

Корни радовался, что здесь нет Кайи.

– Какую задачу я должен дать ему, чтобы он мог занять место при моем Дворе? Я хочу сохранить его при себе. До сих пор он был талисманом, приносящим удачу.

– Пусть он отыщет бескрылую птицу, которая умеет летать!

– Пусть найдет для нас козу, сосцы которой полны не молока, а вина.

– Да, пусть приведет нам такую славную козочку!

– Скучно, скучно, скучно, – произнес Нефамаэль и откинулся на спинку трона.

Глядя на Корни сверху вниз, он улыбнулся сладкой, как медовый пирог, улыбкой.

– Ты упустил несколько ягод, – насмешливо сказал он, – Собери их... зубами.

Корни отвел взгляд от Ройбена, не сознавая, что все это время смотрел на него, и выполнил приказ короля.

На самом деле это вряд ли можно было считать планом. При помощи ореола Кайя придала себе облик Плетенити – единственной фейри Зимнего Двора, которую она запомнила отчетливо и рассчитывала не встретить сейчас в тронном зале. Она преображалась

в старуху в тихом коридоре, однако Люти чуть не подвела ее, заливаясь смехом так громко, что еле удерживалась в воздухе.

А затем, сжимая в руке крошечные жгучие гвозди, Кайя отправилась на поиски главного зала. Найти его оказалось нетрудно. За шахматным кабинетом были и другие двери, но только один проход вел наверх.

Тронный зал Зимнего Двора не изменился с прошлого раза и почти так же был полон народу. Выйдя из внутренних помещений дворца, Кайя оказалась как раз позади возвышения. Там танцевал Ройбен, и на его спине алели полосы от ударов хлыста. Нефамаэль сидел на резном деревянном троне, и по-прежнему железный обруч стягивал его лоб. Девушка увидела, как он небрежно потрепал по волосам Корни, сидевшего у его ног.

Сделав глубокий вдох, она ступила на возвышение и направилась прямо к красношапу, разливавшему вино. Он держал серебряный графин, отделанный сверкающей чешуей, наполняя кубок нового Зимнего короля.

– Чего тебе, швея? – поинтересовался красношап, обнажив в ухмылке острые желтые зубы.

И тут Люти сделала то, что задумала: она пролетела у самого лица красношапа, и он протянул руку, чтобы ухватить ее. Отвлечшись на маленькую фейри, красношап не заметил, как Кайя уронила в вино стальные гвоздики. Это оказалось проще, чем красть в магазине. Куда легче, чем запихать в карман живую крысу.

– Плетенить!

Подойди сюда, швея. Кайя обернулась и увидела, что Нефамаэль обращается к ней. Кайя огляделась по сторонам. Люти ускользнула от красношапа, но Кайя нигде ее не видела. И хотя она знала, что крылатая фейри будет в безопасности, девушка не могла не беспокоиться. Из-за нее, Кайи, и так пострадало слишком много народу. Кайя подошла к Нефамаэлю и сделала реверанс, надеясь, что старая портниха вела бы себя именно так.

– Ах, – произнес король, небрежным жестом указывая на Ройбена. – Вот моя новая игрушка. Сильная, как ты видишь. И даже красивая. Мне нужен костюм для него. Пожалуй, я хочу одеть его во что-нибудь зеленое. Например, в ливрею Летнего пажа. Думаю, мне это понравится.

Кайя кивнула, и когда Нефамаэль вновь перевел взгляд на Ройбена, сделала шаг назад.

– Еще минуту, – сказал Нефамаэль. – Подойди ближе.

Сердце девушки неистово заколотилось, и Кайя покорно шагнула к нему.

Зло усмехнувшись, Нефамаэль соскочил с трона и схватил ее за костлявое плечо. Его лицо выражало такое ликование, что у Кайи все сжалось внутри. Магия окружила ее, разрушая ореол. Девушка почувствовала, что ее раздирают на части. Она слышала, что кричит, но не могла остановиться; ей не хватало сил удержать ореол. А потом она упала на колени, одетая в футболку и трусики, как сегодня утром. Волосы снова стали жесткими от морской соли.

Вокруг послышались крики и возгласы.

– Заткните ей рот, – приказал Нефамаэль, – затем свяжите ей руки за спиной и дайте мне поводок.

Фейри быстро выполнили его приказ.

Снова усевшись на трон, Нефамаэль взмахом руки приказал подать вина. Кайя затаила дыхание, но король только принял бокал и не стал пить.

– Какое неожиданное наслаждение. Это внесет разнообразие в игру. Подойди сюда, Ройбен.

Ройбен помедлил, его тело дрожало от изнеможения и боли. Красные полосы на его спине и груди выглядели ужасно и все еще кровоточили. Он подошел и остановился перед Нефамаэлем.

– На колени.

Ройбен опустился на колени, чуть слышно вскрикнув от боли.

Нефамаэль запустил руку в складки своего плаща и извлек оттуда кинжал с золотым лезвием и костяной рукояткой. Король бросил кинжал, и оружие со звоном упало на пол перед Ройбеном.

– Вот мой приказ: когда я скажу «начинай», ты возьмешь кинжал и будешь резать пикси, пока она не умрет. Игра заключается в том, будешь ли ты убивать медленно, заставляя ее страдать ради моего удовольствия, пока ты тянешь время... или же перережешь ей горло одним ударом. Это будет очень деликатно с твоей стороны. Ах, –

театрально вздохнул Нефамаэль, поднимая бокал, – если бы ты только мог перестать надеяться!

Лицо Ройбена побелело от ужаса. Кайя задрожала. С кляпом во рту было трудно дышать и невозможно говорить.

– Начинай, – велел Нефамаэль, салютуя бокалом.

Ройбен повернулся. В глазах его стояли слезы, губы дрожали. Он сделал глубокий вдох и посмотрел на нож в своих руках, а потом на Кайю. Потом Ройбен прикрыл глаза, и Кайя поняла, что он пришел к какому-то страшному решению.

Кайя хотела зажмуриться, но вместо этого она старалась поймать взгляд Ройбена и остановить его глазами, но рыцарь не смотрел на нее.

И пока девушка ожидала, когда клинок выберет цель, она увидела, как Нефамаэль поднес бокал ко рту и осушил его одним глотком, запрокинув голову. Несколько секунд ничего не произошло; король лишь вытер уголки губ двумя пальцами. А затем он закашлялся, озирая бру дикими, полными ужаса глазами, и встретил взгляд Кайи. Нефамаэль упал на колени, царапая собственное горло. Он открыл рот, намереваясь то ли заговорить, то ли закричать, но не смог выдать ни звука.

Затем Кайя уже не видела никого, кроме Ройбена. Он прерывисто дышал, и в руке у него блестел золотой нож. Девушка вспомнила, что приказ Нефамаэля не отменен и Ройбен еще вынужден был повиноваться.

Кайя забилась, пытаясь ослабить узы, и почувствовала, как крошечные пальчики стараются ослабить повязку, удерживающую кляп во рту.

Застывшее, как маска, лицо Ройбена выражало ужас и потрясение, когда он наблюдал, как его рука направляет золотой клинок к Кайе.

Девушка напряглась, готовясь бороться за свою жизнь. Почувствовав, что повязка ослабла, она выплюнула кляп и рванулась навстречу лезвию, шепча:

– Рат Ройбен Рай, остановись... я приказываю тебе – остановись... я приказываю тебе...

Продолжая шептать, она ощутила, как лезвие впилося ей в руку выше локтя, услышала вскрик Ройбена, а потом оружие выпало из его разжавшейся ладони.

И тогда Кайя вскочила и с силой забила крыльями. Она легко взмыла к опрокинутой чаше потолка и на миг зависла там. Люти взлетела вместе с ней, пытаясь распутать веревку, стягивающую руки Кайи.

Затем от одного из входов донеслась тяжелая поступь рыцарей, звон оружия и колокольчиков. Прибыл Летний Двор.

Глава 15

Лучше быть Владыкой Ада, чем слугою Неба!

[\[13\]](#)

Джон Мильтон. «Потерянный рай».
Книга первая

Первыми в зал вошли рыцари. Все они были облачены в темно-зеленую броню, напоминавшую панцири насекомых. За ними появились двенадцать дам в платьях разного цвета. Кайя заметила среди них Этайн в нежно-золотистом одеянии. Вслед за придворными шла королева в платье цвета лунных лучей, как на гобелене в комнате Ройбена. Поверх платья она набросила переливчато-синий плащ, ниспадавший до пола. Королева не спеша проследовала к возвышению.

– Ройбен, – произнесла она.

Из толпы Зимних придворных донеслось шипение. Какой-то гигант шагнул вперед, но замер, наткнувшись на холодный стальной взгляд одного из рыцарей.

Нефамаэль все еще корчился на помосте, царапая пальцами горло и грудь. Он даже не заметил прибытия своей госпожи.

Ройбен взглянул на Летнюю королеву и прикрыл глаза с тяжелым вздохом, а Кайя ощутила, как душу ее наполняет страх. Что-то во всем этом было не так.

На шее королевы висела белая подвеска на серебряной цепи. Кайя уставилась на эту подвеску, словно замороженная ее движением. Взгляд королевы был прикован к возвышению: она наблюдала, как извивается в судорогах самозванный король Зимнего Двора.

– Нефамаэль служил тебе! – вырвалось у Кайи во весь голос.

Ее так ошеломило это открытие, что Кайя даже не успела обдумать свои слова. Слетев вниз, она встала рядом с Ройбеном.

Казалось, что все оцепенели. Даже королева замерла неподвижно.

Кайя глядела на Ройбена, всей душой желая, чтобы он ей поверил.

– Ройбен, ты должен был служить Никневин, а Нефамаэль должен был служить Летней королеве. Ты не мог не подчиняться ей. А Нефамаэль должен был повиноваться приказам своей госпожи точно так же, как и ты!

На губах королевы появилась мягкая понимающая улыбка.

– Пикси верно указала на суть обычая. Если бы я приказала Ройбену оставаться рядом со мной, то он не мог бы покинуть мой Двор. Но я не отдавала ему такого приказа. Уйдя, он больше не слышал моих приказаний и поэтому не следовал им. Сегодня я пришла сюда, чтобы поставить все на место.

Слова, слетевшие с этих прекрасных губ, звучали разумно и правильно. Кайя искренне хотела, чтобы ее предположение оказалось ошибкой, но амулет продолжал мерно покачиваться на шее королевы.

– Но я видела этот амулет! Он был у Нефамаэля, когда тот придал мне человеческий ореол. И Нефамаэль черпал из этого камня силу.

– Ты ошибаешься, пикси, и тебе следует умолкнуть. У нас есть более неотложные дела.

Голос Летней королевы звучал жестко, и несколько ее рыцарей моментально шагнули к Кайе.

– Кайя... – произнес Ройбен, покачав головой. – Это ее амулет. Он всегда был при ней.

Кайя повернулась к нему, глаза ее горели.

– Я говорю правду!

В толпе послышался ропот. Кайя точно не знала, какой исход покажется Зимнему Двору наиболее приемлемым; возможно, тот, при котором прольется больше крови. Она не сомневалась, что они, по крайней мере, радовались, что Летнюю королеву унижали. Ройбен поднял руку.

– Я выслушаю ее.

После его заявления шум в зале затих. Кайю это удивило. Ройбен стоял, прислонившись к трону, весь в крови и без оружия... и все же

вызывал уважение толпы, смолкнувшей по его слову.

Он кивнул Кайе:

– Говори.

Она сделала глубокий вдох и заговорила громко, чтобы ее слышали все.

– Думаю, для всех теперь очевидно, что я пикси, но я носила облик человека... ну... шестнадцать лет. Я нашла смертную девочку, место которой я заняла. Она все еще находится при дворе Силариаль.

Ройбен бросил на Кайю предупреждающий взгляд, но она продолжала:

– Это значит, что кто-то при Летнем Дворе поменял меня и ее местами, хотя я жила на землях Зимнего Двора, совсем близко к дворцу Никневин. Когда я была маленькой, за мной постоянно присматривали трое фейри. Они тоже были из Летних земель. Потом я переехала в Филадельфию и прожила там несколько лет, пока он – Кайя указала на Нефамаэля – не явился на один из концертов моей матери. Он поговорил с парнем, с которым жила мама, и через несколько минут этот парень попытался ее убить. На следующий день мы уехали обратно сюда. И не прошло и недели, как появились мои старые друзья-фейри и сказали, что я нужна им для выполнения их плана. Но у них не было достаточной власти, чтобы предложить меня Никневин для Десятины. Такая власть была у Нефамаэля. Он все знал. Так как же Нефамаэль оказался участником заговора Летних фейри? Да потому, что ему приказала Летняя королева! Только тогда все приобретает смысл. Единственная причина, по которой Нефамаэль выиграл от этого заговора, – это вмешательство Ройбена. Если бы Никневин не погибла, то Нефамаэль не выиграл бы ничего, зато выиграла бы Силариаль. И даже если бы ему удалось остаться королем, она правила бы Зимним Двором через него!

– Я не желаю больше этого слушать! – воскликнула Летняя королева.

– Но ты будешь! – возвысил голос Ройбен, но затем, сдерживая себя, заговорил уже тише. – Ты не замечаешь течения лет, Силариаль, так что удели нам немного времени. Я желаю выслушать остальную часть ее истории.

Кайя говорила быстро, слова обгоняли друг друга – она

торопилась сказать все:

– Этот амулет у нее на шее. Именно он помог мне понять, что произошло. Он был на Нефамаэле в ту ночь, когда он пришел, чтобы забрать меня для жертвоприношения. С помощью амулета он набросил на меня плотный ореол. Это был ее амулет, ее волшебство. Они собирались принести меня в жертву, а потом разоблачить подмену и обвинить в этом Никневин. И сегодня, когда мы пришли сюда, Нефамаэль ждал нас, хотя никто, кроме Силариаль и ее Двора, не знал, что мы собираемся искать здесь Корни.

Упомянув имя Корни, Кайя не удержалась и бросила взгляд в его сторону. То, что она увидела, заставило ее резко умолкнуть.

Корни полз туда, где корчился Нефамаэль. Почти все лицо парня закрывала челка. На его щеке красовался синяк почти такого же цвета, как испачканные виноградом губы. Это вызвало у Кайи образ мертвой Дженет с холодными посиневшими губами. Корни поднял глаза на Кайю, будто почувствовав ее пронзительный взгляд. Во взоре его стояла мучительная тоска.

– Корни, – позвала Кайя, делая шаг вперед.

По-прежнему глядя на нее, Корни взял золотой кинжал, брошенный Ройбенем, и поднял его с ухмылкой на губах.

– Нет! – закричала Кайя, кидаясь к нему, чтобы успеть прежде, чем он нанесет себе смертельный удар.

Но вместо этого клинок погрузился в грудь Нефамаэля. Снова и снова Корни вонзал кинжал в тело рыцаря-фейри, и при каждом ударе раздавался отвратительный хлюпающий звук. Кровь брызнула на одежду Корни, из горла его вырвалось тихое рычание.

И Летние, и Зимние придворные упивались зрелищем в немом восхищении. Никто не бросился на помощь, когда Кайя схватила Корни за руки и попыталась оттащить от тела.

Корни весь трясся, но когда Кайя притянула его к себе и обняла, то увидела, что он смеется. Смеется так неистово, что чуть не задыхается от смеха.

– Взгляни на дело рук своих, – промолвила Летняя королева.

Кайе понадобилось несколько секунд, чтобы осознать, что Силариаль обращается к Корни.

Один из Летних рыцарей выступил вперед. Кайя в ужасе смотрела, как он достал из-под своего плаща длинную ветку и, проведя по ней рукой, превратил в стрелу. Рыцарь нацелил стрелу прямо на нее.

– Ройбен, положи конец этой болтовне, или же это сделаю я! – потребовала Летняя королева. – Я проявила достаточно терпения. Тебе давно уже пора вернуться домой.

Голос Ройбена был негромок, но когда беловолосый фейри подошел к Кайе, слова его разнеслись над всем бру:

– Я дома, госпожа. Прикажите своему воину опустить оружие, и я позволю вам покинуть Зимний Двор живыми и невредимыми.

По толпе придворных пробежал шепот.

Кайя стояла, не в силах вымолвить ни слова. Никневин хорошо использовала Ройбена – должно быть, куда лучше, чем полагала сама. Она приблизила его к себе и использовала против остального Зимнего Двора. Кайя вспомнила, как расступались придворные, когда он вел ее сквозь толпу. Это правда, он не был одним из них, но он был далек от них не как изгой, а как король.

Никто не осмеливался бросить ему вызов.

Королева подняла тонкие брови:

– Как ты смеешь?

Сестра Ройбена с умоляющим взглядом сделала шаг вперед, но ничего не сказала.

Ройбен обвел глазами Двор и глубоко вздохнул. А затем заговорил:

– Слушайте меня и знайте условия предлагаемого мной договора. Вольные фейри получили семь лет свободы, но семь лет пролетят в мгновение ока. Придите ко мне теперь, Зимние и Вольные равно, и я дарую вам весь Самэйн. Свободу от сумерек до рассвета на веки веков.

Кайя видела, как несколько Зимних придворных вспрыгнули на помост. Они не приближались к Летним, однако их зубастые пасти угрожающе ухмылялись.

Королева гордо выпрямилась.

– Полагаю, мой рыцарь, вскоре ты поймешь, что захватить королевство куда легче, нежели удержать.

С этими словами она развернулась так резко, что подол ее переливчато-синего плаща очертил круг на пыльном полу. Вслед за ней повернулись к выходу ее рыцари и придворные. Одна Этайн колебалась.

Ройбен покачал головой.

Силариаль оглянулась и, заметив неуверенность Этайн, приглашающе распахнула свой плащ. Сестра Ройбена позволила обнять себя и увести прочь вместе с остальным Летним Двором. Она не видела ни жестокой улыбки, играющей на губах королевы, ни взгляда, которым та обменялась с Ройбеном поверх головы его сестры.

Когда последний Летний придворный покинул зал, Ройбен, самопровозглашенный король Зимнего Двора, едва не упал на свой трон. Кайя улыбнулась ему, но он не смотрел на нее. Взгляд его пепельно-серых глаз устремился куда-то в полумрак бру.

Корни по-прежнему продолжал хохотать.

Небольшой зал для траурных церемоний был отделан в викторианском стиле: резная мебель из темного дерева, стены затянуты темным вытершимся бархатом с рисунком из темно-красных геральдических лилий. Здесь присутствовали одноклассники Дженет, которых Кайя почти не помнила. Кении, Пончик, Марк и Фатима сидели вместе и постоянно перешептывались, даже когда говорил священник.

Во время всей заупокойной службы Корни держал Кайю за руку. Его холодные потные пальцы сжимали ее руку так, что было больно. Он не плакал, даже когда Кайя не могла сдержать слез, однако выглядел бледным и измученным, а черный траурный костюм еще больше это подчеркивал. Каждый раз, когда Кайя бросала взгляд на синеватый кровоподтек у него на щеке, эта отметина казалась ей все более неуместной и даже непристойной.

Мать Кайи жутко испугалась, считая, что Кайя тоже погибла... Эллен даже решила не переезжать в Нью-Йорк насовсем, а просто ездить туда на заработки. Даже бабушка сочувствовала Кайе. Эллен

довезла Кайю до погребальной конторы и пообещала забрать ее, когда она позвонит. Это было странно и даже мило, но Кайя не хотела к этому привыкать.

Дженет лежала в гробу красивая словно картинка: рыжие локоны, алые губы. Офелия в цветах, все названия которых знал, наверное, только Ройбен. Кайя чувствовала запах химикалий, которыми обрабатывали покойную Дженет, и пробивавшийся сквозь них смрад разложения. Подойдя ближе к гробу, она едва не задохнулась, однако коснулась холодной, непривычно твердой руки Дженет и положила в гроб свой дар – флакончик голубого с блестками лака для ногтей.

Глядя на тело сестры, Корни продолжал мертвой хваткой цепляться за руку Кайи.

Когда церемония завершилась, Кайя и Корни еще некоторое время стояли снаружи, ожидая, пока его мать не попрощается со всеми родственниками.

– Ах да, я почти забыл, – тихо произнес Корни. – Перед тем как мы приехали сюда, мама останавливалась у магазина. Я тоже зашел, чтобы купить сигарет. – Он залез во внутренний карман своей кожаной куртки и вытянул несколько трубочек с разноцветными полосками на прозрачной обертке. – Это букет «Волшебных палочек пикси».

Кайя улыбнулась.

– Тебя, наверное, следовало бы поблагодарить.

– Уже, – коротко ответил он. – Вот смотри – разгрызаешь леденец, а внутри настоящий волшебный порошок. Сахарная пудра с лимонной кислотой. На вкус просто ужасно.

Кайя фыркнула, и Корни тоже рассмеялся странным, отчаянным смехом, улетевшим в ночное небо.

– Что ты собираешься делать теперь? – спросила девушка.

– Не знаю. Черт, мне еще предстоит переварить все, что я уже наделал.

– Я понимаю, что ты имеешь в виду... но ты же знаешь, что это все не твоя вина?

– Если не считать того, что было в конце... ну, с ножом.

– И даже это. Может быть, в особенности это.

– В следующий раз... Кайя, я никогда больше не буду беспомощным. Чего бы это ни стоило, – сказал Корни.

Кайя с облегчением увидела, что взгляд его посветлел.

– Что ты хочешь этим сказать?

Он только сильнее сжал ее руку и, помолчав несколько секунд, спросил:

– А как насчет тебя?

Кайя пожала плечами.

– Я не говорила, что умею превращать листья в деньги?

– Д-а-а? – переспросил он, подняв брови.

Его мать подошла к ним вместе с несколькими родственниками, и Корни наконец-то отпустил ладонь Кайи и сел в машину. Рука ее была горячей и влажной, и когда ночной ветерок коснулся кожи, девушке показалось, что он леденит ее сердце.

Последний участник церемонии покинул погребальную контору, и служащий запер дверь. Кайя перешла улицу, направляясь к таксофону перед супермаркетом. Она позвонила матери и уселась на тротуар рядом с пластиковой лошадкой, которая раскачивалась, если бросить в приемное устройство монетку. Неоновый свет вывески, запах подгнивших овощей, шуршание пластиковых пакетов по асфальту пустой стоянки – все это было настолько обычным, что Кайя наконец отрешилась от событий двухдневной давности.

Эти два дня она не видела Ройбена. Не то что между ними произошел разлад, а ей просто было нужно отвести Корни домой, а Ройбен остался и занимался делами, обязательными для новоиспеченного монарха. Она даже не ощущала грусти, что не видела его. Скорее, это было облегчение, как у человека, который знает, что надвигаются неприятности, но может на некоторое время их отсрочить. Если она с ним увидится, ей придется выслушать, что он думает об их взаимоотношениях сейчас, когда стал королем.

Глядя на пластиковую лошадь, Кайя призвала свою магию. Миг спустя лошадь встряхнула гривой и прыгнула с металлических полозьев, на которых стояла. На глазах у Кайи ожившая игрушка умчалась в ночь, звонко стуча пластиковыми копытами по асфальту.

– Я хотел бы вернуть тебе нечто, что тебе принадлежит.

Голос Ройбена заставил девушку подскочить. Как он ухитрился подойти так близко и она ничего не услышала? И все же Кайя не смогла сдержать глупую улыбку и даже не смогла выбрать себя за это.

– Что?

Он шагнул вперед, преодолевая разделяющее их расстояние, и накрыл губами ее рот. Веки Кайи сомкнулись, губы чуть приоткрылись, и она почувствовала, как поцелуй огнем бежит по жилам, обращая тоскливые мысли в дым.

– Э... – Кайя отступила назад, чувствуя, как кружится голова. – Почему это принадлежит мне?

– Это поцелуй, который я украл у тебя, когда ты была околдована, – терпеливо пояснил Ройбен.

– А-а... ну а если я этого не хочу?

– Не хочешь?

– Нет, – ответила она, уже не сдерживая улыбку и надеясь, что матери понадобится еще некоторое время, чтобы доехать сюда. – Я хочу, чтобы ты забрал его обратно. Пожалуйста.

– Я твой покорный слуга, – ответил король Зимнего Двора, вновь склоняясь к ее губам. – Считай, что это уже сделано.

notes

Перевод Виктора Широкова.

Перевод М. Абкиной

Один из персонажей «Звездного пути». (Примечание переводчика.)

Имеются в виду комиксы из серий «X-files» (в русском переводе «Секретные материалы») и «X-men» (в русском переводе «Люди Икс»). *(Примечание переводчика.)*

Наркотики (*сленг*).

В кельтской мифологии фейри обитают в холмах. Внешне эти холмы могут казаться небольшими, однако внутри их зачастую размещаются дома, дворцы и даже целые волшебные города. Внутреннее пространство таких холмов называется «бру».

Перевод З. А. Миркиной.

Перевод Иосифа Бродского.

Джон Мильтон, «Потерянный рай». Книга четвертая. Перевод
Арк. Штейнберга.

Перевод Дарьи Даниловой.

Перевод М. Кудиновой.

Перевод С. Маршака.

Перевод Арк. Штейнберга.